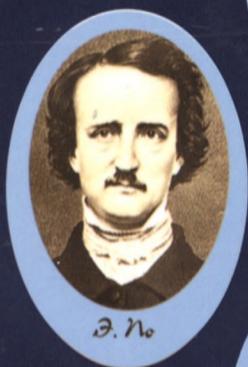

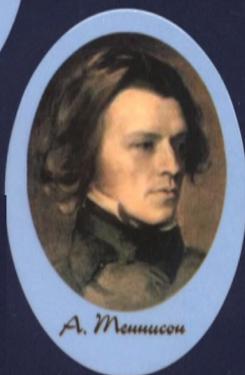
В.Н. Горенинцева

**АНГЛИЙСКАЯ
И АМЕРИКАНСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НА СТРАНИЦАХ ТОМСКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПЕРИОДИКИ**

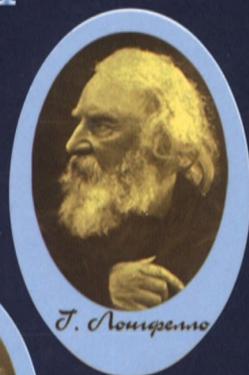
Э. Но

А. Мэтисон

О. Гейног

Ф. Лоуренко

**Федеральное агентство по образованию
Томский государственный университет**

В.Н. Горенинцева

**АНГЛИЙСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА НА СТРАНИЦАХ
ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПЕРИОДИКИ: КРИТИКА,
ПЕРЕВОДЫ, ТЕАТР**

**Антология библиографических
материалов и переводов**

**Томск
2010**

УДК 821.111: 025.173
ББК 83.1 (4 Вел) + 83.3 (7 США)
Г686

Горенинцева В.Н.

Г686 Английская и американская литература на страницах томской дореволюционной периодики: критика, переводы, театр / Отв. ред. О.Б. Кафанова – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 160 с.

ISBN 5-94621-303-2

Настоящее издание посвящено исследованию рецензии английской и американской литературы в дореволюционном Томске. Оно включает антологию библиографических материалов (литературно-критических публикаций, театральных рецензий), а также полные тексты переводов с английского, опубликованных в томских периодических изданиях в период с 1881 по 1918 г.

Для преподавателей вузов и школ, студентов и аспирантов, для всех, кто интересуется историей региональной культуры.

УДК 821.111: 025.173
ББК 83.1 (4 Вел) + 83.3 (7 США)

Рецензенты:

доктор филологических наук, Н.Е. Разумова
кандидат филологических наук, Н.Е. Никонова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-01-64103а/Т*

ISBN 5-94621-303-2

© Горенинцева В.Н., 2010
© Томский государственный университет, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX в.	4
I. Библиографические материалы.....	21
Литературно-критические публикации	21
Театральные рецензии	31
Переводы	35
II. Переводы	39
Литература Англии в томских переводах	39
Киплинг Р. Мухаммад Дин	39
Лизбет	45
Самообман	51
Конан Дойл А. Заколдованный остров	55
Теннисон А. Царица мая	68
Уайльд О. Артист	71
Ученик	72
Творец добра	73
Соловей и роза	75
Натурщик-миллионер	82
Сфинкс без тайн и загадок	90
Литература США в томских переводах	98
Лонгфелло Г.У. Excelsior!	98
По Э. Черная кошка	100
Сновидение	108
Твен М. Дуэль Гамбетты	109
Роман эскимосской девушки	116
Журналистика из Теннесси	134
Счастье	141
Молния	149
Персоналии	157

РЕЦЕПЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКЕ конца XIX – начала XX в.

В конце XIX в. происходит формирование Томска как крупнейшего интеллектуального и культурного центра Сибири. Если в середине XIX в. город был «по преимуществу купеческим, разношерстным и скучным по нравам и обычаям»¹, то уже в 1886 г. известный американский литератор и путешественник Дж. Кеннан, посетив Томск, охарактеризовал его как «второй в Сибири по величине и значению, но первый по предприимчивости и интеллектуальному развитию»².

В городе складываются разнообразные механизмы функционирования культуры: образовательные и просветительские учреждения, библиотеки, музеи, книжные издательства, театр. И хотя, как писал Г.Н. Потанин в 1912 г., «эти общества пока служили только передаточными органами, пересаживающими духовное богатство из центра на окраины»³, они, тем не менее, выполняли ответственную просветительскую миссию, приобщая Томск к достижениям мировой художественной культуры. Значительную роль в этом играла периодическая печать.

При естественном акценте на вопросах отечественной литературы и культуры, все томские частные периодические издания в той или иной форме отражали вхождение иноязычной литерату-

¹ *Евтропов К.Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске в связи с историей города. Томск, 1904. С. 257–258.

² *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка В 2 ч. СПб., 1906. Ч. I. С. 44.

³ *Потанин Г.Н.* Культурно-просветительные организации // Город Томск Томск, 1912. С. 98.

ры в культурное пространство Сибири. Можно назвать три издания, которые дают наиболее последовательную и целостную картину рецепции иноязычной литературы: «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь».

Специфика рецепции во многом была обусловлена редакционной политикой газеты и кругом ее сотрудников. Редакция «Сибирской газеты», состоящая из политических ссыльных-народников и областников, преимущественно освещала вопросы отечественной культуры. Материалы рецепции иноязычной литературы находили отражение главным образом в рубрике «Хроники томского театра», где публиковались рецензии на театральные постановки.

Концептуально иное отношение к популяризации иноязычной литературы было свойственно либеральному «Сибирскому вестнику»: факты ее рецепции присутствовали во всех критических и беллетристических рубриках издания, где в качестве постоянных литературных обозревателей, театральных рецензентов и переводчиков выступали В.А. Долгоруков, А.О. Станиславский, П.Л. Черневич и другие.

Газета «Сибирская жизнь», во многом наследовавшая традиции «Сибирской газеты», тем не менее, сделала материалы о зарубежной литературе постоянной частью своего контента. Именно в «Сибирской жизни» иноязычная литература впервые стала предметом рефлексии не только критиков, в силу разных обстоятельств оказавшихся в Сибири (П.Н. Бражников, В.М. Бахметьев), но и критиков-сибиряков (Г.А. Вяткин, И.А. Иванов, А.С. Качоровская).

Рецепция иноязычной литературы в других частных томских изданиях имела нерегулярный характер. Многие из публиковавшихся в них материалов заимствовались из центральной периодики.

Система критических жанров томских газет, складывающаяся под влиянием общих тенденций развития критики конца XIX – начала XX в., имела в то же время свою специфику, связанную с периферийностью литературного процесса и задачами, стоящими перед местной журналистикой. Просветительские установки обозначили диапазон жанров литературной критики, в наибольшей степени отвечающих задачам целостного осмысления литератур-

ной и общественной жизни и оперативного реагирования на текущие события. Основными жанрами литературной критики, в которых нашла отражение рецепция иноязычной литературы в томской периодике, становятся жанры литературного обозрения, библиографической заметки, рецензии и литературного портрета.

Эволюция жанра литературного обозрения в исследуемых томских газетах имела схожий характер. По мере развития литературно-критического потенциала каждого из изданий ежемесячные информационные обозрения, освещавшие беллетристику «толстых» русских и зарубежных журналов (обозрения Е.В. Корша в «Сибирской газете», В.А. Долгорукова в «Сибирском вестнике») вытеснялись предметно-тематическими обзорами и фельетонами (публикации Ф.В. Волховского в «Сибирской газете», П.Л. Черневича в «Сибирском вестнике», А.С. Качоровской в «Сибирской жизни»). Вершиной эволюции жанра можно считать циклы обозрений «Сибирской жизни» после 1909 г., когда одновременное участие в критическом отделе Г.А. Вяткина, А.С. Качоровской, Е.А. Колтоновской обеспечило «многоголосье» мнений и оценок. Ориентированные преимущественно на отечественный литературный процесс, литературные обозрения не обходили вниманием и западноевропейскую и американскую литературу, утверждая идею единого развития мировой культуры, к которому в некоторой степени подключалась и Сибирь.

Жанр библиографической заметки получил наибольшее распространение также в «Сибирской жизни». Самое интенсивное освещение произведений иноязычной литературы пришлось на 1900–1904 гг.: за этот период в газете было опубликовано 63 заметки разного объема постоянного библиографа «Л.С.». В поле зрения критика попадали преимущественно новинки, предназначенные для широких демократических кругов: серии издательства «Посредник» И.И. Горбунова-Посадова и сборники товарищества «Знание». Среди авторов, привлечших внимание томского критика, были как классики (Ч. Диккенс, Г. Лонгфелло), так и популярные авторы современности (Р. Киплинг, М. Твен). С 1912 г библиографические материалы в газете публиковали Г.А. Вяткин и

И.А. Иванов, демонстрировавшие разные подходы к оценке художественного произведения. Вяткин сконцентрирован преимущественно на идее произведения, которую он трактует со своей субъективной точки зрения. Для критического метода И. Иванова характерно активное привлечение биографического материала, историко-социального и общекультурного контекста, создание широкого компаративного ряда, подача анализируемого произведения в своеобразном культурном диалоге.

Жанр литературного портрета представлен в томских газетах такими его разновидностями, как юбилейная статья, критико-библиографический очерк и собственно литературный портрет. В свою очередь среди юбилейных статей можно выделить публикации, обнаруживающие близость критико-биографическому очерку («Сто лет со дня рождения Байрона» за подписью «N.N.» в «Сибирской газете», 1888 г.; «Юбилей Г. Бичер Стоу» А.С. Качоровской в «Сибирской жизни», 1911 г.) или сближающиеся с импрессионистским этюдом («Рыцарь красоты» Г.А. Вяткина в «Сибирской жизни», 1910 г.). Образцом собственно литературного портрета можно считать «миниатюры» П.Н. Бражникова, посвященные некоторым наиболее популярным западноевропейским писателям.

Театральные рецензии, посвященные западноевропейской драме, присутствуют во всех частных изданиях Томска. Постепенно в томской театральной критике формируется собственная система критериев оценки драматического произведения и его сценического воплощения, во многом обусловленная точкой зрения на театр как на народную школу (Ф.В. Волховский, В.А. Долгоруков). К ним относятся актуальность произведения, отражение в нем «жизненной правды», историческое соответствие костюмов и декораций, бережное отношение к тексту, «ансамблевость» актерского исполнения.

В западноевропейской составляющей томского театрального репертуара конца XIX в. большой удельный вес имела классическая драма как в наибольшей степени подходящая для реализации воспитательной функции театра. Увеличение в репертуаре доли совре-

менной европейской драмы происходило в начале XX в. и протекало на фоне сдержанного отношения томского культурного общества к театральному «новаторству». В качестве особенностей «томской» рецепции современной европейской драмы можно отметить ее избирательный характер, хронологическое отставание от столичной, стойкую приверженность томских театральных критиков привычным социально-этическим критериям (рецензии Г.А. Вяткина). Вместе с тем, развитие томской театральной мысли, попытки ее «подтягивания» до уровня столичной обнаруживаются в рецензиях некоторых молодых критиков, например И.А. Иванова, демонстрирующего стремление к смене парадигмы эстетических оценок.

Основной корпус художественных переводов, выполненных специально для томских газет, обнаружен на страницах «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни». Количество переводов в «Сибирском вестнике» оставалось стабильно высоким в период с 1894 по 1904 г. и заметно сократилось в 1905 г., что, вероятнее всего, было обусловлено событиями первой русской революции, приведшими к закрытию газеты. Пик интереса к зарубежной беллетристике в «Сибирской жизни» пришелся на 1903–1908 гг., после чего иноязычная проза и поэзия были значительно потеснены творчеством сибирских писателей и поэтов.

Языковой диапазон переводов включал французский, немецкий, английский и итальянский языки. В количественном отношении преимущество принадлежало переводам с французского и немецкого языков, тогда как переводы с английского представлены в меньшей степени. В ряде случаев переводчики прибегали к переводу-посреднику (французскому или немецкому).

Наряду с обилием переводов массовой литературы встречаются имена писателей и поэтов, имеющих мировую известность: Р. Киплинг, О. Уайльд, Г. Лонгфелло, Э. По, М. Твен и другие. В качестве переводчиков выступали томские журналисты и писатели Г.А. Вяткин, Е. Григорьев, И.А. Иванов, А. Михайлович, А.К. Ордynский. Многие переводы подписаны псевдонимами, расшифровать которые на данном этапе исследования не представляется возможным.

В большинстве рассмотренных переводов наблюдается тенденция к «встраиванию» в принимающую культуру: переводчики адаптируют текст оригинала с учетом уровня и потребностей читательской аудитории и специфической ориентации на классические литературные образцы. Адаптации в первую очередь подлежат культуронимы, представляющие сложность для потенциального читателя, иноязычные вкрапления, отсылки к историческим и политическим событиям, не имеющим большого значения для носителя русской культуры. Другими характерными проявлениями адаптации являются изменение оценочного регистра, приращение или сокращение текста, ведущее к различным смысловым девиациям.

Интерес сибиряков к английской литературе и культуре формировался на фоне преобладающих в русском обществе англофобских настроений, обусловленных потенциально возможными столкновениями внешнеполитических интересов двух империй. Осуждая шовинистическую политику Великобритании, сибирские критики, тем не менее, признавали за английской литературой особую роль в становлении отечественной словесности: «Между современными литературами выше всех английская литература, именно потому, что из всех современных нам народов англичане прожили более полную и плодотворную жизнь, чем все остальные. <...>. Поэтому переводы с английского всегда приносят больше поучительного, цельного, нового и художественного в другие литературы, нежели переводы с других языков в английский»⁴. Материалы, напрямую или косвенно подтверждающие интерес сибиряков к английской литературе, появлялись практически во всех газетных рубриках, начиная от местной хроники и заканчивая театральными рецензиями. Так, из опубликованных в газетах отчетов о деятельности библиотек в сибирских городах можно получить информацию о читательских пристрастиях сибиряков: из английских авторов упоминались Дж. Г. Байрон, Ч. Диккенс, В. Скотт, У. Шекспир. Фронтальный просмотр рекламных объявлений книжного магазина П.И. Макушина в «Сибирской жизни»

⁴ Сибирский вестник. 1892. № 48. 29 апр. С. 2.

показывает, что англоязычная художественная литература была представлена в достаточно широком ассортименте: на рубеже веков в Томске можно было приобрести произведения У. Голдсмита, Ч. Диккенса, Р. Киплинга, В. Скотта, П.Б. Шелли, Д. Элиот и других. Читательский интерес к английской литературе поддерживался публикациями в рубриках «Обо всем» или «Между прочим», содержащими информацию занимательного характера⁵. Газеты «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» регулярно перепечатывали из центральных газет заметки о событиях театральной и литературной жизни Англии.

Критическая рецепция английской литературы в томской периодике, развивающаяся в целом в русле общероссийской критики, имела ряд особенностей, среди которых можно выделить хронологическое отставание от «центра» и преобладание идеологического критерия в оценочной парадигме. При этом английские классики Шекспир и Байрон оставались неподвластными конъюнктурным изменениям и присутствовали в местной публицистике как вневременные, имеющие непреходящее значение для русской литературы и культуры. Знакомство с их произведениями считалось необходимым для каждого образованного человека, являлось признаком широкой эрудиции, своеобразным «опознавательным знаком» принадлежности к культурному обществу. Герои Шекспира и Байрона служили иллюстрациями в публикациях самой разнообразной тематики, иногда далекой от художественно-эстетических проблем. Цитаты из «Гамлета», «Отелло», «Дон Жуана» или их перефразированные варианты нередко встречались в фельетонных очерках, переписанных на «злобы дня».

В свою очередь современный английский социальный и социалистический роман традиционно оценивался за идейный пафос, а его художественно-эстетические достоинства оставались на периферии восприятия. Представляя томскому читателю произведения прозаиков У. Безанта, Т.Г. Холл Кейна и Э.Л. Войнич,

⁵ См.. *Привычки английских писателей* // Сибирский вестник. 1900. № 216. 3 окт. С. 3; *Странные привычки* // Сибирский вестник. 1902. № 225. 18 окт. С. 3.

критики обращали особое внимание на общественное значение произведения, близость и актуальность его проблематики для русского читателя. Преобладание идеологического фактора в оценке особенно ясно прослеживается в рецензии на роман Войнич «Овод». Полагая, что произведение английской писательницы не отличается большими художественными достоинствами – его персонажи «несущественны», а литературная обработка «топорна» – критик считает, что благодаря захватывающей идее и романтическому герою с его готовностью к самопожертвованию, произведение Войнич может дать читателю гораздо больше, чем «сумасшедшие и маньяки, фигурирующие в качестве искателей истины в отечественной литературе последних лет»⁶.

Критическая рецепция творчества неоромантиков Р. Киплинга и А. Конан Дойла нашла отражение в жанрах литературного портрета и библиографической рецензии. Сдержанное отношение томской критики к Киплингу в целом совпадает с общерусскими тенденциями, признававшими талант писателя, но порицавшими его шовинистическую позицию в англо-бурской войне. Так, П.Н. Бражников, автор наиболее объемной критической публикации о Киплинге в томской периодике, писал: «Талант Киплинга остается только громадным прожектором высокой культуры, направляющим свои яркие лучи на широкое пространство. <...> Он слишком ярко светит, от него не ускользнет ни одна мелочь, <...>, но этот талант не грест. Он демонстрирует только несокрушимую силу Англии, холодную в своем великолепии»⁷.

В оценке А. Конан Дойла томские критики намеренно уходят от шаблонного представления о нем как создателе Шерлока Холмса. Видя одной из своих задач борьбу с засильем массовой «сыщицкой» литературы, рецензенты делают акцент на многочисленных морских, охотничьих и военных рассказах писателя, подчеркивая их художественно-эстетические достоинства.

⁶ *Сибирская жизнь*. 1898. № 184. 28 авг. С. 2.

⁷ Там же.

Несколько запоздалое знакомство томского читателя с О. Уайльдом пришлось на первое десятилетие XX в. Самые ранние переводы его произведений появляются в томской газете только в 1906 и 1907 гг., а критики обращаются к английскому писателю лишь в 1910 г. в связи с десятилетием его кончины: в газете «Сибирская жизнь» выходит большая статья Г.А. Вяткина с поэтичным заголовком «Рыцарь Красоты»⁸. Вяткин, позиционировавший себя как критик-реалист, получивший «народническую закваску», считал модернистские течения упадком русской литературы. Однако его отказ от обязательных гражданских мотивов в творчестве отчасти сближал его позицию с точкой зрения Уайльда о принципиальной бесполезности искусства. Декларируя свои принципы, Вяткин писал: «Обновленная литература должна быть не тенденциозно-гражданской, а изящной и свободной, освещающей и согревающей трудовую жизнь»⁹. Как и символисты, Вяткин признает за Уайльдом особенную роль в мировой литературе: «Рыцарей Красоты, пророков и предтеч ей грядущего воцарения было немало: история литературы насчитывает десятки гениев, сотни и тысячи ярких талантов, но неистового, безмерного, безумного раба, жреца и апологета Красоты история знает только одного, и его имя – Оскар Уайльд»¹⁰. Для сибирского критика не имеют значения истоки скандальной репутации английского писателя, Уайльд интересен ему как талантливый художник, чьи творения существуют вне времени и пространства: «В каждом художнике, творце, ценно не то, что умирает с ним, а то, что остается жить и после его смерти и чем навеки оправдывается и украшается его имя»¹¹.

Центральным моментом в рецепции О. Уайльда становится духовная эволюция, которая, и в этом точка зрения томского критика совпадала с мнением некоторых столичных авторитетов, сближала английского писателя с идейно-философскими исканиями Ф.М. Достоевского. Г.А. Вяткину, автору объемной юбилейной

⁸ Вяткин Г.А. Рыцарь красоты // Сибирская жизнь. 1910. № 261. 23 нояб. С. 4–5.

⁹ Вяткин Г.А. Отрезвление // Сибирская жизнь 1908. № 160. 30 июля. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Там же.

статьи, близок сформировавшийся в России миф об Уайльд-мученике, который через испытания пришел к пониманию «религии страдания», несущей в себе особую Красоту.

Среди переводов из английской литературы, маркированных как выполненные специально для томских газет, некоторые представляют собой переводы произведений малоизвестных в России английских беллетристов, интерес к которым объясняется занимательностью сюжета. В то же время томских переводчиков привлекают имена, известные в мировой культуре: Р. Киплинг, А. Теннисон, О. Уайльд.

Обращение к поэме А. Теннисона «Царица мая» в «Сибирском вестнике» (1899) совпало с юбилейной для английского поэта датой. Сохраняя в целом трехчастную композицию оригинала, томский переводчик «В. Я-в» прибегает к жанрово-стилевой адаптации: поэтический английский текст, стилизованный под фольклор, передается ритмизованной прозой, что сближает томский вариант с жанром стихотворения в прозе, очень популярным в местной периодике на рубеже XIX–XX вв. Выбранная стратегия приводит к утрате сходства поэмы с фольклорным произведением и усилению ее религиозного звучания.

Переводы рассказов Р. Киплинга «Мухаммад Дин», «Лизбет» и «Самообман», выполненные А.К. Ордынским («Сибирский вестник», 1903), обнаруживают одновременную рсализацию разных переводческих стратегий. Установка на экзотизацию проявляется на поверхностном лексико-семантическом уровне: переводчик сохраняет наиболее яркую культуроспецифичную лексику, создающую у читателя эффект «погружения» в чужой топос. Вместе с тем ярко проявляется тенденция к лингвокультурной адаптации, ведущей к трансформации индивидуальных речевых характеристик героев, что сближает героев Киплинга (девушка-горянка, слуга-индус и т.д.) с соответствующими стереотипными образами в русской литературе.

В переводах новелл О. Уайльда «Сфинкс без тайн и загадок» и «Натурщик-миллионер» рсализуется установка на социокультурную адаптацию. Учитывая уровень массовой читательской ауди-

тории, переводчик Е. Григорьев существенно сокращает пласт культурологической информации, оставляет наиболее известные топонимы и культуронимы, переводит вставки на французском языке, изымает или трансформирует «уайльдовские» парадоксы. Вместе с тем для перевода трех стихотворений в прозе О. Уайльда – «Артист», «Ученик» и «Творец добра» (переводчик Е. Григорьев), – и его сказки «Соловей и роза» (переводчик «П.А.») выбрана стратегия эквивалентной репрезентации. Переводчики сохраняют характерный для оригинала ритмический рисунок, используя инвертированный порядок слов, многочисленные повторения, подхваты и параллельные конструкции, библейско-эпическую стилизацию. Тщательно передана и декоративность стиля О. Уайльда в описании интерьеров, тканей и драгоценных камней.

Томская театральная критика конца XIX – начала XX в., отражая тенденции, свойственные русской театральной критике в целом, имела собственное «лицо», определявшееся устоявшимся взглядом на особую роль театра в провинции. Английская классическая драма на томской сцене конца XIX – начала XX в. представлена трагедиями и комедиями Шекспира: «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Венецианский купец», «Укрощение строптивой». Несмотря на сложности в осуществлении высокохудожественных постановок, томские театральные критики (Ф.В. Волховский, В.А. Долгоруков) придавали большое значение обращению к английской классике в силу ее огромного воспитательного потенциала: даже неудачные постановки использовались ими как повод для обсуждения наиболее актуальных проблем провинциальной культуры. Однако в начале XX в. сформировавшееся молодое поколение томских критиков поставило под сомнение актуальность шекспировской драмы, не отражавшей, по их мнению, новейших направлений общественной мысли. Особняком стоит оригинальная трактовка комедии «Укрощение строптивой», рассматриваемой в контексте дискуссий о «женском вопросе».

Современная английская драма в томском репертуаре начала XX в. была представлена пьесами с «женской» тематикой: «Мисс

Гоббс» Дж.К. Джерома, «На полпути» А.У. Пинеро, а также комедией «Как важно быть серьезным» О. Уайльда. Главным критерием оценки драматического произведения по-прежнему оставалось его идейное содержание. Смена оценочной парадигмы обнаруживается только в рецензии И. Иванова на постановку комедии О. Уайльда в 1912 г. Рассматривая пьесу как пример «истинной художественности», критик особо отметил отсутствие в ней нарочитого дидактизма и блестящую импровизацию.

Таким образом, литературно-критическое, театральное и переводческое осмысление английской литературы в томской периодике второй половины XIX – начала XX в. убедительно доказывает, что, несмотря на формируемые печатью англофобские настроения, эта великая культура вызвала неподдельный интерес сибиряков. Критические публикации, театральные рецензии и переводы, представляя собой «провинциальный» срез русской рецепции, репрезентативны как в плане расширения диапазона оценок и мнений, так и в плане сравнения со срезом общенациональным. С другой стороны, они демонстрируют эволюцию томской гуманитарной мысли от становления и заимствования к самоидентификации и способности критически оценивать явления и процессы мировой художественной культуры, вырабатывая оригинальную оценочную парадигму и предлагая собственную интерпретацию. В свою очередь, анализ переводов позволяет говорить о преобладании тенденции к «одомашниванию» оригинала, вызванному стремлением снять потенциальные сложности восприятия на лексико-семантическом, стилистическом и сюжетно-образном уровнях.

Традиция сравнивать и сопоставлять Сибирь и Америку предопределила разнообразие материалов о США в томской периодике. Однако в связи с тем, что Россия в конце XIX – начале XX в. только начинала близко знакомиться и осваивать литературное богатство молодого американского государства, критическая рецепция американской литературы представлена в томской периодике в малом объеме. Несмотря на небольшое количество, литературно-критические публикации, раскрывая те или иные специфические

черты национального американского характера, во многом дополнили формировавшийся у томского читателя образ современной Америки.

Осмысление творчества американских романтиков Г.У. Лонгфелло и Э.А. По осуществлялось томскими критиками в связи с выходом русских переводов их произведений. Указывая на большое значение эпоса Лонгфелло для мировой литературы, анонимный рецензент особо подчеркнул выдающийся талант И.А. Бунина, чей перевод «Гайаваты» он вслед за столичными критиками признавал образцовым. В свою очередь И.А. Иванов высоко оценил мастерство Бальмонта как переводчика По, опровергая какие бы то ни было негативные отзывы о его переводческом методе.

Поводом для обращения А.С. Качоровской к Г. Бичер Стоу («Сибирская жизнь», 1911) послужила юбилейная дата. Не останавливаясь подробно на романе «Хижина дяди Тома», сделавшем писательницу знаменитой, Качоровская познакомила читателя с ролью Бичер Стоу в движении аболиционистов. Приведя данные о современном положении негров в Америке, критик опровергла миф о США как идеальной модели общественного устройства. В способе подачи материала отчетливо проявился «женский взгляд» (обилие эмоционально-оценочной лексики, сентиментальные описания).

Обращение к личности и творчеству У. Уитмена в томской периодике напрямую связано с оценкой футуризма как новейшего литературного направления. В своем докладе «Футуризм в литературе» («Утро Сибири», 1914) В.Е. Воложанин, называя Уитмена предтечей этого литературного течения, особенно отметил прогрессивность творчества американского поэта, пропагандирующего коллективизм, равенство людей и совершенство жизни, в то время как отечественные представители футуризма порицались им за идейную пустоту и склонность к эпатажу.

Современная американская литература представлена в томской периодике творчеством А. Синклера и М. Твена. Два произведения А. Синклера – остросоциальный роман «Джунгли» и семейно-бытовая сага «Испытания любви» – получили весьма высокую оценку томской критики. Знакома читателя с романом «Джунгли»

(«Сибирская жизнь», 1907), критик «Ал. Ос», поддержал мнение столичных коллег о большой идейной ценности произведения, однако, в отличие от них, увидел и художественные достоинства романа, силу воздействия которого он сравнил с лучшими страницами романов Э. Золя. Значение романа «Испытания любви» известный томский критик Г.А. Вяткин усмотрел в стремлении американского писателя показать нездоровые явления современного общества. Вяткину близок психологизм Синклера, пытающегося исследовать внутренние стимулы человеческого поведения.

Самым популярным американским писателем, чье творчество нашло яркое отражение в материалах томской периодики, явился М. Твен, продолжавший свою литературную и общественную деятельность до 1910 г. Появление в томских газетах разнохарактерной информации о М. Твене и его произведениях способствовало формированию амбивалентного образа американского писателя. За маской безобидного насмешника и создателя курьезных сюжетов, создаваемой благодаря небольшим занимательным заметкам в рубриках «Обо всем» и «Между прочим», угадывался автор, восхищающийся нравственной чистотой и духовным величием человека (библиографическая заметка об историческом романе М. Твена «Жанна д'Арк»). Таким образом, М. Твен в томской рецепции представлялся своеобразным художественным воплощением многогранности Америки.

Всего в томской периодике появилось пять переводов рассказов М. Твена, два перевода из Э. По – стихотворение «Сновидение» и новелла «Черный кот», выполненная с французского посредника – и перевод стихотворения «Excelsior!» Г.У. Лонгфелло, сделанный Г.А. Вяткиным. Анализ переводов из американской литературы демонстрирует, что наряду с «одомашниванием», призванным приблизить текст к социокультурным условиям восприятия, встречаются попытки создать перевод, в котором сохранялись бы культуроспецифичные особенности оригинала, в том числе и особая природа американского «юмора границ», являющегося необходимым компонентом формирования представления об Америке и американцах.

В переводе новеллы Э. По «Черный кот», выполненном «Ильей Л.» в 1908 г., реализуется стратегия *трансформации нравственно-эстетического канона*. Оберегая читателя от натуралистических описаний патологического сознания героя, переводчик не включил в текст наиболее сильные в эмоциональном плане фрагменты, вследствие чего в переводе преобладает морализаторский пафос. Этой же стратегии придерживается Г.А. Вяткин в переводе баллады Г. Лонгфелло «Excelsior!». Он намеренно усиливает героический пафос за счет многочисленных эмоционально-оценочных приращений (не «знамя», а «святое» знамя, не «путник», а «безумец-герой»), а с другой стороны, приближает героя к сибирскому читателю за счет изменения пространственной локализации событий и устранения из текста «чужого» слова. Таким образом, баллада Лонгфелло в переводе Вяткина становится своеобразной манифестацией нравственной и гражданской позиции переводчика, призывающего к возврату к романтическим идеалам в условиях реакции в общественной жизни страны.

В переводе рассказов М. Твена «Роман эскимосской девушки» и «Журналистика в Теннесси» реализуется стратегия «экзотизации». В первом случае А. Михайлович с большой тщательностью воспроизводит все культуронимы, воссоздающие атмосферу северной природы. Во втором произведении анонимный переводчик также тщательно сохраняет реалии, связанные с культурой индейцев («скальп», «томогавк») и верно передает специфику американского «юмора границ».

Стратегии социокультурной адаптации следуют «К. В-ков» в переводе рассказа М. Твена «Дуэль Гамбетты» и Е. Григорьев в переводе новелл «Счастье» и «Молния». Основными приемами приспособления текста к социокультурным условиям рецепции становятся дозированное использование культуроспецифичной лексики, ее замена на нейтральную, в результате чего текст лишается местного колорита. Существенной модификации подвергается и специфика «твенновского» юмора: нейтрализуются гиперболы и литоты, изменяется образная основа метафор, многочисленные вставки на немецком языке (новелла «Счастье») переводятся на русский.

Стратегия эквивалентной репрезентации реализуется в переводе стихотворения Э. По «Сновидение», выполненном И. Ивановым. Переводчик старается максимально точно передать ритмико-интонационный рисунок оригинала, сохраняет ассонанс и аллитерацию, анафорические повторы, внутреннюю рифму. В итоге перевод способен дать томскому читателю адекватное представление о творческой манере, мотивах и образах лирики Э. По.

Особенностью рецепции американской литературы в томской периодике стало «художественное усвоение» творчества М. Твена в фельетонах журналистов «Сибирской жизни». «История одной рукописи» А. Борского и «Удовольствие быть фельетонистом», подписанный псевдонимом «Игла», тематически, сюжетно, стилистически и композиционно перекликаются с ранними юморесками Твена, посвященными журналистской тематике. Томские журналисты «заимствуют» у Твена образ рассказчика-простака, который в новом контексте приобретает специфические черты: он не так наивен, как его американский «собрат», и готов к неожиданностям, но даже его поражают масштаб и нелепость инсинуаций. Для создания комического эффекта используются те же приемы, что у М. Твена: гипербола и гротеск, доводящие ситуацию до абсурда.

Таким образом, томская рецепция американской литературы, представленная не только критикой, но переводами и элементами художественного усвоения, доказывает, что творчество американских писателей находило живой отклик у сибирского «культурного» общества.

Бурное развитие литературно-критической мысли в томской периодике в конце XX в. демонстрирует эволюцию местного критика (читателя, зрителя). За весьма непродолжительный срок, немногим более тридцати лет, местная эстетическая мысль прошла путь от эпигонства до выработки собственной позиции в оценке того, что предлагала для усвоения столичная культура. Наблюдался и безусловный рост переводческого мастерства. К сожалению, дальнейшее развитие эстетической мысли в Томске было прервано неблагоприятными историческими и социальными событиями: с началом первой мировой войны литературно-критические, беллет-

ристические и театральные отделы в газетах существенно сокращаются.

Настоящее издание содержит антологию библиографических материалов (литературно-критических статей, театральных рецензий и переводов с английского), а также переводы произведений английских и американских писателей. Литературно-критические материалы систематизированы по хронологическому принципу. Внутри подраздела соблюдается алфавитный порядок. Каждый номер сопровождается краткой аннотацией или выдержкой из статьи. Театральные рецензии располагаются по авторам (в алфавитном порядке) и пьесам (если речь идет о нескольких пьесах одного драматурга). Внутри подраздела соблюдается алфавитный порядок. Переводы располагаются по алфавиту.

Из переводов, опубликованных в дореволюционных томских газетах, выбраны только маркированные как «выполненные специально для газеты». Внутри двух разделов – «Литература Англии в “томских” переводах» и «Литература США в “томских переводах”» – соблюдается алфавитный порядок. Если переведено несколько произведений одного автора, они располагаются в соответствии с хронологией их появления в томских газетах.

I. БИБЛИОГРАФИЯ

Литературно-критические публикации

1881

1. [Войцеховский А.М.] Дизразли [некролог] / А.М. Войцеховский // Сибирская газета. – 1881. – № 12. – 8 апр. – Стб. 375.

«Дизразли обращает на себя внимание <...> как изящный писатель, романист, одаренный живым и блестящим воображением. Лорд Биконсфилд всегда дорожил званием писателя, <...> особенно гордился тем, что литература – его «единственный герб»».

1886

2. [Волховский Ф.В.] Что такое Гамлет и Отелло? (маленькая литературная параллель) / Ф.В. Волховский // Сибирская газета. – 1886. – № 46. – 16 нояб. – Стб. 1369–1371.

Волховский считает, что Гамлета и Отелло – люди «высшего порядка», которых типологически объединяет стремление к высшему идеалу и достижению внутренней гармонии: «Страдания этих людей ужасны, но для всего человечества они – благо, ибо крупницы их богатой духовной трапезы падают на поле и тут их подбирают нищие духом».

1888

3. Отовсюду // Сибирская газета. – 1888. – № 17. – 11 янв. – С. 2. Столетняя годовщина со дня рождения Дж. Г. Байрона. Почему в Англии не чествовали этого дня. Подпись: «N.N.».

«Ревнителю показной нравственности, лицемерные ханжи <...> не переставали обвинять поэта в безнравственности, безбожии, отсутствии патриотизма тем сильнее, чем выше и глубже были его последующие произведения, чем беспощаднее он разоблачал фарисейство и глупость общества».

4. Селиванов Т.Н. Что такое Лир / Т.Н. Селиванов // Сибирский вестник. – 1888. – № 25. – 3 марта. – С. 3.

«Король <...> до самого конца остается человеком, не совсем лишенным ума, и только минутами этот ум под тяжестью от непосильной работы как бы отдыхает в безумии. <...> Лир далек от знания жизни, <...> это укор всем тем, кто живет, закрывая глаза на мир».

1890

5. Журнальное обозрение // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – № 9. – 19 янв. – С. 2.

Отклик на статью Л.Н. Толстого «Что такое искусство»: «Когда Шекспир оказывается представителем дурного искусства, а Дюма-отец странным образом попадает в светочи искусства, хотя бы даже и второразрядные, то для объяснения такого факта трудно подобрать какое-нибудь основание, кроме того, что граф Толстой совершает по каким-либо причинам насилие над своим эстетическим чутьем».

6. Литературная беседа // Сибирский вестник. – 1890. – № 26. – 2 марта. – С. 3.

Сообщается о выходе «Паломничества Чайлд Гарольда» Дж.Г. Байрона в переводе П. Козлова.

7. Литературная беседа // Сибирский вестник. – 1890. – № 48. – 29 апр. – С. 2.

О романе У. Безанта «Люди всякого сорта и состояния»: «У нас подобный роман не мог бы послужить поводом для осуществления на практике чего-либо нарисованного в нем, другое дело в Англии – там он имел значение воззвания к состоятельным классам».

8. Чем мы живы // Сибирский вестник. – 1890. – № 98. С. 2.

«Одолел современного культурного человека английский сплин или русская хандра. Немцы называют этот недуг моровой скорбью, многие писатели и художники нарядили его в красивую тогу и заставили грациозно позировать в качестве героев а-ля Гамлет, Чайлд Гарольд. Многие психиатры не соглашаются с мнением писателей и художников и полагают, что здесь мы имеем дело с весьма печальным явлением

вырождения, а герои не только не имеют в себе ничего героического, но даже по своему патологическому типу состоят в весьма близком родстве с идиотами».

1892

9. Литературная беседа // Сибирский вестник. – 1892. – № 48. – 29 апр. – С. 2. Подпись: «Pius Novus».

О романе У. Безанта «За веру и свободу»: «Роман Безанта полон самых разнообразных мудрых сентенций, контрастов трагического и комического, щемящего сердце и умиляющего, за этим романом читатель переживет и передумает более чем за всю свою жизнь. А в этом-то и секрет гениального творения искусства».

1893

10. Что читает сибиряк? // Сибирский вестник (Томск). – 1893. – № 43. – 18 апр. – С. 3.

Сообщается об итогах Ирбитской книжной ярмарки: «Сочинений в духе Понсона-дю-Тейраля нет, их никто не спрашивает. Спросом пользуется Диккенс».

1897

11. Марк Твен о немецком языке // Сибирская жизнь. – 1897. – № 246. – 14 нояб. – С. 3.

Приводится отрывок речи «Об ужасающей трудности немецкого языка», произнесенной М. Твеном на обеде в клубе «Конкордия» в Вене.

12. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1897. – № 81. – С. 2. Подпись: Книжник.

В рубрике «Литературное обозрение» упоминается историко-литературная монография Г. Брандеса «О Шекспире».

1898

13. Вейсман Р.Л. «О демократии в Америке» А. де Токвилля [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1898. – № 4. – 6 янв. – С. 3–4.

«В Америке появилось колоссальное неравенство богатства и нищеты, верховный владыка Америки – это капитал, по-

работивший людей и лицемерно трактующий о равенстве и свободе».

14. Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. – 1898. – № 184. – 28 авг. – С. 2.

Сравниваются романы «Овод» Э.Л. Войнич и «Пустынное сердце» В. Светлова: «В художественном отношении оба эти произведения плохи, описываемые в них люди неестественны, литературная обработка отличается топорностью, но “Овод” читается от начала до конца с живейшим интересом».

15. Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. – 1898. – № 31. – 8 февр. С. 2.

О романе А. Маррисона «Рассказы о жалких улицах»: «“Рассказы” – произведение глубоко художественное, проникнутое неподдельным юмором, верным признаком таланта».

16. Литературное обозрение // Сибирская жизнь. – 1898. – № 150. – 16 июля. – С. 2.

О романе А. Маррисона «Дитя Яго»: «Роман этот – вещь далеко незаурядная, написан с большим художественным талантом. При отсутствии каких-либо выраженных тенденций он должен оказывать большое гуманизирующее влияние».

1899

17. Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. – 1899. – № 22. – 28 янв. – С. 2.

О романе Т.Г. Холл Кейна «Христианин»: «Роман является горьким упреком по адресу современной церкви, в которой не находят себе места истинные последователи Христа».

1900

18. Привычки английских писателей // Сибирский вестник. – 1900. – № 216. – 3 окт. – С. 3.

Рассказывается о привычках Дж. Элиот, А. Теннисона и других.

1901

19. Холл Кейн Т.Г. Христианин (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1901. – № 55. – 10 марта. – С. 3.

«Роман, несмотря на некоторую растянутость, читается до конца с неослабевающим интересом и в художественном отношении должен быть причислен к весьма видным произведениям».

1902

20. Диккенс Ч. Оливер Твист (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1902. – № 237. – 30 окт. – С. 3. Подпись: «Л.С.»

Высказывается мнение о переводе романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» Л. Шелгуновой: «Мы не разделяем мнение некоторых рецензентов, находящих, что сокращенные романы Диккенса чересчур обрезаны и изуродованы переводчицей. Для массы детей они представляют превосходный материал для чтения».

21. Киплинг Р. По склонам Нагорья и трущобам Калькутты (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1902. – № 168. – 3 авг. – С. 5.

«Киплинг, превосходный и остроумный рассказчик, все же мало занимателен для русского читателя. Его тонкий юмор, полный намеков на местные индийские условия в большинстве случаев будет не оценен по достоинству».

22. Странные привычки // Сибирский вестник. – 1902. – № 225. – 18 окт. – С. 3.

Рассказывается о привычках английских писателей У. Теккерея, Б. Джонсона.

23. Твен М. Жанна д'Арк (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1902. – № 139. – 28 июня. – С. 3.

«Мировое значение М. Твена <...> в том, что в каждой строке светится чистая природа, любящая свежая душа американского демократа. Эта душа знакома всему свету по тому глубокому состраданию к униженным и оскорбленным, которым проникнуты “Принц и нищий” и “Жанна д'Арк”».

24. Успех «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого в Америке // Сибирский вестник. – 1902. – № 248 (17 ноября). – С. 2.

Сообщается об успехе романа Л.Н. Толстого «Крейцера соната» в США.

1903

25. Киплинг Р. Рассказы-сказки (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1903. – № 107. – 22 мая. – С. 3. Подпись: «Л.С.»
«Киплинг особенно прославился рассказами из индийской жизни, в которых его сочувствие всецело на стороне угнетаемых англичанами индусов».
26. Журнальное обозрение // Сибирская жизнь. – 1903. – № 139. – 29 июня. С. 2. Подпись: «Л.С.».
О романе Т.Г. Холл Кейна «Христианин»: «В отличие от Л.Н. Толстого, мы считаем, что роман В. Поленца “Крестьянин” хороший, но не представляет из себя ничего выдающегося по сравнению с романом Холл Кейна “Христианин”».
27. Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1903. – № 257. – 27 нояб. – С. 3.
О переводе И.А. Бунина: «“Песнь о Гайавате” переведена с величайшей любовью к великому поэту. Так мог перевести только тот, кто сам истинный поэт».
28. Шелли П.Б. Полное собрание сочинений (пер. с англ.). Т. 1. [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1903. – № 44. – 26 февр. – С. 3. Подпись: «Л.С.».
О переводе К.Д. Бальмонта: «Знакомиться с Шелли в подлиннике даже для человека более или менее знающего английский язык очень затруднительно, так как чтобы понять его, надо мыслить как Шелли. Бальмонту удалось сохранить дух подлинника, поэтому выход первого тома собрания сочинений Шелли можно рассматривать как полезное свершение».

1906

29. Синклер А. Чаща (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская мысль. 1906. – № 17. – 11 нояб. – С. 2.
«Синклер разоблачает те грандиозные злоупотребления, которые совершаются на заводах консервов в Чикаго».

1908

30. Нат-Пинкертоновщина и постановка чтения в нашей школе // Сибирские отголоски. – 1908. – № 55. – 25 февр. – С. 3. Подпись: «М. К-ов».

«Различные издательства, для которых нет ничего святого, кроме рубля, <...> поддерживают сыщицкую литературу. Они играют на склонности малоразвитого читателя к сильным ощущениям, ко всему таинственному и затягивают его в мир всякой чертовщины, в мир крови, грабежей, убийств и предательств».

31. О сысской литературе // Сибирские отголоски. – 1908. – № 161. – 3 окт. – С. 1.

«Сысская литература, разлившаяся широкой волной по всем, даже самым отдаленным и глухим уголкам России, докатилась наконец-то и до нашего Томска. На каждом шагу вас встречают разносчики с предложениями купить то Ната Пинкертон, то Шерлока Холмса, то похождения и приключения других, не менее славных представителей сысского спорта всех веков и народов».

1909

32. [Бражников П.Н.] Литературные портреты // Сибирская жизнь. – 1909. – № 26. – 1 февр. – С. 1. Подпись: П. Николаев.

О Р. Кишлинге: «Талант Кишлинга остается только громадным прожектором высокой культуры, направляющим свои яркие лучи на широкое пространство. <...> Он слишком ярко светит, от него не ускользнет ни одна мелочь, <...>, но этот талант не греет. Он демонстрирует только несокрушимую силу Англии, холодную в своем великолепии».

33. По поводу 50-летнего юбилея Артура Конан Дойла // Сибирские отголоски. – 1909. – № 117. – 5 сент. – С. 1.

«О чем бы Конан Дойл не писал, в какие эпохи и страны не унесло бы его воображение, везде он сохраняет свою неподражаемо-увлекательную манеру письма, свой простой, сжатый, благородный стиль, живость, колоритность».

1910

34. Вяткин Г.А. Рыцарь красоты (О. Уайльд) // Сибирская жизнь. – 1910. – № 261. – 23 нояб. – С. 4–5.

«Рыцарей Красоты, пророков и предтеч ее грядущего воцарения было немало: история литературы насчитывает де-

сятки гениев, сотни и тысячи ярких талантов, но неистового, безмерного, безумного раба, жреца и апологета Красоты история знает только одного, и его имя – Оскар Уайльд».

35. [Попов А.И.] Новое о Шекспире // Сибирская жизнь. – 1910. – № 96. – 4 мая. – С. 2. Подпись: Ал. Даурский.

«Молодой талантливый историк английской литературы в своих нашедших в Англии статьях доказывает, что автором был вовсе не Шекспир и не Бэкон, а третье лицо, а именно молодой придворный, дипломат королевы Елизаветы Рутланд, глубокий поклонник классической древности, всесторонне образованный человек своего времени».

1911

36. Вяткин Г.А. Праздник белого цветка // Сибирская жизнь. – 1911. – № 94. – 29 апр. – С. 3.

«Оскар Уайльд мечтал превратить все наше существование в искусство. Он хотел, чтобы искусство незаметно сопровождало нас на всех путях жизни, чтобы из грубого материала действительности мы создавали нечто гармонично прекрасное, внешне и внутренне благородное».

37. Качоровская А.С. 100-летие со дня рождения Бичер Стоу // Сибирская жизнь. – 1911. – № 123. – 5 июня. – С. 3.

«Светлый образ Бичер Стоу говорил и говорит нам, что наступит время, когда фраза “нет эллина и иудея, обрезанного и необрезанного, раба и свободного” приобретет обязательный смысл».

1912

38. Иванов И. Плач над разоренностью России (о повести Ремизова «Пятая язва») // Сибирская жизнь. – 1912. – № 249. – 9 нояб. С. 2.

«Вы помните ту, достойную памяти, сцену из “Портрета Дориана Грея” О. Уайльда, когда Дориан, в последний раз придя домой, размышляет о прожитой жизни? Вы не забыли того, как Дориан однажды пожелал, чтобы вся жизнь оставляла следы не на его красивом лице, а на портрете? В таком случае Вам близки терзания Дориана в его послед-

ний день при воспоминании о безобразном, тайном лице его, прежде очаровательном. <> Нет такого человека, перед которым рано или поздно не встал бы тайный портрет его, его совесть».

39. Иванов И. Поэту // Сибирская жизнь. 1911. – № 135. – 19 июня. – С. 3.

В качестве эпитафии к стихотворению взята строка из стихотворения Э. По «Тишина» («Silence») в пер. К.Д. Бальмонта: «Молись, ты обречен мученью».

40. Марло К. Трагическая история доктора Фауста (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1912. – № 86. – 26 апр. – С. 5. Подпись: Иосиф Иванов.

«Произведение К. Марло, индивидуализированное в частности, в отношении художественно-исторической истины и необходимого сохранения из ряда вон выходящей окраски эпохи, по справедливости признается первым».

41. По Э. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1912. – № 252. – 13 нояб. – С. 4. Подпись: И. Иванов.

О К.Д. Бальмонте как переводчике Э. По: «Как никто другой Бальмонт сумел передать магическую глубину и мелодичность поэзии автора “Ворона”, первый противопоставил хулительной биографии, составленной Энгельгардтом, биографию, в основу которой положены факты, взятые у ближайших ко времени поэта биографов».

42. Синклер А. Испытания любви (пер. с англ.) [рецензия] // Сибирская жизнь. – 1912. – № 115. – 25 мая. – С. 3. Подпись: Г. В-ин [Г.А. Вяткин].

«Сознание ценности жизни, стремление поднять жизнь на идеальную высоту, сделать ее во всем осмысленной, красивой и чистой – вот что руководило автором. <...> Краски автора сочны и яркие, штрихи широки и свободны. Многое выстрадано самим автором, написано кровью сердца и поэтому звучит горячо и убедительно».

1913

43. Вяткин Г.А. Любовь // Сибирская жизнь. – 1913. – № 70. – 28 марта. – С. 3.

Эпиграф из «De Profundis» О. Уайльда: «Радость – для прекрасного тела, Страдание – для прекрасной души» («Pleasure for the beautiful body, but pain for the beautiful soul»).

44. Кононов В. Д. По театрам // Утро Сибири. – 1913. – № 56. – 8 марта. – С. 3.

Сообщается о постановке трагедии У. Шекспира «Гамлет» в МХТ: «Постановка при помощи ширм и прямых линий, уходящих в бесконечную высь, вызвала почти единогласное осуждение критики. Но я скажу: в ней есть что-то такое, чего я не смогу объяснить ни себе, ни вам, читатель, что производит обаятельное впечатление. Быть может, виной тут только Шекспир, быть может, Качалов, а может быть, Гордон Крэг. Но Гамлет оставляет незабываемое впечатление».

1914

45. Бахметьев В.М. Вильям Шекспир // Сибирская жизнь. – 1916. – № 78. – 7 апр. – С. 2.

«В мировых драмах Шекспира – все человечество, нет такого уголка человеческой души, в который не заглянул бы поэт. <...> Нет, кажется, такой черты характера, такой вспышки мысли, которая не была бы освещена или хотя бы намечена Шекспиром».

46. Воложанин В.Е. О футуристах // Утро Сибири. – 1914. – № 70. – 28 марта. – С. 3.

«Бунт Уитмена против традиционного содержания стиха, хотя и вызвал среди поэтов Америки целый переполох, тем не менее, нашлись подражатели, которые вслед за Уитменом стали писать языком, выражающим быстроту сменяющегося темпа городской жизни».

47. Футуризм в литературе // Сибирская жизнь. – 1914. – № 67. – 29 марта. – С. 5. Подпись: «К-в».

«Родина футуризма – Америка. Его провозвестник – Уолт Уитмен. Отбросив рифму и размер, он поет о многообразии космических явлений, указывая на присутствие прекрасного в обыденном, незаметном».

Театральные рецензии

**Джером Дж. К. «Мисс Гоббс»
(J.K. Jerome «Miss Hobbs», 1902)**

Пьеса Дж.К. Джерома «Мисс Гоббс», известная также под названием «Женская логика», посвящена актуальному на рубеже XIX – начала XX в. «женскому» вопросу. Написанная в 1902 г., она практически сразу же была переведена на русский язык и поставлена в Малом театре. В Томске пьеса шла в сезоны 1902 и 1903 гг.

48. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1902. – № 220. – 12 окт. – С. 2.

49. Ольгин И. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1903. – № 117. – 4 июня. – С. 3.

50. Театр и музыка // Сибирская жизнь. – 1902. – № 222. – 12 окт. – С. 2. Подпись: «Ю».

51. Театр и музыка // Сибирская жизнь. – 1903. – № 118. – 5 июня. – С. 3.

**Пинеро А.У. «На полпути»
(A.W. Pinero «Mid-Channel», 1909)**

А.У. Пинеро – английский драматург конца XIX – начала XX в., чьи пьесы касались серьезной социальной проблематики. Его пьесы ставились на русской сцене с 90-х гг. XIX в. Драма «На полпути», написанная Пинеро в 1909 г., уже через три года была переведена Б. Лебедевым и включена в репертуар Малого театра. В Томске впервые поставлена в 1912 г., а в 1916 г. томичи могли увидеть в этой пьесе Е.Н. Роцину-Инсарову, выдающуюся представительницу символично-модернистского направления в театре

52. Иванов И.А. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1912. – № 173. – 3 авг. – С. 3.

53. Медлин Я. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1916. – № 74. – 2 апр. – С. 3.

**Уайльд О. «Что иногда хочет женщина»
(O. Wilde «The Importance of being Ernest», 1899)**

Пьеса «Как важно быть серьезным» – одна из самых репертуарных пьес Уайльда в дореволюционной России. Для постановки в Томске использовался перевод В.П. Лачинова, значительно адаптированный для сцены. Адаптация проявляется и в переводе названия пьесы: переводчик не сохраняет авторскую игру слов, основанную на использовании английских омофонов «Ernest» (мужское имя) и «earnest» (прил. серьезный). Выбранный Лачиновым вариант создает иной вектор восприятия комедии Уайльда, помещая ее в ряд популярных пьес с женской тематикой.

54. Иванов И.А. Театр // Сибирская жизнь. – 1912. – № 123. – 3 июня. – С. 3.

У. Шекспир (W. Shakespeare, 1564–1616)

Драмы У. Шекспира пользовались в Томске большой популярностью в конце XIX в. Для провинциальных зрителей посещение классической пьесы означало возможность получить удовольствие от театральности, эмоциональной яркости, ухода от бытовых проблем, а театральные критик, в свою очередь, признавали за шекспировскими пьесами и огромное воспитательное значение. Чаще всего на томской сцене ставились трагедии «Гамлет», «Отелло» и «Король Лир», менее востребованными были комедии Шекспира.

**«Венецианский купец»
(«The Merchant of Venice»)**

55. Вяткин Г.В. Театральная хроника // Сибирский вестник. – 1905. – № 178. – 28 авг. – С. 3.

56. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1895. – № 131. – 17 окт. – С. 3.

57. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1898. – № 80. – 15 апр. – С. 3.

«Гамлет»
(«The Tragical History of Hamlet, Prince of Denmark»)

58. [Волховский Ф.В.] Хроника томского театра // Сибирская газета. – 1884. – № 1. – 2 янв. – С. 8.
59. Вяткин Г.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1902. – № 44. – 27 февр. – С. 3.
60. Вяткин Г.А. Театральная хроника // Сибирский вестник. – 1904. – № 269. – 10 дек. – С. 3.
61. Вяткин Г.А. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1907. – № 13. – 1 мая. – С. 3.
62. Вяткин Г.А. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1909. – № 173. – 11 авг. – С. ????
63. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1888. – № 70. – 24 апр. – С. 3.
64. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1890. – № 19. – 11 февр. – С. 3.
65. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1890. – № 27. – 2 марта. – С. 3.
66. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1890. – № 107. – 19 авг. – С. 3.
67. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1892. – № 19. – 12 февр. – С. 4.
68. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1893. – № 133. – 14 нояб. – С. 3.
69. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1895. – № 81. – 14 июля. – С. 3.
70. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1895. – № 121. – 5 окт. – С. 3.
71. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1896. – № 241. – 6 нояб. – С. 3.
72. Долгоруков В.А. // Сибирский вестник. – 1896. – № 266. – 9 дек. – С. 3.
73. Долгоруков В.А. // Сибирский вестник. – 1898. – № 78. – 15 марта. – С. 3.

74. Долгоруков В.А. // Сибирский вестник. – 1898. – № 219. – 9 нояб. – С. 3.
75. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1901. – № 262. – 24 нояб. – С. 3.
76. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1898. – № 76. – 9 апр. – С. 3. Подпись: «...ский».

**«Король Лир»
(«King Lear»)**

77. Волховский Ф.В. Хроника томского театра // Сибирская газета. – 1888. – № 18. – 3 марта. – С. 5.
78. Вяткин Г.А. // Сибирский вестник. – 1905. – № 173. – 23 авг. – С. 3.
79. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1888. – № 26. – 4 марта. – С. 3.
80. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1891. – № 27. – 6 марта. – С. 3.
81. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1893. – № 11. – 27 янв. – С. 3.
82. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1896. – № 265. – 8 дек. – С. 3.
83. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1897. – № 27. – 2 февр. – С. 3.
84. Долгоруков В.А. – Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1898. – № 78. – 11 апр. – С. 3.
85. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1898. – № 76. – 9 апр. – С. 3. Подпись: «...ский».

**«Отелло»
(«The Tragedy of Othello, the Moor of Venice»)**

86. Вяткин Г.А. Театральная хроника // Сибирский вестник. – 1905. – № 169. – 19 авг. – С. 3.

87. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1888. – № 5. – 6 янв. – С. 3.
88. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1890. – № 134. – 21 нояб. – С. 3.
89. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1892. – № 117. – 7 окт. – С. 3.
90. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1895. – № 79. – 2 июля. – С. 3.
91. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1895. – № 108. – 14 сент. – С. 3.
92. Долгоруков В.А. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1898. – № 84. – 19 апр. – С. 3.
93. Долгоруков В.А. Кое-что по поводу роли Яго в «Отелло» // Сибирский вестник. – 1899. – № 269. – 9 дек. – С. 3.
94. Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1909. – № 128. – 16 июня. – С. 3; № 134. – 23 июня. – С. 3. Подпись: «Родриго».

**«Укрощение строптивой»
(«The Taming of the Shrew»)**

95. Волховский Ф.В. Хроника томского театра // Сибирская газета. – 1886. – № 43. – 26 окт. – Стб. 1218.
96. Театр и музыка // Томский листок. – 1897. – № 137. – 28 июня. – С. 2. Подпись: «В. Л-н».
97. Театр и музыка // Сибирский вестник. – 1901. – № 33. – 7 февр. – С. 3. Подпись: «W.».

Переводы

98. Без заглавия (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1897. – № 274. – 15 дек. – С. 2. Переводчик не указан.
99. Броун К. Женщина и демагог (пер. с англ. из «Century Magazine») // Сибирская жизнь. – 1909. – № 252. – 20 нояб. – С. 2. Пер. «Т.С.».

100. Буллер, Э. П. Высшие финансы (пер. с англ.) / Э. Буллер // Сибирский вестник. – 1905. – № 76 (1 апреля). С. 2; № 78 (3 апреля). – С. 2. Пер. П. Козьмин.
101. Две свадьбы: рассказ офицера (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1904. – № 42. – 19 февр. – С. 2. Пер. Е.В. Фукс.
102. Джером Дж. К. О благотворительности (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1904. – № 47. – 25 февр. – С. 2. Пер. «Р.Ш.».
103. Карпентер Э. Бур и британец (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1900. – № 55. – 6 марта. – С. 2. Переводчик не указан.
104. Киплинг Р. Лизбет (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1903. – № 197. – 3 сент. – С. 2–3. Пер. Х. Ныдро [А.К. Ордынский].
105. Киплинг Р. Мухаммад Дин (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1903. – № 193. – 30 авг. – С. 2. Пер. Х. Ныдро [А.К. Ордынский].
106. Киплинг Р. Самообман (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1903. – № 197. – 3 сент. – С. 3. Пер. Х. Ныдро [А.К. Ордынский].
107. Кларк Ч.Г. (М. Аделер). Заключение епископа Поттса (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1902. – № 246. – 15 нояб. – С. 2. Пер. Ив. Брут [Ф.В. Волховский].
108. Конан Дойл А. Загадочный остров (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1899. – № 97. – 8 апр. – С. 2; № 98. – 10 апр. – С. 2. Пер. «П.».
109. Лебокк Дж. Радости жизни (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1891. – № 30. – 9 марта. – С. 2; № 33. – 13 марта. – С. 2; № 36. – 16 марта. – С. 2; № 39. – 19 марта. – С. 2; № 42. – 23 марта. – С. 2; № 45. – 26 марта. – С. 2; № 48. – 30 марта. – С. 2; № 51. – 2 марта. – С. 2; № 54. – 6 марта. – С. 2; № 57. – 9 марта. – С. 2; № 60. – 13 марта. – С. 2; № 63. – 16 марта. – С. 2; № 66. – 20 марта. – С. 2; № 69. – 23 марта. – С. 2; № 72. – 26 марта. – С. 2. Пер. В. Геблер.
110. Лонгфелло Г. У. Excelsior! (пер. с англ.) // Сибирская мысль. – 1907. – № 65. – 14 янв. – С. 3. Пер. Г. Вяткина.
111. Мезер М. Городская идиллия (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1905. – № 43. – 20 февр. – С. 2. Пер. «Е.К.».

112. Мортимер И. Соперник Брандона (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1908. – № 143. – 14 июня. – С. 2. Пер. «И. Ф-ов».
113. Паркер О. Американская женщина (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1903. – № 247. – 15 нояб. – С. 2. Пер. А. Муромова.
114. По Э. Сновидение (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1911. – № 281. – 21 дек. С. 3. Пер. И. Иванов.
115. По Э. Черная кошка (пер. с франц.) // Сибирская жизнь. – 1908. – № 54. – 16 марта. – С. 2. Пер. «Илья Л.».
116. Роджерсон М. На яхте (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1904. – № 192. – С. 2. Пер. Е.В. Фукс.
117. Сатира мистера Гольма (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1904. – № 224. – 18 сент. – С. 2; № 228. – 23 сент. – С. 2. Пер. Е.В. Фукс.
118. Синклер А. Промышленный барон (пер. с нем.) // Сибирская жизнь. – № 1912. – № 115. – 25 мая. – С. 2.
119. Сумасшедший (пер. с англ. из *Choiced tales from British authors by J.R.*, 1886) // Сибирский вестник. – 1893. – № 46. – 1 марта. – С. 2. Пер. «Чернч» [П.Л. Черневич].
120. Теннисон А. Царица мая (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1899. – № 93. – 4 апр. – С. 2. Пер. «В. Я...ва».
121. Твен М. Дуэль Гамбетты (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1893. – № 42. – 24 февр. – С. 2. Пер. «К. В-ков».
122. Твен М. Журналистика в Теннесси (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1896. – № 200. – 13 сент. – С. 2. Переводчик не указан.
123. Твен М. Молния (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1907. – № 8. – 9 янв. – С. 2. Пер. «Е.Г.».
124. Твен М. Роман эскимосской девушки (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1895. – № 77. – 10 июля. – Прибавление. – С. 2–3; № 78. – 11 июля. – Прибавление. – С. 2; № 80. – 13 июля. – Прибавление. – С. 2; № 81. – 14 июля. – Прибавление. – С. 2–3. Пер. А. Михайловича.
125. Твен М. Счастье (пер. с франц.) // Сибирская жизнь. – 1905. – № 215. – 23 нояб. – С. 2. Пер. «Е. Галка».

126. Уайльд О. Артист (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1906. – № 182. – 24 авг. – С. 2. Пер. «Е.Г.».
127. Уайльд О. Соловей и роза (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1907. – № 80. – 29 июля. – С. 3–4. Пер. «П.А.».
128. Уайльд О. Сфинкс без тайн и загадок (пер. с англ.) // Сибирская мысль. – 1907. – № 65. – 14 янв. С. 2. Пер. «Е.Г.» [Е. Григорьев].
129. Уайльд О. Творец добра (пер. с англ.) // Сибирская мысль. – 1907. – № 85. – 2 февр. – С. 3. Пер. «Е.Г.» [Е. Григорьев].
130. Уайльд О. Ученик (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1906. – № 182. – 24 авг. – С. 2. Пер. «Е.Г.» [Е. Григорьев].
131. Уайльд О. Натурщик-миллионер (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1906. – № 145. – 9 июля. – С. 2. Пер. «Е.Г.» [Е. Григорьев].
132. Укрощенные львы (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1895. – № 142. – 29 окт. – С. 2. Пер. «П.Л.».
133. Харраден Б. Легенда (пер. с англ.) // Сибирская жизнь. – 1905. – № 160. – 10 авг. – С. 2. Переводчик не указан.
134. Шрейнер О. Дары жизни (пер. с франц.) // Сибирская жизнь. – 1905. – № 127. – 18 июня. – С. 2. Пер. К. Мирович.
135. Шрейнер О. Тайна художника (пер. с франц.) // Сибирская жизнь. – 1904. – № 238. – 31 окт. – С. 3. Пер. К. Мирович.
136. Шрейнер О. Так или иначе (пер. с англ.) // Сибирский вестник. – 1894. – № 28. – 9 марта. С. 2–3. Пер. «П.Ч.» [Е. Григорьев].

II. ПЕРЕВОДЫ

Литература Англии в «томских» переводах

Р. Киплинг
Мухаммад Дин

Не помню, откуда взялся у меня красный бильярдный шар, старый, полинялый, потрескавшийся и ни на что не пригодный. Он мирно покоился себе в углу моей спальни.

Но вот однажды Имам Дин, степенный и честный индус, совмещавший в лице своем обязанности старшего моего конюха и камердинера, прибирая в спальне и указывая метелкой на этот шар, почтительно обратился ко мне с вопросом: «Вашей милости, вероятно, не нужна эта вещица?»

«Моей милости, – отвечал я, – она совершенно не нужна». «Не понадобилась ли она на что-либо Иمامу Дину?» – добавил я, улыбнувшись.

«Лично для меня нет в ней надобности, – проговорил Имам Дин конфузливо. – О нет! Но у меня есть сынишка... маленький... вот такой... Если бы ему позволили поиграть этим шаром, покатать его, это доставило бы ему несказанное удовольствие...»

– Так отдайте ему этот шар, я его дарю ему, и пускай играет им на здоровье.

Имам Дин пренебрежительно поклонился и едва унес шар, как на веранде раздались топанье босых маленьких ножек, радостный детский смех, восклицания и – тук! тук! тук! – катание шара по деревянному полу.

Через несколько дней после этого, я, возвратясь ранне обыкновенного домой от занятий в полковом штабе, заглянул в столо-

вую и увидел в ней крошечное человеческое существо в белой коротенькой рубашке, едва прикрывавшей половину бронзового, немного вздутого брюшка. Существо это, засунув пальчик в рот, медленно двигалось по столовой и с любопытством, совершенно недетским, осматривало мебель и картины. Я начал догадываться, что это сынишка Имама Дина, для которого он выпросил у меня бильярдный шар. Ребенок до того был погружен в созерцание, что и не заметил меня, хотя я простоял в дверях столовой несколько минут. Наконец я подошел к нему. Он вздрогнул и ахнул, устремив на меня свои большие черные глаза, исполненные и страха и мольбы, и не переставая дрожать. Опасаясь последствий нечаянного испуга в малютке, я сделал большую глупость; – мне следовало обласкать его как-нибудь, а я быстро удалился из столовой. Вслед за мною раздался пронзительный крик. Бедняжка, вероятно, вообразил себе, что я пошел за прутом или плеткой, чтобы его наказать.

Крик его долетел в людскую скорее, чем иногда долетал туда звук моего серебряного колокольчика или мой громкий призыв кого-либо из слуг, потому что не прошло и двух секунд, как я услышал, что в столовую вбежал Имам Дин. Я тоже поспешил туда. Имам Дин, держа ребенка за руку, по-видимому, читал ему нотацию, а тот утирал подолом коротенькой своей рубашки носик и прослезившиеся глазки.

«Мальчишка этот, – обратился ко мне Имам Дин, – смею доложить вашей милости, настоящий “будмаш”¹. Вот увидишь, негодный, что ты скоро попадешь в когти “Жайль Кхана”² и тогда ни мать, ни я не вырвут тебя из его когтей».

Угроза эта сильно подействовала на ребенка. Из глаз его полились новые слезы. Имам Дин начал просить у меня извинения, уверял, что мальчик больше не посмеет забираться без спроса в мои комнаты.

¹ Бездельник, негодяй.

² Своего рода Бука, которым индусы пугают своих детей.

«Пусть Имам Дин скажет мальчику, что “Сагиб”³ нисколько не сердится на него и не запрещает ему посещать эти комнаты», – отозвался я.

Слова мои, переведенные Имамом Дином по-индуски, совершенно успокоили мальчика, но он все-таки чувствовал себя неловко, потому что, хотя и перестал плакать, но подтянул всю свою рубашонку к шейке и закрыл его личико. Имам Дин взял его бережно на руки и направился к двери, но остановился и, обернувшись ко мне, произнес: «Зовут его Мухаммад Дин, но это не мешает ему быть будмашем».

Но ребенок, обрадованный счастливым исходом приключения и чувствуя ласковое объятие отца, поднял головку с его плеча, улыбнулся мне чисто английской улыбкой и тихо произнес: «Тагиб (вместо сагиб)! Мухаммад Дин не будмаш, нет, нет, Мухаммад Дин хороший маленький человек».

Слова его были переведены отцом.

Так началось между мною и этим «хорошим маленьким человечком» знакомство и затем дружеские отношения.

Мухаммад Дин не вторгался более в мои апартаменты, но мы с ним каждый день встречались на нейтральной почве – во дворе. Каждый выезд мой из дому и возвращение домой (я ездил обыкновенно верхом) сопровождался появлением из-за деревьев моего неогороженного сада маленького человечка в коротенькой рубашонке, едва до половины прикрывавшей его бронзовое брюшко. Вслед за этим раздавались с одной стороны «Талам, тагиб» (вместо Салаам, сагиб)⁴ а с другой: «Салаам, Мухаммад Дин»⁵.

И я всегда задерживал коня, чтобы мое приветствие было слышано малюткой.

Я заметил, что ребенок никогда не играл с другими ребяташками. Он всегда один бродил по саду, бормоча под носом какую-то

³ Барин, господин.

⁴ Желаю здоровья господину!

⁵ Да здравствует Мухаммад Дин!

грустную песенку и всегда казался серьезно чем-то занят. Раз я в саду случайно наткнулся на род его занятия.

Бильярдный шар, подаренный ему мною, он поместил на кучку песку, которую обсадил шестью засохшими ветками ноготков и окружил кусочками красного кирпича и обломками фарфоровой посуды. Все это он обнес песочным валом. Нечаянно, по рассеянности, пришлось мне разрушить это произведение. Один неосмотрительный шаг, и стенки из кусочков кирпича и фарфоровой лопы и песочный вал – все это рушилось. Мухаммад Дин принялся за исправление разрушенного. Но один из моих прислуги, нарочно или шутя, сказал ему, что его затеи производят в саду безобразие и что сагиб, сиречь я, может быть очень недоволен этим. Мухаммад Дин на другой же день занялся перетаскиванием своего строительного материала из сада во двор. После этого, встречая меня при отъезде из дома и возвращении, он все же приветствовал меня обычным «Талам, тагиб», но маленькое личико его как-то отворачивалось в сторону и на этом личике не было заметно прежней искренности и признательности. Это меня озадачило. Я произвел дознание и открыл причину неудовольствия бедняцкого строителя. Тотчас же я попросил Имама Дина объявить сынишке, что сагиб по своей доброте и великодушию позволяет ему строить в саду что угодно и за это не будет сердиться.

Радости Мухаммада Дина не было пределов. С удвоенным рвением принялся он за свое любимое дело и в течение нескольких недель трудился как неутомимый муравей. Невозможно было сосчитать, сколько по разным уголкам сада (но в стороне от проходных дорожек) соорудил он минаретов, дворцов, храмов из кусочков кирпича, фарфоровой и стеклянной лопы, украшая все это увядшими цветами, сухими деревьями, веточками, и разноцветными перышками, вероятно позаимствованными у моих петушков. Работал он без отдыха, всегда одинокий, серьезный и всегда напевая потихоньку какую-то грустную мелодию. В типе его сооружений проглядывало что-то общее типу древних индусских храмов, поражающих своей фантастичностью и грандиозностью.

Однажды я к приготовленному Мухаммадом Дином для новых сооружений материалу подбросил чрезвычайно красивую раковину и, незаметно для него, начал следить за тем, что он с нею сделает. Изумленный красотой вещицы и появлением её неизвестно откуда, Мухаммад Дин долго простоял над нею в глубоком раздумии, засунув, по обыкновению, пальчик в рот, затем судорожно схватил ее и начал таскаться с нею по саду, как будто подыскивая для помещения её соответственное место. Наконец нашлось такое. Теперь он запел что-то радостное, торжествующее и тотчас принялся за работу. Он осмотрел площадку в два фута длины и в один ширины. То, что он задумал, вероятно, превзошло бы все прежние его сооружения, по своей оригинальности и великолепию... Но, увы!

На другой день, когда я после занятий прибыл домой, Имама Дина не оказалось на обычном месте, и лошадь мою принял и увел другой конюх. Не появилась также из кустов забавная фигурка маленького архитектора, редко, впрочем, появлявшегося после дозволения производить постройки в саду. Вошедши в дом, я хотел расспросить прислугу, что случилось с Имамом Дином, но он заявился сам и попросил щепотку хины, объясняя, что у его сынишки открылся сильный жар. Я дал ему хину, но тотчас послал за полковым доктором.

«Черт бы побрал этих дикарей, – пробурчал доктор, входя ко мне в кабинет после посещения избушки Имама Дина. – Кажется, мы никогда не заставим их прививать детям оспу. У вашего любимца оспа».

Прошла неделя.

Я, кажется, не пожалел бы ничего на свете, лишь бы избежать того, что мне пришлось встретить в первый день следующей недели по дороге при возвращении из штаба и чтобы не почувствовать того, что я испытал при этой встрече. Мой честный и степенный Имам Дин в сопровождении одного из своих родственников, старого индуса, понуриив голову, шел по направлению к мусульманскому кладбищу и на руках нес завернутое в белую простыню все то, что осталось в здешнем мире от ма-

ленького, (а может быть и гениального впоследствии) строителя
Мухаммад Дина!

Перевод Х. Ныдро

В оригинале: R. Kipling «The Story of Muhammad Din», 1888.

*Перевод опубликован в «Сибирском вестнике. 1903. № 193.
(30 авг.). С. 2.*

Р. Киплинг
Лизбет

Она была дочь индуса Соноо и жены его Жидег.

Когда однажды им не удался сбор маиса и, кроме этого, влюбленная чета медведей вытоптала целую десятину индейской конопля, посеянной ими в долине Сулей, около Котгара, они приняли христианство и передали в котгарскую миссию на воспитание свою пятинедельную девочку. Местный пастор окрестил ее именем Елизаветы, в туземном же наречии «раһагі» имя это передавалось на Лизбет.

Под влиянием ли христианства, по милости ли туземных богов, Лизбет вышла чрезвычайно красивой девушкой, а известно, что если индуска красива, то уже красавица в настоящем значении этого слова, на которую посмотреть каждый сочтет себе за удовольствие. Лизбет обладала чертами лица чисто греческими, которые так охотно изображаются художниками, но которые редко встречаются у нынешних женщин. Тело её было цвета слоновой кости, рост большой, чудные, ослепительные глаза, оттененные длинными ресницами, сочные коралловые губки. Кроме этого она была отлично сложена и очень сильная. Если бы она не напяливала разные цветные материи, называемые нарядом культурных женщин и если бы встретили ее полунагую в горах, то вы непременно приняли бы за богиню Диану, отправившуюся на охоту. Недоставало бы только этой богине лука и стрел, да верных псов.

Лизбет достаточно ознакомилась с догмами христианства, хотя они с большим трудом усваивались её понятиями. Туземное население возненавидело ее, считая ее «memsahib» («барышней»), а также и за то, что она наряжалась и часто умывалась. В населении же английском она слыла под именем прелестного цветка котгарской миссии.

Когда она вышла из детского возраста, жена пастора, заведовавшая хозяйством миссии, не знала, что с нею делать: ей казалось как-то не приличным заставлять эту красавицу мыть полы и посу-

ду и чистить кастрюли. Лизбет была приставлена к детям в пасторате, она присматривала за ними и, посещая вместе с ними школу, выучилась читать и писать. Она читала все книги, какие попадались ей в руки, и, как заколдованная царевна в сказке, с каждым днем делалась красивее. Жена пастора советовала ей поступить бонною в какое-либо английское семейство, но Лизбет ни за что не хотела идти в услужение и была очень довольна настоящим положением в миссии. Когда навещали миссию какие-либо незнакомые люди, она запиралась в своей комнатке и очень боялась, чтобы ее не увезли в город или в другое место незнаемого мира.

Когда ей исполнилось 17 лет, она начала совершать прогулки; прогуливалась она не так, как это обыкновенно делают английские мисс – пол версты вперед и пол версты обратно. Нет! Она заходила далеко от пастората, именно к горе Норкунде и даже далее.

Однажды она явилась с такой отдаленной прогулки в сумерки, нечто тяжелое притащила с собою в гостиницу и бережно опустила свою ношу на диван. Жена пастора, сладко дремавшая в креслах, проснулась.

«Что это такое?» – спросила она.

«Это мой муж, – отвечала Лизбет, ничуть не стесняясь. – Я нашла его на дороге в Багги. Мы с ним встретились там, в горах. Он упал вниз головою и ушибся чуть не до смерти. Насилу я довела его сюда. Теперь с ним сделался обморок, он потерял, кажется, сознание от потери крови. Но он не умрет, я буду ухаживать за ним, а когда он выздоровеет, господин пастор нас обвенчает.

Первый раз Лизбет заговорила о замужестве, и жена пастора была просто ошеломлена такой неожиданностью. Между тем надобно было поспешить с помощью больному. Его уложили в постель в отдельной комнате и пастор, знакомый с медициной, сделал ему перевязку и привел кое-как в чувство. Лизбет и пастору высказала свое матримониальное намерение.

Пастор со своей супругой строго осудили неприличие её поведения; она выслушала их спокойно, но осталась при своем. Не легко приходится христианству переделывать природные инстинкты Дальнего Востока, например – любовь мужчины или женщины с

первого взгляда, с первой встречи, без колебаний, без рассуждений, без оглядки. Лизбет, встретив мужчину, который ей понравился, как еще никто не нравился, не находила необходимости таяться с овладевшим ею чувством; она не соглашалась на требования пастора и его жены держать себя подальше от больного и решила неотступно ухаживать «за своим будущим мужем», впредь до окончательного его выздоровления. Что прикажете с нею делать?.. Побились, побились с её упорством пастор и его супруга, наконец, махнули рукой. После двух недель, проведенных в горячке и бреде, незнакомец пришел в сознание.

Оказалось, что это был молодой турист-естествоиспытатель, он собирал коллекции бабочек и растений, прибыл из Дегра Доу в окрестности Сейнли, но погнался за незнакомым цветком, поскользнулся с крутого утеса и чуть не размозил себе голову. Проводники его, вероятно, испугались и сбежали, забрав с собою его багаж. Но их можно будет разыскать. Он поблагодарил пастора и его жену за их доброту и гостеприимство, а Лизбет за его спасение. Не слишком он торопился возвратиться в Сейнлу, да и силы его медленно возрождались. Лизбет не слушала увещаний пастора и его жены и не отставала от больного. Это их беспокоило, но под час и забавляла их её чисто ребяческая наивность. Они тайно предупредили молодого человека о её на него видах. Он посмеялся над этой чисто *гималайской идилией* и объяснил, что он помолвлен уже в Англии с любимой девицей. Затем он дал честное слово пастору и его жене, что по отношению к влюбленной в него Лизбет он будет сдержан. Это не мешало ему беседовать по целым часам и шутить с нею, на её страстные речи отвечал такими же, и, наконец, делать с нею небольшие прогулки, когда силы его значительно уже восстановились. Детская доверчивость и наивность бедной индуски больше его забавляли, чем заставляли задумываться о последствиях...

Наконец англичанин совсем оправился и начал собираться в Сейнлу. Лизбет сильно опечалилась предстоящей разлукой с человеком, которого полюбила всей душой. Нужно знать, что жена пастора и сам он, очень добрые и жалостливые люди, упростили

англичанина не огорчать бедную девушку объявлением, что у него имеется уже невеста.

«Лизбет до того привязалась к вам в продолжение вашей болезни, до того свыклась с мыслью, что вы будете её мужем, что это известие просто убьет ее, – говорили они англичанину. – Пускай она останется в своем роковом заблуждении, а там время мало помалу вылечит ее от этой блажи. Уверьте ее, что вы возвратитесь и женились на ней. Это такой невинный ребенок, что всему поверит».

Лизбет взялась сама проводить англичанина через окрестные горные кряжи, так как местность была ей знакома, и вывести его на дорогу к Сейнле. И англичанин, следуя совету пастора и его жены, во весь путь уверял Лизбет в своей взаимности и клялся возвратиться скоро к ней. Лизбет заставила его чуть не сотню раз повторить свои уверения и обещания.

На вершине Норкунды она долго простояла, провожая глазами милого, пока он не исчез в отдалении. Возвратясь в Котгар, она отерла на глазах слезы и с полной уверенностью сказала жене пастора: «Он придет, непременно придет и женится на мне. Он только поехал уведомить об этом своих родных».

«Разумеется, придет и женится на тебе, – отвечала жена пастора, стараясь выдать на лице своем одобрительную улыбку. – Не о чем тебе, дитя мое, печалиться».

Прошло два месяца в напрасном ожидании возвращения милого, и Лизбет начала беспокоиться. Жена пастора принялась ей объяснять, что Англия не так близко, что страна та находится за многими морями. <...> Лизбет часто играла им, когда была маленькая. Теперь она каждый вечер сидела над ним и не раз орошала его слезами. Она старалась отыскать ближайший путь, по которому должен следовать её милый, она не знала ничего о пароходном движении. А этот милый вовсе не думал о возвращении в Индию, а тем более о женитьбе на красивой дикарке. Он, вероятно, забыл о ней, так как в изданном им в том же году описании своего путешествия по Индии он даже не упомянул о приключении с ним в горах, ни о своем опасном падении с крутого утеса, ни о спасении его туземной девушкой.

По прошествии трех месяцев крайнее нетерпение овладело Лизбет. Она чуть не каждый день бегала на гору Норкунду и по возвращении становилась рассеянной, желчной, раздражительной.

Вдруг она как будто успокоилась и видимо повеселела. Причиной этой перемены было то, что сию вдруг овладела, словно по наитию, несомненная уверенность, что милый непременно придет и что беспокоиться на счет этого вовсе не следует. Жена же пастора подумала, что Лизбет знала безумие своего увлечения, а потому нашла это время самым удобным, чтобы открыть ей глаза на горькую истину и тем окончательно вернуть ее самой себе. Войдя однажды вдвоем с нею в зал, она сперва намеком старалась ей внушить, что англичанин, навряд ли женится на ней, навряд ли возвратится в Индию.

Затем объявила прямо, что у него в Англии осталась невеста, с которою он, вероятно, уже и обвенчался. Если же он не говорил ей об этом и не отвергал её ласк, то это делал из человеколюбия, не желая огорчить ту, которой обязан был своим спасением. Он же со своей стороны не мог разделить того чувства, которое он внушал, так как у него была уже невеста.

«Он клялся мне своим богом, что любит одну меня и что непременно женится на мне, — возразила ей Лизбет. — Да ведь вы сами с достопочтенным супругом своим поддерживали меня в этой уверенности, а теперь говорите совершенно другое. Вы шутите, добавила она, чуть не плача. Признайтесь, вы шутите! Не мучьте меня!»

«Дитя мое! Мы это делали, чтобы не огорчать тебя. Ты так была увлечена, что никакие увещания на тебя не действовали бы, — продолжала жена пастора. — Мы принуждены были потакать тебе в надежде, что ты со временем одумаешься».

Лизбет замолчала, опустив голову. Потом вдруг вскочила со стула и, устремив на жену пастора исполненный упрека и негодования взгляд, проговорила, тяжело дыша: «Выходит, что он и вы с достопочтенным вашим супругом бессовестно передо мною лгали, обманывали меня».

Жена пастора поникла головой и не имела ничего для ответа. Постояв с минуту, Лизбет ушла в свою комнату и через несколько

минут возвратилась в зал, она там сбросила свое нарядное платье и явилась в национальном костюме своего племени, состоявшем из куска цветной бумажной материи, едва прикрывающей чудные её формы. Длинные волосы её были распущены и связаны назад в пучок черной лентой, как обыкновенно их носят туземки.

«Я возвращаюсь к своим, – произнесла она твердо и решительно жене пастора, не могшей еще оправиться от смущения. – Вы во мне убили христианку, Елизавету, осталась Лизбет – язычница, дочь старика Соноо и жены его Жадег, поклонница бога Тирка-Дэви. Прощайте!»

И прежде чем жена пастора пришла в себя от поразившей ее неожиданности и оскорбления, Лизбет убежала из Котгара и больше в нем не появлялась. Она всей душой привязалась к своему родному племени, бедному, простому и добродушному «раһагi» и этим, как будто, хотела загладить свое отступничество.

«Какое непостоянство у этих язычников! – заметила жена пастора, рассказывая приехавшей знакомой даме о поступке. – Я всегда подозревала в этой девочке прежнюю склонность к язычеству».

Между тем, Лизбет была обращена в христианку на пятой лишь неделе после рождения, когда еще не могла иметь никакого понятия о богах, каких бы то ни было.

После побега своего из миссии Лизбет долго не думала над своей судьбой и вышла замуж за простого дровосека. Она не забывает ни английского языка, ни истории своей первой несчастной любви. Она часто рассказывает ее своим приятельницам.

Красота её после замужества начала быстро увядать и теперь, смотря на эту сморщенную, сгорбленную старушку, нельзя поверить, что эта бывшая Лизбет, которую во всей округе англичане не называли иначе, как «прелестным цветком котгарской миссии».

Х. Ныдро

В оригинале: R. Kipling «Lispeth», 1888.

Перевод опубликован в «Сибирском вестнике». 1903. № 197. – 3 сент. С. 2–3.

Р. Киплинг
Самообман

Нельзя считать безвозвратно погибшим человека, который иногда на дружеском пиру напивается до положения риз. Погибшим можно считать лишь того, кто предается пороку пьянства систематически, ежедневно и усердно. Однако и здесь иногда бывают исключения. Таким исключением является инженер Мориартей.

Интересный это случай, стоит о нем рассказать.

Мориартей служил в таком месте, где работы было по уши, но не с кем было поговорить по душам. Ну, и одичал человек. Трудился он, как вол, в течение четырех лет и вел жизнь совершенно уединенную.

Известно, что болотистые местности вредно действуют на здоровье человека. Один год, прожитый в такой местности, оставляет в ином организме неизгладимые следы. Многие спасаются от этого усердной выпивкой. И Мориартей пил. Но его пьянство знакомые приписывали влиянию местности и уединению, отсутствию всяких развлечений и обвинили в этом, разумеется, начальство, заставлявшее его жить среди болот. Мориартей до этого пользовался отличной репутацией вообще как человек и как знаменитый инженер. Днем он говорил отрывисто с рабочими и надсмотрщиками и только с вечера, запершись в своей келье, беседовал «по душам» с различными ликерами, коньяком, ромом и т.п. Многие на его месте давно бы свалились, но он, благодаря атлетическому сложению и крепкой голове, все еще держался молодцом. Наконец начальство вспомнило о нем и перевело в Сейнлу. В то время в бомонде Сейнлы владычествовала миссис Рейверс. Вы может быть ее помните? Может быть, и вы принадлежали к числу ее поклонников? Это была замечательная в своем роде женщина, но все дурное, что можно было бы о ней сказать (хорошего же в ней ничего не было), я высказал в другом месте и повторять это считаю излишним. Мориартей, красивый собою, высоко образованный, всеми уважаемый, а главное, прекрасно сложенный, не мог не обратить на себя внимание такой тщеславной, светской львицы, какой была миссис Рейверс.

Вскакивание со стула при малейшем толчке в бок, дрожание руки при поднесении стакана или рюмки к губам – все это у Мориартея приписывалось влиянию болотистой местности, недавно им оставленной, и расстройству нервов, но отнюдь ни чему другому. Если же в его спальне по ночам происходило некое таинственное буль-буль, то этого никто не слышал. Удивляться этому нечего; в нашем прекраснейшем из миров так устроено, что большая часть наших действий скрывается очень легко перед глазами и ушами самых близких наших соседей.

Не прошло и двух недель, как Мориартей попал – не в число пустых поклонников миссис Рейверс – он не имел ничего общего с ними, – а как-то непостижимо предался ее очарованию, и представьте себе, начал просто боготворить эту женщину.

Переписанный внезапно из пустыни в большой, шумный город, он окончательно потерял всякую мерку вещам и людям. Холодность и бессердечность кокетки он принял за целомудрие и недоступность, ограниченность и неспособность вести серьезный разговор – за скромность и застенчивость. Он чтил миссис Рейверс как святыню, и чем менее она заслуживала уважения, тем усерднее он бил перед ней челом, приписывая ей все древние библейские и новозаветные добродетели.

Случается же иногда подобный самообман, подобное сумасшествие.

Высокий, смуглый, всегда серьезный и меланхолический мужчина, которого пугали малейшее прикосновение и малейший звук, не считал для себя опасным втереться в пустое общество поклонников львицы, бродил за нею как тень и краснел как девушка, когда она достаивала его каким-нибудь словом. Это был обожатель вместе чувственный и платонический. Так о нем отзывались опытные люди, не слишком дружелюбно относившиеся к миссис Рейверс, хотя и завидовавшие ей втихомолку.

Мориартей, по прибытии своем в Сейнлу, держался как-то особняком, поэтому не мог многого узнать о даме своего сердца.

Миссис же Рейверс, зачисливши его в штат своих обожателей, не обращала на него внимания больше, чем на других. Правда, она приглашала его участвовать в ее *parties de plaisir*, но делала это лишь с

целью похвастать своей властью над этим «отшельником», как его все называли. Мориартей умел, когда хотел, говорить красиво и занимательно, но не о том, что могло бы заинтересовать его даму, в ответственном отношении весьма скудно наделенную, как большая часть подобных светских прелестниц. Несмотря на это, она представлялась ему женщиной необыкновенной, а главное, он сознавал, что она производит на него какое-то особое, благотворное влияние. Так ему, по крайней мере, казалось. И вот в этом-то ослеплении, или самообмане, он дал себе твердое слово избавиться от своей пагубной привычки.

Трудно описать борьбу, которую он начал вести с собою и с этой привычкой, в этом он никому не сознавался. Но следует допустить (по множеству примеров у других), что неоднократно после трехдневного или четырехдневного воздержания вечером, если он никуда не был приглашен и сидел перед камином в своем кабинете, старое вожделение брало верх над решимостью и «буль-буль» раздавалось до поздней ночи.

Наконец с Мориартием произошло нечто неожиданное. Бедняга усомнился в том, удастся ли ему добиться у миссис Рейверс расположения, дружбы и предпочтения его перед другими. Уже в течение десяти дней он чувствовал себя чрезвычайно расслабленным, старая привычка снова овладела им, как червяк, и он уже каждый вечер заливал этого червяка. Кончилось это белой горячкой. Форма ее была, впрочем, довольно мягкая, чуждая буйных порывов, появления чертиков, и ограничивалась душевным угнетением, истерией и склонностью к самоубийству и потерею иногда сознания. Погруженный в свои мысли или пробегая туда или назад по комнате, Мориартей говорил сам с собою громко, слова иногда переходили в шепот и опять разражались громом. Иногда он подумывал пригласить доктора, но это продолжалось недолго, и он опять бессвязным шепотом жаловался самому себе на свое падение.

Ужасны были эти детские жалобы в устах зрелого мужчины, жалобы поздние, тщетные, и ужасно было это бессилие воли. Но тот, кто бы подслушал их, немало бы удивился, до какой степени этим несчастным завладела пустейшая из женщин, миссис Рейверс, и как глубоко он себя обманывал ею.

Кризис, впрочем, благополучно закончился. Знакомые и сослуживцы поздравили Мориартея с возвращением здоровья и приписывали болезни его последнему проявлению малярии. Мориартия поклялся в душе своей исправить себя. Обогащая по-прежнему миссис Рейверс, он поплелся за нею на воды. Там он избавился от трясения рук и вздрагивания от малейшего внезапного шума или прикосновения. Теперь можно было хлопнуть бичом перед самым его ухом – и он не пошевелился бы. Сидел он на своем буцефале прямо, вытянувшись в струнку, и лишь за обедом испивал немного вина. Много труда стоило ему себя превозмочь, но странное чувство к миссис Рейверс произвело чудо, укрепило волю, и последняя восторжествовала.

Однажды, в припадке откровенности и некоторого особенного умиления при воспоминании о прошедших невзгодах, Мориартия вздумал поведать своему старому и лучшему другу о том чудотворном влиянии миссис Рейверс, которое он приписывал всецело ее чарам: он называл ее своим ангелом-спасителем. Но когда изумленный друг осмелился заметить, что миссис Рейверс, по своим похождениям успевши расстроить немало семейств, более походила на какого-то злого демона, чем на ангела, и что если бы она узнала о том обогащении ее Мориартеем, то она первая осмеяла бы его и назвала сумасшедшим, Мориартеем взбесился, и старая дружба чуть не полетела к черту.

И Мориартеем до сих пор (хотя обзавелся вполне достойной и любящей его женой) готов клясться всеми богами, что он только одной миссис Рейверс обязан своим возрождением. В самообольщении своем этот чудачина приписывает ей такие достоинства, от которых она сама бы отреклась. Но как бы то ни было, самообман Мориартеем действительно много помог ему в избавлении от роковой привычки. Не одно ли это с тем, если бы миссис Рейверс действительно обладала бы теми чудесными качествами, которые ей в своем ослеплении приписывал Мориартий?

Х. Ныдро

В оригинале: R. Kipling «In Error», 1888.

Перевод опубликован в «Сибирском вестнике». 1907. № 197 (3 сент.). С. 2–3.

А. Конан Дойл
Заколдованный остров

Нелегко было подвести «Гэмкук» к берегу, так как вода нанесла так много ила, что берега реки выдвинулись на несколько миль в морс. Лишь только мы несколько подходили к берегу, как шум прибора предупреждал нас об опасности. Мы должны были подвигаться вперед с тысячью предосторожностей, пользуясь лишь гротом и фоком и внимательно следя за линией прибора. Несколько раз мы задевали килем за дно (яхта сидела менее шести футов), но для нас все-таки было довольно места и шансов для прохождения вперед. Наконец глубина стала быстро увеличиваться. Из крепости нам послали навстречу лодку, чтобы привести нас поближе к острову.

Не доходя двухсот метров к берегу, мы вынуждены были бросить якорь, так как негр знаком показал нам, что ближе подойти невозможно.

Когда я убедился, что мы крепко держались на наших якорях, то решил без проволоочки заpastись водой, так как окружающая местность, казалось, так и дышала лихорадкой. Огромная река, илестые и блестящие на солнце берега, смертоносная зелень джунглей, насыщенный парами воздух, все это говорило об опасности каждому, кто только ее понимал. Я послал поэтому на берег лодку с двумя бочонками для воды, которой нам должно было хватить, пока мы не приедем в Сен-Поль де Лознда.

Что касается меня лично, то я сел в челнок и поплыл к острову, так как заметил там над вершинами пальм развевавшийся английский флаг, который указывал помещение конторы торгового дома Эрмитаж и Вильсон.

Обогнув купу дерев, я заметил и самую контору – длинное беленное здание с просторной верандой и длинным рядом бочек с пальмовым маслом. У берега стояла целая флотилия барок и лодок и виднелась маленькая пристань. На ней стояли два человека, одетые в белос и подпоясанные красными кушаками. Один из этих людей, поджидавших меня, был высокий плотный мужчина с начинающей седеть бородой, другой – длинный и тонкий, был с

бледным и болезненным лицом, которое на половину пряталось под широкой шапкою в форме гриба.

– Рад вас видеть, – встретил меня сердечно последний. – Мое имя Вокер, я представитель дома Эрмитаж и Вильсон. Позвольте мне представить вам доктора Севераля этой же компании. Нам так редко удастся видеть частную яхту в этой местности.

– Это «Гэмкук», – ответил я. – Я владелец его и вместе с тем и капитан. Мое имя – Мельдрэм.

– Вы занимаетесь исследованиями? – спросил он.

– Я лепидоптерист, т.е. охотник за бабочками. Я обошел весь западный берег, начиная с Сенегала.

– Удачно охотились? – продолжал спрашивать доктор, медленно повернув ко мне желтоватые глаза.

Во время этого представления и объяснения, мы привязали лодку. Я пошел по направлению к дому в сопровождении обоих спутников, которые не переставали забрасывать меня вопросами, так как прошло уже несколько месяцев, как они не видели ни одного белого.

– Что мы делаем? – промолвил доктор, когда в свою очередь я начал задавать им вопросы. Дела у нас довольно, а в минуты отдыха мы беседуем о политике.

– Да, благодаря особой милости providения, Севераль – заядлый радикал, между тем как я – убежденный добрый унионист. Вследствие этого мы каждый вечер битых два часа спорим о самоуправлении.

– И потягиваем при этом хинную настойку, – прибавил доктор. – Так что в настоящее время мы пропитаны достаточно, если принять во внимание температуру, которая доходила здесь в прошлом году до 103 градусов.

– Как человек беспристрастный, я не советовал бы вам засиживаться здесь, если только вы не собираете и бактерий, подобно бабочкам. Устье Оговаи никогда не приобретет славу санатория.

Не было ничего прекраснее, как та веселость, с которой эти передовые пионеры цивилизации переносили разные невзгоды жизни. Повсюду, начиная с Сьерра Леоне, я встречал подобные отравленные

болота, но подобных людей, заброшенных в уединении и мучимых лихорадкой, с той же болезненной шутливостью. И мне всегда казалась чем-то приближающим к божеству эта способность людей подыматься выше положения и выпучивать материальные невзгоды.

– Обед будет готов приблизительно через полчаса, – сказал доктор. – Вокер пошел наблюдать за ним. В эту неделю его очередь заведовать кухней. Мы можем поэтому в это время пройтись, и я вам покажу остров.

Солнце уже спустилось за вершушки пальм и небесный свод, распростертый над нашими головами, походил на внутренность громадной раковины, блестящей нежным пурпуром и легкой лазурью. Никто, кто только не жил в этой стране, где, благодаря жаре, тяжесть салфетки на коленях становится невыносимой, не может представить себе, какое благословенное облегчение приносит здесь с собою вечерняя прохлада. Вдыхая чистый освежающий воздух, мы пошли с доктором кругом острова. Он мне показывал магазины и объяснял ход работ.

– В этом краю мало романтического, – промолвил он в ответ на мои замечания относительно отсутствия веселья в их жизни. – Мы живем здесь словно на границе бесконечного. – С этой стороны, – продолжал он, указывая на северо-запад, – Дю Шалью проник в глубь страны и открыл местопребывание горилл. Это – Габон, страна больших обезьян. В ту сторону – он показал юго-запад, никто еще не заходил далеко. Местность, омываемая этой рекою, совершенно неизвестна европейцам. Каждый кусок дерева, который течение приносит сюда, приплывает из страны еще неисследованной. Мне часто хотелось быть лучшим ботаником, при виде особенных орхидей и растений странного вида, выбрасываемых водою вот сюда, на берег.

Местность, на которую указывал доктор, был залив с темной водой, он весь был наполнен плавучими растениями, а среди них выделялся громадный ствол дерева, темную кору которого облизывали волны.

– Все это приплывает из глубины и останавливается в заливе, пока вода не придет и унесет их в море.

– Что это за дерево? – спросил я, указывая на странный ствол дерева.

– Полагаю, это вид тэка, но по внешнему виду сильно источенный червями. У нас здесь есть все виды твердого дерева, не говоря уже о пальмах. Не пойти ли нам теперь домой?

Он повел меня в длинную постройку, наполненную массой клепок и обручей.

– Здесь наша бочарня. Клепки нам присылают в ящиках, и мы сами собираем бочки. А теперь, не замечаете ли вы чего-нибудь особенного и загадочного в этом здании?

– Я не вижу ничего особенного.

– А между тем здесь происходит нечто необыкновенное. Вы видите эту кровать? Ну, так я намерен провести здесь эту ночь. Я не хочу хвастаться, но думаю, что здесь можно испытать крепость нервов.

– Почему?

– О! Потому, что здесь происходит что-то необыкновенное. Вы говорите о монотонности нашей жизни, но я вас уверяю, что иной раз она полна слишком больших волнений. Однако теперь лучше пойти в комнату, так как после захода солнца лихорадочный туман подымается с болот. Смотрите, он уже стелется над рекою!

Над водою в самом деле тянулись длинные полосы белого пара. Воздух стал сырым и холодным.

– А вот и гонг зовет к обеду, – прибавил доктор. – Если вам интересно, я вам расскажу все после.

Слова доктора меня заинтересовали. Во всей фигуре доктора в пустом сарае были заметны серьезность и какое-то беспокойство, которое поразило меня. Это был человек сильный, смелый, мужественный, а между тем в глазах его, когда они останавливались на мне, я замечал выражение, которое затрудняюсь описать, – не то страха, не то тревоги, как у человека, держащегося к чему-то наготове.

– Кстати! – сказал я, направляясь домой, – Вы мне показали хижины ваших черных работников, но их самих я не видел ни одного.

– Они спят на понтоне на там берегу.

– Да? Так зачем же им тогда хижины?

– О! Они жили в них до последнего времени. Но мы их переместили на понтон, чтобы они немного пришли в себя. Они на половину сошли с ума от страха, так что мы вынуждены были их отпустить. На острове, кроме меня и Вокера, никто больше не ночует.

– Что же их так испугало? – спросил я.

– Ваш вопрос приводит к той же истории. Думаю, что Вокер ничего не будет иметь против, если Вам я расскажу ее. К тому же я не вижу причины держать ее в секрете, хотя, действительно, это весьма печальная история.

Во все время великолепного обеда, приготовленного в честь мою, он больше не проронил ни слова об этой истории. Нам прислуживал черный слуга из Сьерра Леоне. Я хотел уже, было, заметить, что, по крайней мере, этот один еще не сбегал вместе с остальными, как он, поставив десерт и вино на стол, поднес руку к своему тюрбану.

– Я нужен еще, господин Вокер? – спросил он.

– Нет, все хорошо, Мусса! – ответил хозяин. – Но я чувствую себя не совсем хорошо и потому желал бы, чтобы ты остался на острове.

– На лице черного слуги отразилась борьба между страхом и долгом. Кожа его окрасилась в синевато-багровый оттенок, заменяющий у негров бледность, и он начал боязливо озираться.

– Нет! Нет! Господин Вокер! – вскричал он, наконец. – Вы лучше сами идите со мною на понтон. Там я за вами буду лучше ухаживать.

– Это невозможно, Мусса! Белые не убегают с тех постов, где их поставили.

Я снова увидел на лице негра прежнюю борьбу чувств, и он снова начал испускать крики ужаса.

– Нет! Нет! Господин Вокер! – повторял он. – Простите. Я не могу. Если бы это было вчера или завтра!.. Но сегодня как раз третья ночь. Господин, я не могу вынести!

Вокер пожал плечами.

– Будь по твоему! Ступай. Но когда почтовое судно придет, ты возвратишься в Сьерра Леоне, так как мне не нужны слуги, которые

покидают меня, когда я больше всего в них нуждаюсь. Я предполагаю, что вам все это кажется странным, – прибавил он, обращаясь ко мне, – если только доктор не рассказал уже вам об этом.

– Я показал сарай капитану Мельдрэму, но еще ему ни о чем не говорил, – ответил доктор Севераль. – Вам, кажется, не здоровится, Вокер, – прибавил он, смотря на своего товарища. – С вами припадок.

– Да! Меня трясло весь день, и теперь голова у меня словно пушечное ядро. Я принял десять гран хинина, так что в ушах у меня звенит, как в котле. Но я все так же проведу эту ночь в сарае.

– Нет! Нет! Мой старый друг. Вы ляжете сейчас, и капитан Мельдрэм вас извинит. Я сам буду ночевать в сарае и обещаю перед завтраком принести вам лекарство.

Было очевидно, что на Вокера напал приступ лихорадки, являющийся настоящей язвой здешних мест. Бледные щеки его покрылись румянцем. Глаза блестели лихорадочно. Усевшись снова, он запел острым голосом, свойственным горячке.

– Идите, идите!

– Мы вас уложим, старый дружище! – сказал доктор. С моей помощью он повел больного в его спальню. Здесь мы его раздели, и он, приняв огромную дозу снотворного средства, погрузился в глубокий сон.

– С него довольно на всю ночь! – сказал доктор, когда мы возвратились на прежнее место и снова наполнили наши стаканы. – Мы поступаем так по очереди, но сегодня мне было бы весьма досадно, если б приступ напал на меня, так как я должен выяснить тайну. Я уже вам сказал, что намерен ночевать эту ночь в сарае?

– Говоря – ночевать, я вовсе не хотел сказать – спать, потому что я вовсе не думаю спать. У нас здесь такая паника, что никто из туземцев не соглашается после заката солнца оставаться на острове, и мне в эту ночь необходимо расследовать, что за причина этого страха. У нас всегда был обычай ставить караульного в сарае, для предупреждения кражи обручей. И вот, шесть дней тому назад, человек, который был туда поставлен на ночь, исчез и мы не нашли даже никаких следов его. Этот случай явился, действительно,

чем-то необыкновенным, так как все лодки оказались на лицо, переправляться же вплавь через реку никто не решится, так как она кишит крокодилами. Что случилось с этим человеком? Как он исчез с острова – это для нас осталось загадкой.

Меня и Вокера этот случай только удивил, но негры пришли в ужас и между нами начали циркулировать странные истории. Однако настоящая паника началась только три дня тому назад, когда новый караульный исчез в свою очередь из сарая.

– Что же с ним случилось? – спросил я.

– Мы не только ничего не знаем об этом, но и не можем даже придумать какое либо объяснение. Негры клянутся, что в сарае живет демон, который через каждые три дня похищает по человеку. Они не желали дольше оставаться на острове и не слушали никаких убеждений. Даже Мусса, не смотря на всю его преданность, предпочел, как вы сами видели, покинуть своего больного господина, чем провести ночь здесь. Таким образом, для того, чтобы остаться при конторе, нам нужно, прежде всего, разубедить негров, и я не вижу лучшего средства, как самому провести ночь в сарае. Сегодняшняя ночь как раз по счету третья, и я должен провести ее в сарае, что бы ни случилось.

– Нет ли у вас каких-либо указаний? – спросил я. – Не заметили ли вы следов борьбы, отпечатка ног и пятен крови, чего-нибудь такого, что могло хотя бы дать идею об опасности, которой вы хотите подвергнуться?

– Решительно ничего. Человек исчез – и больше ничего.

– В последний раз караульным был старый Али, который служил с основания дома. На него можно было положиться как на скалу, и только что-нибудь необычайное могло заставить его уклониться от долга.

– Хорошо! – ответил я. – Но мне не думается, чтобы то, о чем вы говорите, было делом одного человека. Ваш друг находится теперь под действием лекарства и, в случае нужды, вы рискуете остаться без помощи. Позвольте поэтому мне провести эту ночь с вами в сарае.

– С вашей стороны, Мельдрэм, это благородно, вымолвил доктор, пожимая горячо мою руку. – Я бы никогда не осмелился бы предложить вам это, так как вы здесь случайный гость, но если вы желаете...

– Конечно, желаю! Позвольте только на минуту съездить на «Гэмкук» и предупредить, чтобы меня не ждали.

Когда мы возвращались с береговой насыпи, нас поразила темнота ночи. Громадная туча черно-синего цвета надвигалась со стороны берега. Горячий порывистый ветер обдавал наши лица жаром горнила. Река вздымалась и кипела, выбрасывая на доски пристани клочки белесоватой пены.

– Тысяча чертей! – вскричал доктор Севераль. – В довершение всех наших прелестей, у нас будет еще наводнение. Прибыль воды в реке показывает, что где-то в верховьях её выпал сильный дождь, и сказать трудно, когда она перестанет прибывать. Мы уже однажды видели весь остров затопленным. Пойдем теперь посмотрим, все ли приготовлено как следует для Вокера, а потом отправимся на наш бивак.

Больной лежал в глубоком сне. Мы поставили около него стакан воды, на случай, если он проснется и захочет пить, и затем пошли среди сверхъестественного мрака в наш сарай. Вода в реке поднялась уже до того, что маленькая бухта заметно изменила свою форму; замыкавшие ее выступы берега были уже почти залиты водою. Собравшиеся в ней обломки деревьев, с огромным стволом посредине, подымались и опускались в водоворот течения.

– Вот наводнение, кстати, принесет нам пользу, – заметил доктор. Вода унесет все эти растения, что собрались в бухте. Но вот и наш бивак, вот несколько книг и ящик с табаком. Попробуем провести эту ночь получше.

При свете небольшого фонаря сарай казался весьма мрачным. За исключением бочек и обручей в нем был только еще посланный в углу матрац доктора. Мы устроили из клепок себе два стула, стол и приготовились бодрствовать. Севераль принес для меня револьвер, а сам вооружился двустволкой. Мы зарядили наше оружие и положили его так, чтобы оно было под рукою. Маленький

круг света и огромный свод из мрака наводили такую меланхолию, что Севераль вернулся в контору и захватил с собою две свечи. Одна стена сарая была прорезана несколькими отверстиями для окон, но они не были вставлены и потому мы должны были устроить для наших свеч защиту от ветра из досок.

Доктор, который, казалось, обладал стальными нервами, взялся за книгу, но я заметил, что он поминутно опускал се на колени и внимательно осматривал все кругом. Со своей стороны, попробовав раза два почить, я тоже должен был признаться, что я был не в состоянии сосредоточиться на моей книжке. Мои мысли блуждали в огромной пустоте сарая и в злоедей таинственности, которая окружала его. Мой мозг положительно мучился от усилий найти какую-нибудь теорию для объяснения таинственного исчезновения двух людей. Был только один грубый факт, что эти люди исчезли, но как и при каких обстоятельствах – это оставалось неизвестным, и мы оба сидели теперь на этом и ждали, не имея при этом ни малейшего представления о том, чего мы ждем. Мне казалось, что я был прав, предположив, что это не было делом одного человека. В таком виде дело представлялось мне несколько понятным, но никакая сила не удержала бы меня здесь на месте, если бы около меня не было товарища.

Какая бесконечная и утомительная ночь! Снаружи до нас доносились шум и клочкотание рески и завывания ветра, который все усиливался. Внутри сарая, кроме нашего дыхания, легкого шелеста, производимого доктором при перелистывании книги, и изредка тихого жужжания комара – тяжелая, глубокая тишина. Вдруг сердце дрогнуло у меня в груди. Книжка выскользнула из рук Северала на пол, а сам он вскочил со своего места с глазами, устремленными на одно из окон.

– Вы заметили что-нибудь, Мельдрэм?

– Нет! А вы?

– Я? Да, мне показалось, как будто что-то проскользнуло мимо окна.

Он схватил ружье и подошел к окну.

– Нет! – сказал он, – ничего не видно, а между тем, я готов поклясться, что видел как что-то медленно прошло за окном.

– Может быть, лист пальмы, – заметил я, – так как ветер усиливается все более и более.

– Без сомнения! – ответил он и взял снова книгу, но он не переставал наблюдать за окном короткими подозрительными взглядами.

Вдруг буря, которая словно сорвалась с цепи, дала новое направление нашим мыслям. Блеснула ослепительная молния, а вслед за тем раздался громовой удар, потрясший всю постройку. Бесперывно белые вспышки молнии прорезали мрак, и гремели страшные раскаты, подобно выстрелам из громадных орудий. Затем полил и застучал о железную крышу крупный тропический дождь. Из мрака, снаружи слышалась теперь целая смесь из звуков, там как будто все и кипело, и брызгало, истекало, и капало, – словно целый хаос из звуков, производимых жидкостью, а к все-му этому примешивался глухой рев реки... Шум и гул все усиливались...

– Честное слово! Нам грозит на этот раз самое страшное наводнение! Но вот, наконец, благословенный рассвет! Что бы ни было, мы покончили с суеверным страхом третей ночи.

Рассвет в самом деле проглядывал в окна.

День должен был сейчас начаться. Дождь перестал, но побуревшая река волновалась и ревела, как водопад. Я начал опасаться за якоря «Гэмкука».

– Мне нужно отправиться на яхту, – сказал я, – А то в случае, если ее сорвет с якорей, сй уже больше не удастся войти в реку.

– Ее защищает от напора течения остров, – ответил доктор. – Если хотите, пойдете лучше пить кофе.

Я до такой степени чувствовал себя усталым и обессиленным, что с удовольствием принял любезное приглашение. Мы покинули приобретенный дурную славу сарай, так и не выяснив его тайны, и побрели в контору.

– Вот спиртовая лампа, – сказал Севераль. – Зажгите ее, пожалуйста, а я пойду пока посмотрю, как чувствует себя Вокер.

Он вышел, но через минуту вернулся с лицом, искаженным ужасом.

– Он мертв! – вскричал он хриплым голосом.

При этих словах по мне прошла дрожь ужаса. Я так и замер с лампою в руке, не спуская глаз с Севералья.

– Да! Он мертв! Посмотрите!

Я последовал за ним, не говоря ни слова.

На пороге комнаты я был поражен видом Вокера, распростертого на кровати в том же сером фланелевом белье, которое я вечером помог ему надеть.

Доктор казался сильно потрясенным. Руки его дрожали, как листья при ветре.

– Он умер уже несколько часов тому назад.

– Неужели от лихорадки? – спросил я.

– От лихорадки? Посмотрите на его ногу!

В самом деле, нога его была совершенно не на месте и как-то ужасно вывернута.

– Великий Боже! Кто же мог сделать это?

Севераль приложил голову к груди трупа.

– Пощупайте! – прошептал он.

Я положил руку на указанное место и не почувствовал никакой упругости. Тело было совершенно мягко, как будто я пожал резиновую куклу.

– Костного остова груди нет вовсе, – заметил Севераль тем же сдавленным голосом. – Он измельчен в крошки. Слава Богу, он хотя бы погиб во сне.

– Но кто же это мог сделать?

– Здесь кроется что-то, чего я не могу понять и вынести, ответил Севераль, покачивая головою. Я не знаю, трусливее ли я других, но это выше моих сил. Если вы отправляетесь на яхту...

– Пойдемте! – сказал я ему.

И мы отправились. Если мы не бежали, так только потому, что каждый из нас хотел показать друг перед другом хоть тень хладнокровия. Было опасно пускаться в путь на легком челноке по взволнованной реке, но мы об этом даже не подумали. С большим усилием мы достигли яхты и очутились, наконец, среди людей.

– На землю мы сойдем теперь часа через два. Я ни за что не согласился бы, чтобы негры меня увидели таким, каким я выглядел минуту тому назад.

Я распорядился приготовить завтрак.

– Потом мы сойдем на берег. Но, Бога ради, доктор, что вы думаете обо всем этом?

– Это превосходит мое понимание! Я слышал, как говорили о чертовщине, о каких-то злых духах и смеялся над этим вместе с другими. Но, бедный Вокер! Чтобы человек XIX века, верующий в Бога, англичанин, член лиги Примроз, погиб такой смертью, без одной целой косточки в теле – это что-то невероятное. Но, посмотрите, Мельдрэм! Этот ваш матрос или пьян или сошел сумас? Что с ним?

Старик Петерсон, самый пожилой из моего экипажа, спокойный как пирамида, был поставлен на носу яхты, чтобы отталкивать шестом несшиеся по течению деревья. В эту минуту колени у него подогнулись, глаза расширились, и он дико потрясал рукою.

– Посмотрите на него! Смотрите! – кричал он.

В ту же минуту и мы увидели.

Громадный ствол дерева несся по реке. Вода лизала его чезную блестящую поверхность, а впереди, фута на три приблизительно, виднелась, изогнутая, словно нос у корабля, ужасная голова, медленно покачивавшаяся направо и налево. Огромная, как пивной бочонок, вздутая, страшная, она была окрашена в желтый цвет. Шея была в желтых и черных пятнах. Когда она плыла мимо нас, я увидела, как из громадного дупла дерева выскользнули два огромных кольца и страшная голова поднялась вдруг футов на десять вверх, устремив на яхту покрытые кожей глаза. Через мгновение дерево пронеслось мимо нас подобно стреле и помчалось со своим страшным пассажиром по направлению к Атлантическому океану.

– Что это такое? – вскричал я.

– Это демон нашего сарая, – сказал доктор Севераль. В одну минуту он превратился снова в того отважного самоуверенного человека, каким я знавал его прежде.

– Да, это демон, который жил на нашем острове. Это большой питон Габона.

Я вспомнил различные истории, которые слышал об этом громадном удаве, его периодической прожорливости и об ужасном действии его смертельных объятий. Тогда сразу мне стало ясно. Неделю тому назад, когда вода сильно прибыла, течение принесло к острову и это громадное дуплистое дерево с его страшным обитателем. Кто знает, из какого отдаленного тропического леса он прибыл. Дерево остановилось в бухте, а от нее ближайшим строением был сарай. Два раза при наступлении голода он похищал караульных. В минувшую ночь он так же, без сомнения, подполз к сараю именно в то время, когда Севералу показалось, что что-то протаснилось мимо окна, но свет от свечей заставил его изменить путь. Он пополз дальше и измял Вокера во время сна.

– Но почему он бросил его? – спросил я.

– Должно быть, гром и молния напугали чудовище. Но вот повар, Мельдрэм! Чем скорее мы позавтракаем и чем скорее сойдем на берег, тем это будет лучше, а то некоторые из негров подумают, что мы испугались.

Пер. П.

В оригинале: А. Conan Doyle «The Fiend of the Cooperage», 1897.

Перевод опубликован в «Сибирском вестнике». 1899. № 97 (6 мая). С. 2–3.

А. Теннисон
Царица мая

I – Накануне 1-го мая

Матушка, разбуди меня завтра до восхода солнца: на заре я буду рвать цветы и заплетать в венки. Меня избрали царицей мая, и это будет лучший день в году! Много черных глаз, но нет таких жгучих, как мои; много красивых девушек, да нет краше твоей маленькой Алисы, завтра ее будут убирать цветами! Не забудь же разбудить меня на рассвете.

В долине я встретила вчера Робена. Он стоял задумчиво в тени орешника. Говорят, что я жестока, что я играю его сердцем, что он умирает от любви. Что за беда! Пусть говорят... Завтра я царица мая!

Молодые пастухи придут с гор и будут участвовать в майском хороводе. Кругом свежая зелень; гиацинты и анемоны покрыли холмы; гибкая жимолость вьется у плетня; там золотистые лютики блестят, как звезды, и глазки незабудок смотрят из травы; и ручей радостно журчит среди цветущей нивы.

Какой тихий вечер! Легкий ветерок ласкает травку. Звезды ярко горят... Завтра будет чудесная погода, и меня будут венчать царицей мая.

Покойной ночи, моя дорогая! Не забудь же меня разбудить; это будет самый веселый день, самый прекрасный день в году.

II – Накануне Нового года

Разбуди меня, мама, завтра пораньше, в последний раз я увижу восход солнца на новый год; скоро вы опустите меня в глубокую могилу и забудете меня.

Сегодня я любовалась закатом; солнце исчезло и унесло с собой мои былые радости, мои воспоминания.

Как чудно провела я 1-е мая! Меня украсили цветами под кустом диких роз; мы водили хоровод вокруг майского деревца...

На холмах теперь иной... Мне не дожидаться, когда солнце высоко встанет в небе, когда снег растает, когда на лугах запестреют подснежники.

Поля окутаются мягким покровом ночи, кругом будет темно, ветер закачает большой вяз, соловьи запоют в его ветвях, а я буду в холодном, тесном гробу.

Но когда петух пропоет на ферме, лучи солнца согреют и землю, которая будет лежать надо мной.

Вот летний ветерок подует над лесом, камыш заколышется под его дыханием, и ты придешь ко мне, мама, отдохнуть в тени шиповника.

Я буду вспоминать тебя; я буду слышать, как в высокой траве ты пройдешь надо мной. Не плачь же так, не убивайся, не делай мне так больно! Я буду прилетать сюда, я буду видеть, слышать все, я буду около тебя.

III

Я все еще жива... На лугах цветут фиалки... Как хороши цветы! Как чудно голубое небо! А я не в силах встать... но смерть не страшит меня; мне не нужно уже блеска солнца, и я не хочу оставаться здесь.

Сейчас духовник говорил мне слова утешения, говорил о милосердии Божиим. Благослови, Господь, его седины! Пусть небесная радость волеется в его сердце! Благослови его, научившего меня молиться! Теперь я знаю, что не буду отвергнута, что мой светильник будет зажжен в последнюю минуту. И если бы исцеление было возможно, я не желала бы жить. Я хочу идти к Христу, который умер за меня. Он скоро призовет меня, он мне сказал об этом.

Садись сюда, дай руки мне, родная, я расскажу тебе, как это было.

Луна скрылась, было совсем темно. Деревья тихо шептались между собой. Я лежала с открытыми глазами и думала о вас; я стала молиться за тебя и за сестру, и мир сошел в мою измученную душу... С долины неслись дивные звуки, и неведомый голос что-

то говорил мне; что говорил, не знаю, но он радостью наполнил мое сердце. А чудная мелодия все приближалась и последний раз прозвучала у окна. Потом звуки поднялись кверху и исчезли в звездном небе.

Небесная музыка была оттуда, куда идет моя душа. Это конец моим страданиям... Но ты... ты утетишься потом.

Передай мой поцелуй Робену, пусть не грустит; он найдет жену и лучше, и достойнее меня...

Смотрите! Небо пылает, сейчас взойдет солнце и разбудит холмы, долину, рощи и поля, которые я так любила, и где другие будут рвать цветы вместо меня. А мой голос замолкнет до заката солнца. О, сладостная, чудная мечта! Что жизнь?.. Затем грустить о мертвых?.. Зачем жалеть?.. Я уйду в обитель Бога. Меня будет ласкать Божественный свет; там не будет страданий, там вечный покой! Я буду ждать вас, вы скоро придете туда, дорогие.

Пер. В. Я...ва.

A. Tennyson «Queen of May», 1842.

Перевод опубликован в «Сибирском вестнике», 1899. № 93 (4 апр.). С. 2.

О. Уайльд
Артист

Однажды вечером душа его воспламенилась страстным желанием создать статую *Наслаждения, которое длится одно мгновение*.

И он отправился по свету за бронзой, так как не мог видеть этого произведения иначе, как в бронзе.

Но во всем мире не оказалось и кусочка бронзы, которая как будто исчезла из недр земных. На свете остался только тот слиток бронзы, который изображал статую *Страдания, которое длится всю жизнь*.

Но это была та самая статуя, которую он создал собственными руками. Он поместил ее на могиле единственного в мире существа, которое он всю свою жизнь так горячо любил. На могиле этого умершего существа, которое он так крепко любил, поместил он эту статую – произведение рук своих.

И статуя эта служила символом бессмертной человеческой любви и символом вечных человеческих страданий.

И во всем мире не оказалось другого куса бронзы, кроме той, из которой была создана эта статуя.

И взял он статую, которую создал собственными руками, и бросил ее в великое горнило, и расплавил ее.

И из бронзовой статуи, изображавшей *Страдание, которое длится всю жизнь*, он создал статую, изображавшую *Наслаждение, которое длится одно мгновение*.

Е.Г.

O. Wilde «The Artist», 1894.

Перевод опубликован в «Сибирской жизни». 1906. № 182 (24 авг.). С. 2.

О. Уайльд
Ученик

Когда Нарцисс умер, озеро его наслаждений из чаши сладостных вод превратилось в чашу горько-соленых слез.

И явились рыдавшие Ореады из лесу и начали петь озеру песни и утешать его.

И когда они увидели, что озеро из чаши сладостных вод превратилось в чашу горько-соленых слез, они распустили зеленые локоны волос своих и косы свои и закричали озеру.

Они сказали:

«Нас не удивляет, что ты так горько плачешь над Нарциссом, который был так красив».

«Но был ли в действительности так красив Нарцисс?» – спросило озеро.

«Кто может это знать лучше тебя? – ответили Ореады. – Он нами пренебрегал, но тебя он страстно любил. Он склонялся часто над твоими берегами, и глаза его отдыхали на поверхности вод твоих, в которых он любовался своею красотой».

И озеро ответило Ореадам:

«Я очень любило Нарцисса, ибо, когда он склонялся над моими берегами и глаза его отдыхали на поверхности вод моих, я в зеркале глаз его любовалась своей собственной красотой».

Е.Г.

О. Wilde «The Disciple», 1894.

Перевод опубликован в «Сибирской жизни». 1906. № 182 (24 авг.). С. 2.

О. Уайльд
Творец добра

Была ночь, и Он был один.

И увидел Он издали стены огромного города и пошел по направлению к нему.

И услышал Он, приблизившись к нему, как пляшет там наслаждение, как хохочет там излишество и как беспечно-весело и шумно играют там на многочисленных лютнях.

И постучал Он в ворота города, и открыл их Ему привратник.

И увидел Он чудесный беломраморный дворец с великолепными беломраморными колоннадами.

И были эти колоннады разукрашены розовыми гирляндами, а внутри и снаружи дворец сиял огнями пахучих факелов из ливанского кедра.

И прошел Он во дворец.

И миновал Он первые покои из порфира и вторые покои из яшмы и очутился Он в огромной зале, предназначенной для пиршеств.

И увидел Он на постели из морского пурпура юношу с алыми, как вино, губами. И были кудри этого юноши увенчаны красными пахучими розами.

И подошел Он к нему и коснулся плеча его и спросил его:

«Почему живешь ты так?»

И юноша оглянулся и узнал Его.

И сказал он Ему:

«Я некогда страдал ужасною проказою, но Ты излечил меня. Как же жить мне теперь иначе?»

И увидел Он несколько вдали женщину. И было лицо её нарумянено, одежда соткана из пестрых и ярких цветов, а ноги разукрашены драгоценными перлами.

И к ней тихо и медленно, как охотник, направлялся юноша, одетый в двухцветный плащ.

И было лицо этой женщины красиво, точно образ идола, а в глазах молодого юноши сверкала и бушевала страсть.

И Он быстро подошел к нему.

И коснулся Он плеча его и сказал ему:

«Почему смотришь ты так на эту женщину?»

И юноша оглянулся и узнал Его.

И сказал он Ему:

«Я некогда был слеп, но Ты дал мне зрение. Как же смотреть мне теперь иначе?»

И приблизился Он к женщине, и коснулся ярких одежд её, и сказал ей:

«Здесь нет другого пути, кроме пути грехов?»

И оглянулась она и узнала Его.

И сказала она Ему:

«Ты некогда простил мне все грехи мои, а путь этот в жизни самый веселый и приятный. Как же жить мне иначе?»

И Он удалился из дворца и вышел из города.

И увидел Он, как на большой дороге сидит юноша и горько плачет.

И приблизился Он к нему и коснулся рукою длинных локонов волос его и сказал ему:

«Почему плачешь ты?»

И поднял юноша голову, и взглянул на Него и узнал Его.

И сказал он Ему:

«Я однажды умер, но Ты воскресил меня из мертвых. Что же делать мне теперь, как не плакать?»

Е.Г.

O. Wilde «The Doer of Good», 1894.

*Перевод опубликован в «Сибирской мысли». 1907. № 85 (8 февр.).
С. 2.*

О. Уайльд
Соловей и роза

«Она сказала, что будет танцевать со мною, если я ей принесу красных роз, – произнес, тяжело вздыхая, молодой студент, – Но во всем моем саду нет ни одной красной розы».

Эти слова услышал соловей, приютившийся на зеленом дубе в гнездышке.

Он глядел сквозь зеленую листву и изумлялся.

«Нет красных роз в моем саду!» – восклицал громко студент, и его красивые глаза наполнились слезами. – Боже, от каких ничтожных вещей зависит счастье! Я изучал все, что мудрецы написали: я владею всеми тайнами философии, но у меня нет красной розы и – вот моя жизнь разбита».

«Вот, наконец, предо мною истинно влюбленный, – произнес соловей. Я каждую ночь распевал ему свои песни, хотя не знал его, каждую ночь я рассказывал звездам его историю, и теперь, наконец, он перед моими глазами. Его волосы темны, как цветок жасмина, его губы алы, как красная роза, которую ищет, но страсть сделала его лицо бледным, как слоновою кость, а горе наложило на его лоб печать уныния и отчаяния».

«Завтра в замке принца бал, – шептал между тем юноша, – и предмет моей любви будет присутствовать на этом празднестве. Если я ей принесу красную розу, она будет танцевать со мною до самой зари. Если я ей принесу красную розу, я сумею сжать ее в своих объятиях. Она прильнет своей головкой к моему плечу и рукой своей обнимет мою руку. Но в моем саду нет красных роз. И я останусь один, и она пренебрежет мною. Она не обратит на меня никакого внимания и сломает мое сердце».

«Вот действительно влюбленный! – сказал соловей. – Все, о чем я пою, доставляет ему страшные страдания; все, что радует меня, тяжело мучает его. Поистине, любовь чудесна: она драгоценнее изумрудов и богаче самых тонких опалов. Ни перлы, ни гранаты не могут окупить ее, ибо она не появляется на рынках. Ее нельзя найти у торговцев, как ее нельзя и взвесить, чтобы приобрести на вес золота».

«Музыканты соберутся на эстраде, – говорил молодой студент. – Они будут играть на своих струнных инструментах, и мое чувство будет трепетать при звуках арф и скрипок. Она будет веселиться с такою легкостью, что ноги её не коснутся паркета, и гости радостной толпой окружают ее, только со мною она не захочет танцевать, так как у меня нет красных роз».

И он упал на траву, закрыл руками свое лицо и горько заплакал.

– Почему он плачет? – спросила зеленая ящерица, которая в это время пробежала мимо него с поднятым вверх хвостом.

– Почему? Почему? – спросила также бабочка, порхавшая в волнах солнечных лучей.

– Почему же? – сладким голосом прошептал подснежник, колыхавшийся здесь же, близко от него.

– Он плачет, потому что у него нет красной розы.

– Красной розы? Как это смешно!

И зеленая ящерица с несколько циничной развязностью во все горло расхохоталась.

Но соловей понял истинную причину горя юноши. Он безмолвно продолжал сидеть в ветвях зеленого дуба и только задумался о тайнах любви. Но вдруг он расправил свои темные крылышки, приободрился и полетел.

Таинственной тенью он прорезал лес и тихо, как тень, пролетел мимо сада.

В глубине цветника величаво поднимался красивый розовый куст. И соловей приблизился к нему и уселся на одной из его тонких и гибких веточек.

– Дай мне одну красную розу, – начал он, – и я спою тебе лучшие из моих песен.

Но розовый куст покачал головой:

– Мои розы белы, – ответил он. – Они белы, как морская пена, они еще белее, чем снег на горах. Но обратись к моему брату, который растет недалеко отсюда около солнечных часов, он может дать тебе то, что ты ищешь.

Соловей полетел к розовому кусту, что рос около солнечных часов.

– Дай мне одну красную розу, – спросил он, – и я спою тебе лучшие из своих песен.

Но розовый куст покачал головой.

– Мои розы желты, – ответил он. – Они желты, как косы сирен, которые прячутся здесь в деревьях, они еще желтее нарцисса, который сияет в полях, пока косари не скосят его. Отправляйся к моему брату, который цветет под окном у юноши студента и, может быть, он даст тебе то, что ты ищешь.

Тогда соловей полетел к розовому кусту, который возвышался под окном юноши студента.

– Дай мне одну красную розу, – начал он, – и я спою тебе лучшие из моих песен.

Но розовый куст покачал головой.

– Мои розы красны, – ответил он. – Они красны, как лапки голубей, они еще краснее кроваво-красных кораллов, которые океан убаюкивает в своих безднах, но зимняя стужа заморозила мои вены, снег погубил мои цветы, а ураган сломал мои ветви, и не будет больше роз у меня в этом году.

– Но мне нужна всего только одна роза! – воскликнул соловей. – Одна только красная роза! Нет ли средства как-нибудь добыть у тебя одну только розу?

– Одно только средство существует, – ответил розовый куст, – но оно так ужасно, что я боюсь даже назвать его.

– Скажи его, – произнес соловей. – Я не трус.

– Если тебе нужна красная роза, – заговорил куст, – ты должен сам при лунном свете создать ее мелодиями песен своих и окрасить ее кровью твоего собственного сердца. Ты будешь мне петь и в горло свое воткнешь одну из моих игл. Ты должен петь всю ночь, пока шипы не пронзят твоего сердца: твоя живая кровь перельется в мои вены и сделается моей.

– Смерть – слишком дорогая цена за красную розу, – возразил соловей, – и я очень люблю жизнь. Сладостно-приятно порхать в зеленеющем саду и любоваться золотом лучезарного солнца и перлами сияющей луны. Прелестен запах кустов боярышника, милы голубые колокольчики, которые прячутся в глубоких долинах,

и прекрасны туманы, которые окутывают холмы и горы. Но любовь лучше жизни. Что такое птичье сердечко в сравнении с сердцем человека.

И, расправив свои темные крылышки, он взвился в воздух.

Он тихо, как шорох, пролетел по саду и таинственной тенью прорезал лес.

Молодой студент все еще лежал на траве, где соловей его раньше оставил, и горячие слезы еще не успели высохнуть в его прекрасных глазах.

– Вы будете счастливы! – закричал ему издали соловей. – Вы будете счастливы, у вас будет красная роза. Я создам ее мелодиями своих песен при лунном сиянии и окрашу ее кровью своего собственного сердца. Но одного я прошу у вас взамен этого: вы должны любить истинно и верно, так как любовь мудрее философии, как не мудра эта последняя, и сильнее могущества, как ни сильно оно само. Её крылья – огонь, её тело – пламя, её губы сладки, как мед, и её дыхание ароматно, как ладан.

Студент приподнял вверх свои глаза и внимательно прислушался. Но он не понимал речей соловья, так как он не знал ничего, кроме того, что писали в книгах.

Но зеленый дуб все понял и сильно огорчился, так как он очень полюбил маленького соловья, который в его ветвях построил себе гнездышко.

– Спой мне свою последнюю песнь, – прошептал он. – Я погружусь в печаль, когда ты улетишь от меня.

И соловей спел дубу песнь, и его голос струился точно вода из серебряного фонтана.

Когда же он кончил свою песнь, студент поднялся с травы и вынул из кармана свою памятную книжку и карандаш.

– Соловей, – сказал он себе, гуляя по аллее, – обладает неотразимой красотой, но есть ли в нем также и чувство? Я думаю, что нет. Он как большинство артистов, обладает стилем и выдержкой, но в нем нет искренности. Он не жертвует собою для других. Он думает только о музыке, а всем известно, что искусство эгоистично. Нельзя отрицать, что его голос обладает сильными высокими

нотами. Как, однако, жалко, что во всем этом нет мысли, что все это не преследует практической цели.

И он ушел домой, лег на постель и принялся грезить о своей любви.

Через некоторое время он уснул.

И когда в небе заблестела луна, соловей уселся на розовом кусте и воткнул в свое горло иглу.

Так он пел всю ночь, и хрустальная луна остановилась в своем движении и слушала его.

И всю ночь, пока он пел, шипы все более и более пронизывали его горло, и его живая кровь мало помалу вытекала вон из его жил.

Сначала он запел о том, как зародилась в сердце юноши и девушки любовь, и в это время на одной из высших веток куста расцветала чудесная роза. Она расцветала медленно-медленно, лепесток следовал за лепестком, как песня за песней.

Сначала она казалась бледной, точно туман, что стелется над рекой, бледной точно раннее утро и серебряные крылья зари. Она казалась сначала тенью, изображением розы на серебряном зеркале или на голубом озере.

Но розовый куст приказал соловью теснее прижаться к иглам.

– Сдави меня покрепче, соловей, – произнес розовый куст, – или день наступит раньше, чем роза успеет созреть.

И соловей теснее прижался к шипам розы, и его голос полился еще звонче прежнего, ибо он пел о том, как зарождается страсть в сердце мужчины и девушки.

И слегка порозовели лепестки розы, так покрывается румянцем лицо юноши, когда он в первый раз целует губы своей возлюбленной.

Но шипы не достигли еще сердца соловья. И от этого сердце розы было тоже еще бело, так как только кровь из сердца соловья могла окрасить сердце розы. И розовый куст снова приказал соловью теснее прижаться к иглам.

– Сдави меня покрепче, соловей, – сказал он, – или день наступит раньше, чем роза успеет созреть.

И соловей теснее прижался к шипам розы, которые коснулись сердца его и причинили ему жестокую боль и страдания.

И чем ужаснее, чем невыносимее становились его страдания, тем звонче, тем раскатистее лилась его песнь, ибо он пел теперь о великой и совершенной любви, о той любви, которая не умирает уже в могиле.

И чудесная роза покрылась пурпуром, как будто она выросла в Бенгалии. Пурпурными сделались её лепестки и пурпурным, как рубин, её сердце.

Но голос соловья все ослабевал. Его крылышки начали судорожно вздрагивать и глаза затмились туманом.

Его песня все более и более ослабевала. Он чувствовал, как что-то все крепче и крепче сжимает его горло.

И вдруг его песня оборвалась последним аккордом.

Белеющая луна чутко слушала всю ночь соловья. Она даже за-была аврору и несколько запоздала на небе.

Красная роза тоже слушала его. Она дрожала и в порывистом экстазе раскрыла свои лепестки холодному утру.

Эхо уносило его песни в свою пурпуровую пещеру меж утеса-ми скал и этими звуками будило грезы уснувших стад.

И далеко в море уносила речная зыбь эти прекрасные звуки.

– Смотрите, смотрите, – заговорил розовый куст, – роза уже со-зрела!

Но соловей не отвечал, он, мертвый, неподвижно лежал на за-сохшей траве с сердцем, проколотым колючими шипами.

Около полудня юноша открыл окно и выглянул на улицу.

– Великое, неожиданное счастье! – воскликнул он. – Вот крас-ная роза! Я никогда в жизни не видел таких пышных роз. Она так прекрасна, что должна – я в этом уверен – по-латыни нести осо-бенное название.

И он нагнулся и сорвал ее. Он одел свою шляпу и бегом с ро-зою в руке отправился к профессору.

Дочь ученого сидела у порога своего дома. Она наматывала на клубок голубой шелк и у ног её лежала её маленькая собачка.

– Вы обещали со мною танцевать, – обратился он к ней, – если я вам принесу красную розу. Вот перед вами самая красная в мире роза. Вечером, когда мы будем вместе танцевать, вы приколете ее

поближе к вашему сердцу, и она расскажет вам, как сильно я вас люблю.

Но молодая девушка нахмурила брови.

– Я думаю, – ответила она, – что эта роза не подойдет к моему наряду. И, кроме того, племянник камергера прислал мне несколько брильянтов и, ни для кого не тайна, что брильянты ценятся дороже цветов.

– О! клянусь, что вы неблагодарны! – воскликнул разгневанный юноша.

И он швырнул на улицу розу, которая покатилась в руческ. А через короткое время ее раздавила тяжелая телега.

– Неблагодарная! – передразнила его девушка. – Я говорила, что вы плохо воспитаны. Да и кто вы? Вы – простой студент. Я не думаю, чтобы вы когда-нибудь носили на башмаках серебряные застёжки, какие украшают ноги племянника камергера.

И она вошла в свой дом.

– Какой вздор и какое ничтожество – любовь! – воскликнул студент, возвращаясь обратно. – Она и в половину не так полезна, как логика. Любовь ничего не способна доказать, она всегда говорит только о вещах, которых вовсе не существует, она заставляет нас верить в ложь. Она не представляет собою ничего реального, а так как в наш век все реально, то мне придется возвратиться к своей философии и метафизике.

И студент вошел в свою комнату, открыл огромный запыленный фолиант и принялся за чтение.

П.А.

O. Wilde « The Nightingale and the Rose », 1888.

Перевод опубликован в «Сибирской жизни», 1907, № 80 (29 июля). С. 2–3.

О. Уайльд
Натурщик-миллионер

Удивительная история

Очаровательность без богатства – ничто.

Роман – привилегия богатых, и люди без занятий никогда не бывают его героями.

Лучше иметь определенный ежегодный доход, нежели быть чародеем.

Таковы великие аксиомы новейшей жизни, которых Гугэ Эрскин никогда не хотел признавать.

Бедный Гугэ!

С точки зрения интеллектуальной силы – мы должны это признать – никогда не был феноменом. Ему никогда не случалось прославиться какой-нибудь блестящей статьей или же хотя бы интересным наброском. Но это, однако, не мешало ему оставаться прекрасным человеком с красивым и правильным профилем, вьющейся шевелюрой и серыми глазами.

Его одинаково любили как женщины, так и мужчины. Он обладал всякого рода талантами и дарованиями, кроме того, которым наживают деньги.

Отец завещал ему свои рыцарские латы и «Историю балканской войны» в пятнадцати томах.

Первую часть своего наследства он привесил перед зеркалом, а вторую – бережно уложил на этажерке между «Путеводителем» Руфа и «Магазином» Болея. Жил он ежегодным доходом в двести фунтов, которые ему достались от старой тетки после её смерти.

Гугэ принимался за различные занятия.

В течение шести месяцев он посещал биржу, но что способен сделать мотылек среди быков и медведей?

После этого он сделался торговцем чая. На этом поприще он оставался довольно продолжительное время, но кончил его чуть ли не банкротством.

Затем он продавал сухой перец. Но успеха и здесь не было. Перец оказался слишком сухим.

В конце концов, он сделался... ничем. Он остался просто прекрасным человеком, ни на что не годным, с совершенным профилем лица и без всяких занятий.

И в довершение своего несчастья он влюбился.

Молодую девушку, которую он полюбил, звали Лаурой Мертон. Её отец был отставной полковник, потерявший в Индии все свое состояние.

Лаура обожала Гугэ, а этот последний целовал ремешки её ботинок. Это была самая милая парочка, какую только можно было встретить в Лондоне. Но никто из них не обладал ни одним пенни.

Полковник относился с Гугэ с большой благосклонностью, но о браке с дочерью и слушать не хотел.

– Приходите ко мне, милый мой, – говорил он ему часто, – когда у вас будет десять тысяч фунтов. Мы тогда с вами потолкуем.

В такие дни Гугэ отчаянно хандрил, и только общество Лауры утешало и успокаивало его.

Однажды утром Гугэ, отправляясь в Холланд-Парк, где проживали Мертон, задумал навестить своего старого закадычного приятеля Алана Тревор, жившего здесь же неподалеку.

Тревор был художник. В настоящее время огромная часть человечества заражена этой страстью, но Алан, помимо того, был артистом. А артисты – редкость.

С внешней стороны Алан Тревор был самой обыкновенной личностью: некрасивый, с лицом, покрытым рыжими веснушками и с рыжей же всклокоченной бородой. Но стоило ему взять в руки кисть, как он превращался во вдохновенного маэстро, картины которого высоко ценились и усердно разыскивались.

При виде Гугэ он значительно оживился, и следует признать, что причиной этого оживления послужило исключительно его прелестное лицо.

– Люди, с которыми художник должен вести знакомство, – произнес он, – должны быть особенно красивы; они должны быть способны вызвать его эстетическое наслаждение или же достав-

лять ему во время беседы с ними умственный отдых. Миром управляют мужчины-денди и женщины-кокетки; они, во всяком случае, должны были бы управлять им.

Он особенно полюбил Гугэ, когда узнал его поближе. Ему нравилось его увлекательность, его постоянная веселость и природное великодушие. И он разрешил ему приходить в свое ателье во всякое время дня.

Когда Гугэ вошел, Тревор был занят окончанием огромной картины, изображавшей нищего в естественную величину.

В углу ателье на платформе стоял позировавший ему нищий.

Это был дряхлый, сгорбленный старец, жалкое лицо которого казалось покрытым сморщенным и засохшим пергаментом.

На плечах у него висел коричневый из грубой материи плащ, имевший вид старых дырявых и заплатанных лохмотьев. Он носил такие же дырявые и починенные сапоги. В одной руке он держал огромную суковатую палку, а в другой – жалкие остатки какой-то шляпы, в которой он собирал милостыню.

– Какой роскошный у тебя натурщик! – чуть слышно произнес Гугэ, крепко пожимая руку своего друга.

– Роскошный натурщик!.. – громко вскрикнул Тревор. – Конечно роскошный!.. Такие нищие не попадаются часто!.. Редкая находка, друг мой, это – истинный Веласкес во плоти и крови!.. Какую великую картину создал бы с такою натурою Рембрандт!

– Несчастный старик!.. – произнес Гугэ. – Какой у него жалкий, изможденный вид!.. Но для вас, художников, его лицо должно соответствовать его состоянию!..

– Безусловно, должно!.. – возразил Тревор. – Ведь вы не захотели бы видеть несчастного нищего с веселою и радостною физиономиею!..

– А сколько получает натурщик за сеанс? – спросил Гугэ, усевшись комфортабельно на диван.

– Шиллинг за час.

– А вы, Алан, сколько получаете за картину?

– За эту? О, за эту мне дадут две тысячи.

– Фунтов?

– Гиней. Художники, поэты и врачи считают только гинеями.

– О, о! А мне кажется, что натурщик должен был бы получать столько же, сколько и вы, – весело вскричал Гугэ. – Ведь он работает не меньше вашего!

– Ну, глупости! Ничего не может быть легче, чем держать в руках кисть и мазать красками! Но вы, Гугэ, я уверен, говорите это только ради шуток. Впрочем, вы должны знать, что искусство поднимается иногда до уровня умственного труда. Но – довольно болтать попусту! Я теперь очень занят. Берите, Гугэ, папиросу и сидите спокойно.

Через несколько минут в ателье вошла прислуга и доложила Тревору, что его ждет для переговоров золотильщик рам.

– Не уходите, Гугэ, я сейчас вернусь! – произнес он, уходя.

Старый нищий воспользовался отсутствием художника и пришел отдохнуть на скамью, находившуюся сзади него.

– Боже! Какой он несчастный, этот старик! – произнес мысленно Гугэ.

Истощенное лицо старика и его жалкая нищенская наружность вызывали в доброй душе Гугэ чувство глубокого сострадания. Он пощупал свои карманы, чтобы определить, сколько у него денег.

Оказался один фунт и несколько медных монет.

– Бедный старик! – продолжал Гугэ свои мысли. – Он нуждается гораздо больше моего. Что же делать! Мне придется в течение пятнадцати дней отказываться от фиакра и гулять пешком!

И, пройдя в угол ателье, он сунул этот фунт в руку нищего.

Старик привскочил. Затем его лицо озарилось странной улыбкой.

– Благодарю вас, господин! – произнес он. – Благодарю вас!

Когда Тревор вошел, Гугэ поспешил с ним распрощаться, краснея при воспоминании о своем поступке.

Остаток этого дня он провел у Лауры, которая порядком побранила его за подобную расточительность. Вечером он был принужден пешком отправиться домой.

Около одиннадцати часов он вошел в клуб, где застал Тревора, который уединенно сидел в курительном зале за стаканом белого вина и сифоном сельтерской воды.

– Ну что, Алан, – вскрикнул он, закуривая папироску. – Окончили вы сегодня вашу картину? Как она вышла?

– Не только окончил, но даже вставил уже ее в раму, – произнес Тревор. – Да, кстати. Вы одержали сегодня блестящую победу: мой старый позировщик прямо восхищен вами! Я принужден был ему рассказать все, что знаю о вас: кто вы, где вы живете, чем занимаетесь, какие у вас доходы, какие у вас планы относительно будущего и т.д.

– Дорогой Алан, – вскричал Гугэ, – клянусь, что я найду сегодня этого нищего у порога своих дверей, когда возвращусь домой! Но нет, это, впрочем, шутка. Не в том дело. Бедный старикашка! Я бы с радостью хотел устроить его как-нибудь иначе. На меня ужасно повлиял его нищенский вид. Слушайте Алан, у меня даже имеются кое-какие старые вещи. Думаете ли вы, что это подойдет к нему? Я думаю, что – да! Следовало бы, мне кажется предложить их ему, а то его рубища положительно распадаются на отдельные тряпки.

– Но они зато великолепно подходят к его лицу и фигуре – возразил Тревор. – Ни за какие блага в мире я не согласился бы писать его портрет в черном нарядном сюртуке! То, что для вас жалко и безобразно, для меня – художественно красиво; то, что для вас лохмотья, имеет для меня в данном случае высокую ценность. Но я, впрочем, все-таки передам ему ваше предложение.

– О, Алан! – произнес Гугэ. – Вы, художники, почти все бессердечные люди!

– Сердце артиста находится в его голове, – возразил Тревор. – Но, помимо всего, мы должны видеть мир таким, как он есть, не переделывая его согласно нашему разуму. Но оставим об этом. Расскажите мне лучше, что нового слышно с Лаурой. Мой позировщик очень заинтересован ею.

– Не хотите ли вы сказать, что Вы ему рассказывали о ней?..

– Да, именно. Он знает обо всем: о неумолимом полковнике, о прекрасной Лауре и о десяти тысячах фунтов.

– То есть как! – вскричал вне себя расвирепевший Гугэ. – Вы рассказывали этому нищему старику о моих личных делах?!

Он покраснел и трясся, как в лихорадке, от негодования.

– Милый Гугэ! – возразил, усмехаясь Тревор. – Этот, как вы его называете, нищий старик – один из богатейших людей в Европе. Он мог бы завтра же откупить весь Лондон, не истощив своего состояния. У него во всех европейских столицах собственные отели и дворцы. Он ест из золотых блюд, и мог бы, по желанию, завтра же прекратить или начать с Россией войну.

– О чем это вы мне рассказываете?

– Слушайте внимательно, – возразил Тревор. – Старик, которого вы сегодня видели в моем ателье, – барон де-Гаусберг. Он купает все мои картины, не говоря уже о других. Месяц тому назад он предложил мне написать его портрет в костюме нищего. Что же вам еще? Это – фантазия миллионера, и я должен признать, что он в своих лохмотьях – прекраснейшая модель нищего. То есть, я должен был бы сказать: он в моих лохмотьях. Я получил этот старый костюм из Испании.

– Боже мой! Боже. Это барон Гаусберг! И это ему я отдал сегодня фунт?

И, пораженный и разочарованный, он упал в кресло.

– Вы дали ему фунт?! – вскричал, разразившись громким хохотом, Тревор. – Милый друг, вы его уже не увидите больше! Его дело – деньги чужих.

– Черт знает, что такое! Но мне кажется, Алан, что вы могли бы предупредить меня, – произнес он смущенно, – вместо того, чтобы допустить с моей стороны такой глупый поступок и при том столь смешной!

– Позвольте, Гугэ, – произнес Тревор. – Раньше всего, я никогда не предполагал, что вы способны так необдуманно и щедро расточать милостыни. Я понимаю, если бы вы обняли и поцеловали красивую натурщицу, но отдать уроду-натурщику фунт? Клянусь Юпитером, что я не ожидал этого! Затем, с другой стороны, дверь моего ателье была сегодня заперта решительно для всех. Я думаю, кроме того, что Гаусберг не был бы особенно доволен, если бы услышал при вас свою фамилию. Вы сами видели: он был одет не в бальном наряде!

– Я уверен, – произнес огорченный Гугэ, – что он меня принял за жулика.

– Ничего подобного! Вы положительно очаровали его! Он не переставал говорить о вас и все время потирал свои морщинистые руки. Я спрашивал себя несколько раз: почему это он так сильно интересуется всем, что касается вас? И я никак не мог понять этого. Но теперь все совершенно ясно! Он, наверное, поместит этот фунт на ваше имя и каждые шесть месяцев будет присылать вам причитающиеся проценты. А, кроме того, у него теперь есть отличная история для рассказа за десертом.

– Черт возьми! – гремел Гугэ, – я поступил дьявольски глупо и самое лучшее для меня – это теперь пойти спать. Что же касается до вас, Алан, то, ради Бога! – не говорите об этом ни слова! Я никому не сумею показывать своих глаз.

– Ерунда! – весело произнес Тревор. – Это, напротив, делает высшую честь вашему филантропическому чувству. Слушайте, Гугэ, да куда же вы? Не уходите! Рассказывайте мне лучше о Лауре.

Но Гугэ вышел.

Он чувствовал себя самым несчастным в мире человеком. Домой он доплелся пешком. И его горю не было пределов при воспоминании о том, что он оставил Алана в клубе в припадке безумного смеха. Он чувствовал себя как бы оскорбленным.

На следующее утро слуга подал ему во время завтрака визитную карточку со следующей надписью: «Густав Ноден, представитель барона де-Гаусберг».

– Я убежден, – подумал Гугэ, – что он явился за удовлетворением! Он без сомнения потребует от меня извинения.

Он приказал слуге впустить господина.

В комнату вошел старый джентльмен в золотых очках и серой шевелюрой.

– Я имею честь говорить с господином Гугэ Эрскин?

Гугэ поклонился.

– Я явился к вам от имени барона де-Гаусберг! – произнес он.

– Барон де-Гаус...

По спине Гугэ пробежал мороз.

– Я прошу вас, сударь, – пробормотал он, перебивая Нодена, – передайте барону, что я искренно извиняюсь пред ним... что я...

– Барон де-Гаусберг, – продолжал старый джентльмен, – поручил мне передать вам вот это письмо.

И он протянул ему запечатанный конверт.

На конверте были четким почерком написаны следующие слова: «Свадебный подарок, предложенный Гугэ Эрскин и Лауре Мертон старым нищим». А в конверте оказался чек на десять тысяч фунтов.

Вскоре после этого состоялось венчание Гугэ и Лауры. Алан был шафером, а барон де-Гаусберг произнес за свадебным ужином речь.

– Натурщики в роли миллионеров, – заметил Гугэ Алан, – встречаются довольно редко, но миллионеры в роли натурщиков – о! это еще большая редкость!

Е.Г.

O. Wilde «The Model Millionaire», 1891.

Перевод опубликован в «Сибирской жизни». 1906. № 145 (9 июля). С. 2.

О. Уайльд
Сфинкс без тайн и загадок

Медленно попивая из своего стакана холодный гренадин, я с любопытством рассматривал развернутую предо мною пеструю панораму парижской жизни, в которой так странно и тесно переплетались и смешивались великолепие с убожеством, гордость с нищетою, излишество с рубищами и красота с уродством... Но мои наблюдения были внезапно прерваны раздавшимся сзади меня моим именем.

Я оглянулся и увидел перед собою лорда Мюрчизона, с которым я не встречался уже добрых десять лет со времени нашего окончания колледжа. Понятно, что эта встреча нас чрезвычайно обрадовала, и мы обменялись друг с другом горячим рукопожатием.

В Оксфорде мы были когда-то большими приятелями и любили друг друга. Он был необыкновенно добр, привлекателен и благороден. Мы часто говорили, что если бы не излишнее, можно сказать, болезненное пристрастие лорда к правдивости, он мог бы считаться самым лучшим человеком в мире, хотя в действительности я думаю, что Мюрчизон пользовался всеобщими симпатиями главным образом за его любовь к правде и свободе.

Теперь я нашел его несколько изменившимся. Он был рассеян и имел вид человека, чем-то очень взволнованного и расстроенного. Печать сомнения и неопределенности лежала на его лице. Что могло так взволновать лорда? Во всяком случае – не новейшие теории скептицизма, которые были для него совершенно неприемлемы. Я пришел к заключению, что только женщина могла его до такой степени взбудоражить. Я спросил его, не женат ли он.

– Я еще не достаточно понимаю женщин, – ответил он.

– Дорогой Джерольд, – поспешил я его успокоить, – женщины созданы для того, чтобы их любить, а не для того, чтобы их понимать.

– Но я никогда не мог бы любить, если бы раньше не поверил ей, – возразил он.

– Мне кажется, что жизнь поднесла вам какой-то сюрприз в этом отношении.

– Да, – перебил он меня. – Я хочу рассказать вам эту историю. Возьмите карету и поедем прокатиться: здесь слишком много народу. Нет, нет, только не эту желтую карету – какого угодно цвета, только не желтую! Вот эту темно-зеленую, здесь будет лучше!

Через несколько минут мы очутились на площади около храма св. Магдалины.

– Куда же мы пойдем? – спросил я.

– Куда хотите. Пойдемте в ресторан пообедать, а тем временем вы расскажете мне все, что с вами произошло.

– Но я хотел бы раньше выслушать вас! – ответил я. – Расскажите мне вашу таинственную историю.

Он вынул из кармана маленький кожаный портфельчик с серебряным затвором и подал его мне. Я открыл его и увидел фотографию женщины. Она была крупного роста, хорошо сложена и необыкновенно красива. Её лучезарные глаза и длинные волнистые волосы придавали её лицу вид пророка или святого. Она была одета в драгоценные меха.

– Как вам нравится это лицо? – обратился ко мне лорд. – Внушает ли оно вам доверие?

Я внимательно всмотрелся в фотографии. Мне показалось, что эта женщина скрывала за собою что-то, что она хранила в душе что-то таинственное, необыкновенное. Но что было это «таинственное», я, конечно, определить не мог. Вся её красота казалась мне созданной из множества тайн, это была скорее психологическая, чем пластическая красота, а царившая на её губах тонкая насмешливая улыбка была слишком лукава, чтобы она могла кого-нибудь очаровать.

– Ну!.. – крикнул он нетерпеливо, что же вы скажете о ней?!

– Это – Джоконда в черном, – ответил я. Расскажите мне все, что вы о ней знаете.

– Не теперь. Лучше после обеда.

И мы заговорили о посторонних вещах.

Когда лакей подал кофе и сигары, я напомнил Джерольду об его обещании.

Он поднялся со стула и два или три раза прошелся по комнате из угла в угол. Затем он сел в глубокое кресло и рассказал мне следующую историю.

– Однажды в пятом часу вечера я гулял в Лондоне по Бонд-стрит.

Движение по этой улице в эту пору всегда бывает очень велико, но на этот раз движение было необычайное: экипажи совершенно загромождали улицу и приостановили, таким образом, курсирование пешеходов. Все остановились у края тротуара и ждали, пока откроется возможность перейти на другую сторону улицы. Я тоже остановился, и мое внимание – я сам не знаю почему – остановилось на проезжавшем мимо меня желтом кэбе. Я случайно посмотрел в окно и увидел в нем лицо женщины, которую только что вам показал.

Она сразу меня очаровала. Всю эту ночь я не мог уснуть и не переставал думать о ней. То же самое повторилось на завтра, на третий день и т.д. Мои мысли не могли оторваться от неё ни на одну минуту. Я много раз ходил по этой проклятой Бонд-стрит в надежде встретить там желтый кэб с моей прекрасной незнакомкой, но – напрасно. Я, в конце концов, начал убеждать себя, что видел это лицо во сне, что таких лиц в действительности не существует.

Через восемь дней после этого мне случилось обедать у мадам Растайль. Обед был назначен в восемь часов вечера, но было уже 8 ½, а мы все еще сидели в гостиной.

Около девяти часов вечера слуга открыл дверь и произнес:

– Леди Ольрой!

Это была та дама, которую я искал. Я затрепетал, когда увидел ее. К моей великой радости мне предложили пригласить ее к обеду.

Когда мы уселись, я наивно обратился к ней: «Мне кажется, леди Ольрой, что я видел уже вас однажды, когда несколько дней тому назад гулял по Бонд-стрит».

Она в ответ на это побледнела и произнесла шепотом: «Я вас прошу не говорить так громко – нас могут услышать».

Я в душе проклинал себя за это неудачное начало знакомства с нею, а вслух разразился бесконечными тирадами о французском театре. Она говорила очень мало и тихо, но красивым бархатным музыкальным голосом. Можно было подумать, что она опасается, чтобы кто-нибудь не подслушал ее.

Я был страстно увлечен ею, а окружавшая ее таинственная атмосфера возбуждала мое любопытство до последней степени.

Когда она собралась уходить – это было скоро после обеда – я спросил у неё позволения навестить ее. Она с мгновение колебалась. Потом она поглядела вокруг себя, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает: «Приходите завтра, в 5 ½ вечера».

Я спрашивал потом о ней леди Растайль, но все, что она мне могла мне передать, заключалось в следующем: «Эта дама вдова! У неё роскошный дворец в Парк-Лен. Она принадлежит к высшему лондонскому обществу».

Так как какому-то ученому болтуну из гостей вздумалось по поводу разговора о леди Ольрой прочитать нам целую диссертацию о вдовах, чтобы доказать, что выживают только наиболее приспособленные к жизни особы, то я удалился домой.

На следующий день я был в назначенную минуту в Парк-Лен, но лакей мне передал, что леди Ольрой только что ушла.

Этот поступок взволновал и заинтриговал меня. Я отправился в клуб и после долгих размышлений решил написать ей письмо с просьбой разрешить мне встретиться с нею в следующий раз.

Ответ пришел через несколько дней. Я получил от нее маленькую записку с извещением, что она будет свободна в воскресенье в четыре часа дня. Записка эта кончилась следующим *post-scriptum*'ом: «Прошу вас не писать мне больше сюда; я объясню вам это при личной встрече».

Она была со мною на этот раз очень любезна и внимательна. Перед моим уходом она обратилась ко мне с просьбой писать ей в случае надобности записки по адресу: Мистрис Нокс, книжный магазин Уиттэкера, Грин-Стрит.

«Некоторые соображения, – добавила она, – мешают мне получать письма в своем собственном доме».

В течение этого лета я очень часто встречался с нею, но таинственная атмосфера никогда не покидала ее. Иногда мне казалось, что она находится во власти какого то человека, но я скоро убедился в ошибочности этих предположений – она была для этого слишком горда и своенравна.

Все мои усилия разгадать её тайну или же придти хотя бы к какому-нибудь решительному заключению разбивались в мелкие дребезги при малейшей попытке. Она была подобна тем удивительным кристаллам в музеях, которые как бы по желанию то кажутся совершенно прозрачными, то – совершенно непроницаемыми.

Я, в конце концов, решил жениться на ней. Меня утомили те бесконечные предосторожности, которыми она окружала мои посещения или получения моих редких писем. Я написал ей по адресу книжного магазина и спросил, не может ли она принять меня в понедельник в шесть часов.

Она ответила мне «да», и я от радости считал себя на седьмом небе.

Я безумно влюбился в нее. Я любил ее назло, как мне тогда казалось, окружавшей ее таинственности, но, как оказывается теперь, именно благодаря ей.

Нет, я положительно утверждаю, что я не женщину любил в ней.

Эта тайна мучила меня, она терзала меня, она сводила меня с ума и кружила мою голову. И я напрягал все свои усилия, чтобы разгадать ее.

– И вы нашли ее? – вскричал я.

– Не знаю, – ответил он. – Судите сами.

В этот понедельник в четыре часа дня я обедал у своего дяди. Вы знаете, что мой дядя живет в Риджент-парке, недалеко от Парк-Лейн. И вот, около пяти часов я вышел из дому, чтобы сначала немного погулять, а затем быть в назначенное время у леди Ольрой.

Мне нужно было пройти целую вереницу маленьких улочек и проулков самого подозрительного вида. Я не успел еще сделать по

одному из них и ста шагов, как предо мною очутилась леди Ольрой. Её лицо было закрыто густой вуалью. Она очень спешила.

Пройдя до последнего дома, она взобралась на ведущую к нему лестничку, вынула из кармана ключ и вошла.

– Вот где разгадка тайны! – подумал я, быстро подходя к дому, чтобы исследовать его.

На пороге лежал её носовой платок, который она случайно уронила. Я поднял его и сунул в карман. Я начал тогда обдумывать, что мне делать, и скоро пришел к заключению, что не имею права следить за нею.

Я отправился в клуб, а в шесть часов был у неё. Она была одета в серебристого цвета платье, украшенное драгоценными камнями, отливавшими светом луны, и полулежала на софе. Она была со мною очень любезна.

– Мне очень приятно, – сказала она, – что вы пришли. Я весь день сегодня не выходила из дому.

Это заявление изумило меня. Я вынул в ответ на это из кармана носовой платок и подал его ей.

– Вы уронили его сегодня в Коммор-стрит, – проговорил я совершенно спокойно.

Леди Ольрой вздрогнула. Её глаза сверкнули, но она не сделала ни малейшего движения, чтобы принять платок.

– Что вы там делали? – спросил я.

Она возмущилась: «Какое вы имеете право задавать мне такие вопросы?»

– Право человека, который вас любит. Я пришел теперь просить вас сделаться моей женой.

Она закрыла лицо руками и разразилась потоками слез.

– Я бы хотел, чтобы вы мне ответили! – произнес я.

Она поднялась с софы и, смотря мне прямо в лицо, проговорила: «Лорд Мюрчинзон, мне нечего вам отвечать». «Вы имели там свидание! – вскрикнул я. – В нем именно скрывается ваша тайна!»

Она страшно побледнела: «Я никому не назначала там свиданий».

– Скажите правду! – не выдержал я.

– Я сказала уже ее.

Я был взволнован. Я не помню, что именно я сказал ей, но я знаю, что наговорил ей тогда много ужасных вещей.

В конце концов я выбежал из её дома.

На следующий день я получил её письмо, но я отослал ей его обратно нераспечатанным.

Мне необходимо было развлечься, и я отправился путешествовать в Норвегию. Через месяц я вернулся в Лондон, и первое известие, которое я прочел в «Morning Post», было известие о смерти леди Ольрой. Она простудилась в опере и через пять дней умерла от воспаления легких.

Эта смерть произвела на меня сильное впечатление. Я заперся и долгое время не хотел никого ни принимать, ни видеть. Я ее так любил, так безумно любил! Боже, как сильно любил я эту женщину!

– Но, вероятно, были в этой улице, в этом доме? – спросил я.

– Да, – ответил он. – Я отправился однажды в Коммор-стрит. Я не мог удержаться, сомнения мучили меня, терзали меня.

Я постучал в дверь, и приличная на вид женщина открыла мне ее.

Я спросил ее, не может ли она сдать мне квартиру.

– Ах! Сударь, – ответила она, – я думала, что эту квартиру уже можно сдать, так как квартирантка её уже свыше трех месяцев не являлась сюда. Но срок найма, оказывается, еще не истек, и я, поэтому, не могу вам ее сдать.

– Не об этой ли даме вы говорите? – спросил я ее, показывая ей фотографию леди Ольрой.

– Да, да! Это именно она! – вскрикнула женщина. – Но когда же она, наконец, вернется?

– Она уже умерла, – произнес я.

– Нет!.. Не может быть! Это была моя лучшая хозяйка! Она платила по три гинеи только за то, что время от времени посещала квартиру.

– Она принимала здесь кого-нибудь? – спросил я.

Женщина клялась, что нет, что она постоянно приходила одна, что она никогда никого не встречала с нею.

– Что же она здесь делала? – вскрикнул я.

– Она изредка по желанию приходила сюда. Она читала здесь книги и иногда пила чай.

Я не знал, что ей на это возразить. Я дал ей фунт и вышел. Теперь, скажите мне, что все это означает по-вашему? Думаете ли вы, что женщина сказала мне правду?

– Думаю, что – да.

– Зачем же тогда леди Ольрой приходила в этот дом?

– Дорогой Джерольд, – обратился я к нему, – по моему мнению, леди Ольрой принадлежала к числу женщин, одержимых магией таинственности. Она нанимала эту квартиру просто для своего удовольствия, чтобы таинственно под густой вуалью отправляться туда и разыгрывать роль героини. Она имела безумную страсть ко всему загадочному и конспиративному, но в действительности это был самый обыкновенный сфинкс, сфинкс без тайн и загадок.

– Вы думаете?

– Я в этом убежден.

Он вынул из кармана портфель, открыл его и стал внимательно разглядывать портфель.

– А я все еще сомневаюсь в этом, – произнес он шепотом.

Е.Г.

O. Wilde «The Sphinx without a Secret», 1891.

Перевод опубликован в «Сибирской мысли». 1907. № 65 (14 янв.). С. 2.

Литература США в томских переводах

Г.У. Лонгфелло

Excelsior!

(Выше!)

По скалам и кручам
В порыве могучем
Бестрепетно юноша шел.
И бросил он вызов клубящимся тучам,
Смел, как орел:
«Выше!»
Усталый от муки,
В упрямые руки
Ревниво он знамя зажал,
И голос его, точно трубные звуки
Вдаль уплывал:
«Выше!»
Отрадно мерцали,
Манили и звали
В окрестных селеньях огни,
А здесь ледники, словно тени, вставали.
Давили они...
«Выше!»
О, юноша странный
Храни свои раны,
Назад возвращайся от бед –
Сказал ему старец, – теперь уж не рано...
И что же в ответ?
«Выше!»
О, юноша милый
Храни свои силы,
Я дам тебе ласку и свет, –
Сказала красавица, – там ведь могила...

И что же в ответ?
«Выше!»
Когда в умиленьи
Творил песнопенья
Отшельник святой на заре,
Услышал он голос, как гром в отдаленьи
На дальней горе:
«Выше!»
И только весною
Безумца-героя
Замерзшим в сугробах нашли.
Застыло в руке его знамя святое,
На нем же прочли:
«Выше!»
И были бесстрастны,
И были прекрасны
Черты молодого лица.
И солнце ласкало на знамени ясном
Завет мертвеца:
«Выше!»

Пер. Г. Вяткин

H. W. Longfellow «Excelsior!», 1841.

Перевод опубликован в «Сибирской мысли». 1907. № 65 (14 янв.).

С. 2.

Э. По
Черная кошка

Я совсем не жду и не требую, чтобы вы верили этой очень странной и вместе с тем очень обыкновенной истории, о которой я рассказываю. И в самом деле, было бы безумием с моей стороны ожидать этого, когда мои собственные чувства сомневаются в том, что я испытал.

И не смотря на то, я не сумасшедший, – и, вне всякого сомнения, мне это не снилось. Но завтра – я умру, а сегодня мне хотелось бы облегчить свою душу. Мне настоящее намерение представить свету коротко, ясно и без комментариев ряд простых обыкновенных событий. Но, следуя одно за другим, эти события меня напугали, – меня замучили, – меня уничтожили.

Несмотря на то, я не буду стараться их разъяснять. Меня лично они приспосobili одним только ужасом; многим другим они покажутся скорее странными, чем ужасными.

Впоследствии может быть найдется такой ум, который причислит мой фантом к обыкновенным происшествиям, ум более спокойный, более логичный и гораздо менее возбужденный, чем мой, который в тех обстоятельствах, которые я рассказываю с ужасом, найдет только обыкновенное следствие обыкновенных причин и фактов.

С детства я отличался послушностью и добротой своего характера. Я был настолько нежен сердцем, что благодаря этому стал игрушкой для своих товарищей. В особенности я безумно любил животных, и родители позволили мне обладать целой коллекцией любимцев. Я проводил с ними почти все свое время и никогда не был так счастлив, как когда их кормил и ласкал.

Эта особенность моего характера увеличивалась по мере того, как я рос, и, когда я стал мужчиной, я сделал ее главным источником своих удовольствий. Тем, которые ощущали любовь к верной и умной собаке, мне нет надобности объяснять силу или род удовольствий, которые при этом можно получить. В бескорыстной любви животного, в этой жертве своим существом есть нечто, что

схватывает прямо за сердце того, который часто имел случай убеждаться в фальшивой дружбе и эфемерной верности *нормального человека*.

Я рано женился и был счастлив, найдя в моей жене склонность, соответствующую моей. Заметив мое расположение к домашним любимцам, она не пропускала случая доставить мне такого рода удовольствия. У нас были птицы, золотые рыбки, красивая собака, кролики, маленькая обезьяна и – *кошка*.

Кошка эта была замечательно красиво и сильное животное, совершенно черная, и невероятно умная. Говоря об её уме, жена моя, которая, в сущности говоря, была довольно суеверна, часто ссылалась на старое распространенное поверие, по которому все черные кошки представляют из себя замаскированных колдуний. Конечно, она говорила не совсем серьезно, – и, если я упоминаю об этом, то только потому, что это пришло мне как раз в голову.

Плутон – так звали кошку – был мой любимец, мой друг. Я сам его кормил, и он следовал за мной дома повсюду, куда я ходил. Было даже трудно удерживать его следовать за мной, когда я выходил на улицу.

Наша дружба продолжалась таким образом несколько лет, во время которых мой характер и мой темперамент, благодаря демону излишества – стыжусь в этом сознаться – потерпели некоторые радикальные и скверные изменения.

Я становился со дня на день все более угрюмым, вспыльчивым и совершенно не заботился о чувствах других. Я позволял себе быть очень грубым по отношению к жене. Наконец, я даже стал се поколачивать.

Мои бедные любимцы должны были, конечно, тоже почувствовать изменение в моем характере. Не только, что я о них более не заботился, я даже скверно с ними обращался. Что касается Плутона, я относился все таки к нему с некоторым почтением, которое не допускало меня обращаться с ним скверно, между тем как я совершенно не чувствовал угрызений совести, мучая кроликов, обезьяну и даже собаку, когда случайно или влекомые дружбой, они попадались мне на дороге.

Но болезнь моя все более и более охватывала меня – ибо какое зло может сравниться с алкоголем! – и, наконец, даже сам Плутон, который теперь становился стар, и потому был иногда неприятен, – даже сам Плутон начал ощущать следствия моего злого характера.

Однажды ночью, когда я возвратился домой совершенно пьяным по выходе из одного кабака в предместье города, который я часто посещал, я вообразил себе, что кошка избегает моего присутствия. Я схватил ее, но она, испуганная моим гневом, укусила меня зубами слегка за руку. Я не узнавал себя более. Моя собственная душа, казалось, улетела из моего тела и невероятная дьявольская злость, насыщенная водкой, проникла во все фибры моего существа. Я вытащил из своего жилетного кармана перочинный ножик, открыл его, схватил бедное животное за горло и в мгновение ока выпустил ему глаз из орбиты! Я краснею, я горю от стыда, я дрожу при мысли об этой проклятой жестокости.

Утром, когда сознание возвратилось ко мне, когда исчезли пары вина, задурманивавшие мою голову после ночной попойки, я почувствовал в себе наполовину ужас, наполовину укоры совести по поводу преступления, которое я совершил; но это было в высшей степени слабое и нетвердое чувство и на душу мою оно не произвело никакого впечатления. Я опять окунулся в излишества и скоро утопил в вине всякое воспоминание о моем поступке.

А между тем выздоровление кошки шло очень медленно. Орбита потерянного глаза представляла, правда, ужасный вид, но кошка, по-видимому, уже не чувствовала боли. Она расхаживала по обыкновению по дому взад и вперед, но, как и следовало ожидать, мое приближение приводило ее в сильнейший ужас. Во мне осталось все-таки немного моих прежних чувств, чтобы быть, прежде всего, огорченным этой очевидной антипатией со стороны создания, которое когда-то меня так любило.

В ночь после дня, когда мной совершен был этот жестокий поступок, я был разбужен от сна криком: пожар! Занавеси у моей постели были в пламени. Весь дом пылал. Только с большим трудом нам удалось избежать гибели – моей жене, прислуге и мне.

Разрушение было полное. Все мое последнее погибло, и я предался с тех пор отчаянию.

Я не пытаюсь установить связь между фактом и причиной, между фактом и причиной, между жестокостью и разрушением, я стою поверх этой слабости. Но я передаю ряд фактов, и я не хочу пропустить ни одного события. На следующий день после пожара я посетил развалины. Стены были разрушены за исключением одной, и это единственное исключение была внутренняя стена, не толстая, расположенная почти посреди дома и к которой прислонялось изголовье моей кровати. Камень на этом месте почти повсюду воспротивился действию огня – факт, который я объясняю тем, что она была недавно только отремонтирована.

Вокруг этой стены собралась густая толпа народу и несколько человек рассматривали, по-видимому, часть стены с тщательным и живым интересом. Слова «странно», «замечательно» и тому подобные выражения возбудили мое любопытство.

Я приблизился и увидел на белой поверхности стены изображение громадной *кошки*, положенное подобно барельефу. Изображение было передано с замечательнейшей точностью...

Однажды ночью, когда я сидел наполовину пьяный в одном кабаке очень низкого пошиба, внимание мое вдруг привлек какой-то черный предмет, находившийся на верхушке одной из громадных бочек с водкой или с ромом, которые составляли главную меблировку комнаты. Несколько минут я пристально глядел на верхушку этой бочки, меня очень удивляло то, что я никогда до сих пор не замечал никакого предмета там наверху.

Я приблизился и дотронулся рукой до него. Это была черная кошка, по крайней мере, такая же толстая, как Плутон; она очень походила на него, за исключением одного пункта.

На всем туловище Плутона не было нигде белой шерсти. У этой же были большие, белые, но неопределенной формы пятна, которые покрывали почти всю грудь.

Только что я дотронулся до неё, как она быстро поднялась, громко замурлыкала, начала тереться об мою руку и, казалось, была в восторге от моего внимания. Это было как раз то, что я искал.

Я сейчас же предложил хозяину купить ее у него; но этот человек не требовал её от меня обратно, – он её не знал – никогда прежде не видел.

Я продолжал ее ласкать, а когда я собирался возвратиться домой, животное выказало желание следовать за мной. Я допустил это и, идя по дороге, время от времени наклонялся и гладил ее. Когда мы пришли, она почувствовала себя и у меня как дома и сейчас же стала большим другом моей жены.

Что касается меня, я почувствовал скоро в себе антипатию по отношению к ней. Это было как раз наоборот чем-то, что ожидал, но, не знаю, как и почему – ее очевидная привязанность ко мне возбуждала во мне отвращение и утомляла меня. Понемногу эти чувства отвращения и досады, все более и более увеличиваясь, достигли, наконец, того, что я стал ее ненавидеть. Я избегал эту тварь, но чувство стыда и воспоминанье о моем первом жестоком поступке не допускали меня обращаться с ней плохо.

В продолжение нескольких недель я удерживался не бить кошку и не мучить ее, но постепенно и нечувствительно я дошел до того, что смотрел на нее с несказанным ужасом и молча избегал её, как зачумленного воздуха.

Что, вне сомненья, увеличило мою ненависть к этому животному, это открытие, которое я совершил на утро после того, как привел ее домой. Она, как и Плутон, была лишена одного из своих глаз.

Однако это обстоятельство сделало ее еще более дорогой для моей жены, которая, как я уже сказал, в высшей степени обладала той нежностью чувств, которая когда-то была моей характеристической чертой и частым источником самых простых и чистых удовольствий.

Не смотря на то, любовь кошки ко мне, казалось, увеличивалась, несмотря на мое отвращение к ней. Она следовала по моим следам с таким упорством, которое невозможно объяснить читателю. Каждый раз, как только я садился, она терлась у ножек моего стула или вспрыгивала ко мне на колени, непрерывно и нежно ласкаясь ко мне. Если я вставал, чтобы пройтись по комнате, она

вертелась у меня под ногами, так что я чуть не падал, или же, уцепившись своими длинными и острыми когтями за мои брюки, старалась таким образом добраться к груди.

В эти минуты я испытывал желание убить ее, уничтожить. Мне мешало всегда в этот момент воспоминание о моем первом преступлении, но главным, в чем я должен сейчас сознаться – какой-то ужас, который я испытывал перед этим животным.

Мое постоянно плохое расположение духа дошло, наконец, до того, что я стал чувствовать ненависть ко всему на свете вообще и ко всякому проявлению доброты в особенности; жена моя, которая, однако, никогда не жаловалась, была обыкновенно безответной жертвой, выносившей мои внезапные, частые и бесчисленные вспышки бешенства, которым с тех пор я слепо предавался.

Однажды она сопровождала меня за какой-то домашней надобностью в погреб того старого зданья, где нас заставила жить наша бедность. По крупным ступеням лестницы за мной последовала кошка. Вертясь под ногами, она чуть не опрокинула меня и этим довела меня до бешенства, до сумасшествия. Подняв топор и в гневе забыв тот мальчишеский страх, который до сих пор удерживал мою руку, я замахнулся на животное ударом, который был бы смертельным, если бы он был нанесен, как я этого хотел, но этот удар был задержан рукой моей жены.

Это вмешательство привело меня в более чем дьявольское бешенство; я вырвал руку из рук моей жены и всадил ей мой топор в череп. Она упала на месте, мертвая, не издав ни одного крика.

Совершив это страшное убийство, я принялся немедленно и решительно прятать труп.

При помощи инструментов я совершенно свободно вытащил часть кирпичей из стены, и, аккуратно прислонив тело к внутренней стене, я поддерживал его в этом положении до тех пор, пока не восстановил всю стену совершенно так, как она была раньше. Пользуясь цементом, песком и краской, со всевозможными предосторожностями я приготовил штукатурку, которая ничем не отличалась от старой, и тщательно покрыл ею кирпичи. Когда я кон-

чил, я увидел с удовлетворением, что все было сделано как нельзя лучше. На стене не было заметно никакого следа беспорядка. Я убрал самым тщательным образом весь мусор, очистил так сказать почву. Затем я торжествующе осмотрелся вокруг и сказал самому себе: «Здесь, по крайней мере, мой труд не пропал даром!»

Первое мое движение потом было – найти животное, которое было причиной этого великого несчастья, потому что я твердо решил все-таки убить ее. Если бы я действительно нашел её в этот момент, участь её была бы очевидна; но, по-видимому, хитрое животное испугалось моей ярости и позаботилось не попадаться мне на глаза при моем настоящем расположении духа.

Она не показывалась в продолжение всей ночи, – и таким образом это была первая хорошая ночь, – со дня её появления в доме, – которую я проспал крепко и спокойно, да, я *спал*, имея на своей душе это тяжкое преступление!

На четвертый день со дня убийства в дом явился неожиданно отряд полиции и произвел тщательный обыск. Несмотря на то, будучи уверенным, что спрятанное мною они ни за что не найдут, я не почувствовал никакого смущения. Они заставили меня сопровождать их в их поисках. Они не оставили ни одного уголка, ни одного закоулка не осмотренным. Наконец, в третий или четвертый раз они сошли в погреб. Ни одного мускула не дрогнуло в лице моем, сердце мое билось спокойно, как у человека, который спит со спокойной совестью.

Я расхаживал с одного конца погреба на другой; я скрестил руки на груди и свободно прогуливался то там, то здесь. Полиция была вполне удовлетворена и приготовилась уходить.

Клокотавшая в груди моей радость была слишком сильна, что бы я мог ее сдерживать. Я горел желанием сказать, торжествуя, по крайней мере, одно слово, только одно слово, чтобы вдвое усилить их убеждение в моей невиновности.

Господа, – сказал я наконец, когда отряд их стал опять подыматься по лестнице, – Я очень рад, что успокоил ваши подозрения относительно меня. Я желаю всем вам доброго здоровья и рекомендовал бы вам побольше вежливости. Между прочим, будь ска-

зано, господа, вот – вот дом, замечательно хорошо построенный, – возбужденный желанием сказать что-нибудь с непринужденным видом, я сам не знал, что говорил, – я могу сказать, этот дом построен восхитительно, эти стены, вы уже уходите, господа? – эти стены замечательно прочны!

И тут, безумно издеваясь, я сильно ударил палкой, которую имел в руке, как раз по тому месту стены, внутри которой находился труп моей супруги.

Ах! Да спасет меня Бог и избавит от когтей дьявола! Едва звук моего удара раздался в окружавшем нас молчании, как из могилы ответил мне голос! – жалобный, сперва сдавленный и прерывающийся, как плач ребенка, затем вскоре выросший в непрерывный крик, звонкий, душу раздирающий, ненормальный и нечеловеческий, вой, визг, наполовину ужаса, наполовину торжества, – какой может быть только в аду; ужасные звуки, исходящие одновременно из горла обреченных мучке грешников и торжествующих своим падением дьяволов!

Объяснить вам, что я думал в эту минуту было бы безумием. Я чувствовал, что падаю, и оперся на противоположную стену. В течение минуты полицейские оставались неподвижно на ступеньках лестницы, одержимые ужасом. Но затем дюжина сильных рук с яростью уперлась в стену. Она упала моментально.

Уже большей частью истлевший и покрытый запекшейся кровью труп стоял перед глазами зрителей. На голове его, широко раскрыв красный рот и сверкая своим единственным глазом, сидело это отвратительное животное, чья хитрость довела меня до убийства и чьи завывания отдали меня в руки палача. Не заметив этого, я замуровал это чудовище в могилу!

Пер. Илья Л.

Е.А. Пое «The Black Cat», 1843.

Перевод опубликован в «Сибирской жизни». 1908. № 54 (16 марта). С. 2–3.

Э. По
Сновидение

В счастливых грезах прошлых лет
Я темной ночью жил один,
Но жизни шум и утра свет
Нашли в душе печаль руин.

Но что и днем не сон для тех,
Чей взор вокруг блуждает здесь,
Чей взор одним лучом из всех,
Но погружен в прошедшем весь?

Священный сон, священный сон,-
Когда весь мир ко мне был глух,
Огнем манящим светел он
И вел мой одинокий дух!

Пусть этот луч – свет бурь и туч,
Он блещет там везде,
В Познаныи есть ли ярче луч –
В его дневной звезде?

Иосиф Иванов

Е.А. Поэ «Dream», 1827.

*Перевод опубликован в «Сибирской жизни». 1911. № 281
(21 дек.). С. 3.*

М. Твсн
Дуэль Гамбетты

К французской дуэли относятся обыкновенно с какой-то насмешкой, а между тем, могу вас уверить, это самый опасный обычай нашего века! Ведь, надо принять во внимание, что дуэль обыкновенно происходит под открытым небом, не взирая на погоду и что при таких условиях можно весьма легко схватить простуду. Самый известный дуэлист нашего времени, Поль де Касаньяк, так часто бывает жертвой последствий дуэли, что совсем уже расстроил свое здоровье, врачи грозят ему, что если он будет таким рьяным брестером, то в каких-нибудь пятнадцать, двадцать лет эти хронические простуды сведут его в могилу. Да, с дуэлью во Франции шутки плохи! Я расскажу об одной из них, в которой мне пришлось принять выдающееся участие.

Получив известие о том, что между Гамбеттой и Фургу произошло в кабинете министров какое-то весьма резкое столкновение, я сейчас же понял, что дуэль неизбежна. В продолжение многих лет я был дружен с Гамбеттой и хорошо знал его несдержанный, горячий нрав; знал, что в эту минуту сердце его пылает жадной мщенья; вот почему я немедленно же отправился к нему и предложил свои услуги в качестве секунданта. Я застал Гамбетту в полном французском спокойствии. (Должен объяснить, что «французское» спокойствие, это нечто совершенно отличное от того, что мы привыкли разуметь под словом *спокойствие*).

Гамбетта метался из стороны в сторону среди опрокинутых вещей, обломков мебели и статуй, которые он отбрасывал ногой; минутами он приостанавливался и рвал на себе волосы.

Увидя меня, он бросился ко мне, схватил за шею и прижал к своему животу, по причине моего маленького роста он не мог прижать меня к своему сердцу; потом, облобызав, он бросил меня в кресло. Придя в себя, я немедленно приступил к делу, по которому явился, и объявил, что согласен быть его секундантом, но только, во избежание ответственности, назовусь на это время французским именем. Этим и объясняется, почему в подробных

отчетах о дуэли знаменитого Гамбетты секундант его носит французское имя.

Затем мы стали обсуждать условия дуэли. Я уговаривал Гамбетту сделать духовное завещание, не исполнить этого было бы большой непредусмотрительностью. Он согласился и, написав завещание, занялся составлением своей последней речи. «Я умираю за мою религию, умираю за родину, за свободу слова, за прогресс и братство!» – импровизировал Гамбетта. Мне показалось, что это будет немного длинновато для предсмертной агонии; чахоточный, пожалуй, мог бы еще так говорить, но сраженный на поле чести... Гамбетта не соглашался с этим, мы долго спорили и, наконец, остановились на такой фразе: «Моя смерть для жизни Франции». Гамбетта записал ее в свою памятную книжку. Я хотел было посоветоваться с ним относительно выбора оружия, но он был так взволнован, что положительно не в состоянии был сосредоточиться на этом вопросе и предоставил все на мое личное усмотрение. Получив такие полномочия, я написал письмо секунданту г. Фурту следующего содержания:

«М.г.! М-сир Гамбетта принимает вызов м-сир Фурту. Место дуэли – Плесси, оружие – шпаги, время – рано утром, при восходе солнца.

Примите, м.г., и проч.

Марк Твен».

Через несколько минут ко мне вбегает секундант г. Фурту.

– Милостивый государь! Подозреваете ли вы, каков будет исход дуэли на предложенных вами условиях? – грозно обратился он ко мне.

– Горю нетерпением узнать.

– Кровопролитие!

– Но, г. секундант, что же иное предполагали вы пролить во время дуэли?

Этот вопрос немного смутил его и он, желая выйти с честью из своего затруднения, заявил, что он шутил и что, конечно, шпаги были бы прекрасное оружие, если бы они не были запрещены французским кодексом: необходимо выбрать что-нибудь другое.

Я перебрал в своей голове различные роды револьверов, двустольных ружей, винтовок, но ни на что не получил согласия. Я рассердился и предложил дуэль на кирпичах, расстояние три четверти мили. Каково было мое удивление, когда оказалось, что это мое последнее предложение принято секундантом и что он передаст его г. Фурту. Вскоре он возвратился с таким ответом: м-сиг Фурту рад драться кирпичами на предложенном расстоянии, но так как такой род дуэли может быть опасен для посторонних лиц, которые могут в это время проходить, то он не может, к сожалению, принять этого предложения.

– Назначайте сами, я ничего уже более не могу придумать, – сказал я.

Секундант г. Фурту просиял. Пошарив в своих карманах и бормоча «да куда же они девались?», он вытащил, наконец, из кармана жилета два крошечные и весьма изящные пистолетика с серебряной оправой; они походили скорее на брелоки, чем на смертельное орудие.

Я молча поглядел на них и затем привесил один из них к своей часовой цепочке. Г. секундант вынул вслед за этим из своего кармана два какие-то микроскопические предмета и подал один из них мне – это были заряды.

На мой вопрос, сколькими же выстрелами обменяются противники, я получил в ответ новую ссылку на французский кодекс, который не разрешает более одного выстрела.

Расстояние между противниками мой товарищ определил в 75 шагов. Ради приличия я настоял до уменьшения его хотя бы до 40 шагов. Секундант г. Фурту драматически произнес: «Я не буду виноват в этом кровопролитии, да падет оно на вашу голову!»

Определив все условия дуэли, которые мне казались унижительными, я со смущением явился к Гамбетте.

– Вижу по выражению вашего лица, что условия ужасны, – сказал он взволнованным голосом, бросаясь ко мне на встречу. – Говорите скорее, какое оружие вы выбрали?

Я показал ему брелок в виде пистолета.

Он взглянул на него и без чувств упал на пол.

Вернувшись к сознанию, он произнес: «Мои нервы слишком напряглись от тех усилий, которые я сделал над собою, чтобы с полным и невозмутимым спокойствием выслушать роковую весть. Теперь я уже вполне овладел собой, долой слабость! Я встречаю смерть, как человек, как француз!»

И он принял величественную позу и произнес голосом, преисполненным благородного достоинства: «Говорите все. Я спокоен. Каково расстояние?»

– Сорок шагов.

Гамбетта снова упал в обморок. Я не мог приподнять его массивного тела и ограничился тем, что окатил его водой.

– Сорок шагов, – шептал он побледневшими губами.

И потом, приподняв голову, он продекламировал: «Я умру, и пусть все знают, что рыцарство во Франции еще не прошло и что герои в ней еще не перевелись!»

И он погрузился в раздумье.

– Какое время назначено для рокового выстрела? – спросил он, наконец.

– Завтра, при восходе солнца.

Гамбетта взволновался.

– Но ведь в это время никого еще нет на улицах! – воскликнул он.

– Вот потому-то мы и остановились на нем.

– Оставьте шутки. Идите к m-сиг Фурту и назначьте более подходящее время для дуэли, более поздний час.

Я отправился к противнику Гамбетты, но на лестнице столкнулся с секундантом.

– M-сиг Фурту не согласен на такой ранний час, – говорил он, запыхавшись. – Он требует непременно изменения времени.

Я поспешил согласиться. Он поблагодарил меня за такую любезность и, обратившись к кому-то, сказал: «Вы слышите, m-сиг Нуар, дуэль в половине десятого, имейте это в виду».

– Благодарю за сообщение, – отвечал чей то голос.

– В виду высокого поста, который занимают противники и тех громких имен, которые они носят, я полагаю, что нельзя ограничиться, как обыкновенно принято, двумя врачами; необходимо

пригласить несколько знаменитостей из медицинского персонала Парижа. Они явятся в собственных каретах, но вот о чем нам надо позаботиться, это о катафалке. Думали вы об этом?

– Представьте себе, что нет. Я, вероятно, кажусь вам весьма нерасторопным и неловким, но, видите ли, я в первый раз участвую в такой торжественной дуэли.

Поговорив еще немного, мы распрощались.

– Дуэль назначена в половину десятого, – сказал я Гамбетте.

– Вы уж сообщили об этом в газетах?

– Послушайте, – с негодованием сказал я, – неужели вы считаете меня способным на такую низость?

– Что вы, что вы! – успокаивал меня Гамбетта. – Простите, если я обидел вас. В самом деле, я слишком злоупотребляю вашей любезной услужливостью. Я напишу об этом сам репортеру Нуару. Мы с ним в отличных отношениях.

– Нуар уже знает о дуэли. Секундант Фурту сообщил ему об этом.

– Ах, этот Фурту! Никогда он не упустит случая, чтобы не популяризировать своего имени и не выставить себя на вид, – произнес Гамбетта.

На следующий день, ровно в половине десятого, мы приближались к месту дуэли.

Процессия была грандиозная: впереди в карете ехал я с Гамбеттой, вслед за нами Фурту со своим секундантом, затем следовали в своих экипажах ораторы, врачи, журналисты, репортеры, катафалк и, наконец, целая толпа народу пешком, верхами, в экипажах.

Настоящий торжественный выезд.

Гамбетта ехал молча и только от времени до времени раскрывал свою записную книжку и твердил: «Моя смерть для жизни Франции».

Прибыв на место дуэли, мы отмерили определенное расстояние и указали места противникам.

– Я готов, – произнес Гамбетта глухим голосом, выпрямляясь при этом во весь свой рост. – Пусть заряжают оружие.

Мы зарядили хорошенькие брелоки. Затем я подошел к Гамбетте и к моей досаде увидел, что он совершенно растерялся. Я стал его ободрять:

«Право, нам бояться нечего, опасность совсем не так велика, как вы воображаете. Примите во внимание размер оружия, расстояние, отделяющее вас от противника и густой туман, от которого почти совсем темно, к этому надо еще добавить, что один из противников близорук, а другой с одним только глазом и что французский кодекс запрещает обменяться более чем одним выстрелом. Нет, смею вас уверить, исход дуэли не будет роковым. Надежда на то, что вы оба останетесь живы, очень велика и потому не падайте духом».

Слова мои, видимо, несколько успокоили неустрашимого Гамбетту. Он выпрямился и громко сказал, протягивая руку: «Давайте оружие!»

Я вложил миниатюрный пистолет в его огромную руку.

Он вздрогнул.

– Я боюсь не смерти, а уродства, – прошептал он.

Я снова стал ободрять его. Он попросил меня не покидать его в эту тяжелую минуту и стать позади него.

Я направил его руку с пистолетом в ту сторону, где, по моим соображениям (в тумане ничего нельзя было разглядеть) находится противник.

– Раз, два, три!

Раздались два щелчка, и в тот же момент на меня навалилось что-то грузное. Я не мог устоять на ногах и упал на землю.

– Моя смерть, – слышал я, несмотря на то, что был страшно ошеломлен случившимся. «Моя смерть для... для... чего, черт возьми? Да, для жизни Франции, – прочувствованным и глухим голосом произнес Гамбетта. Врачи обступили Гамбетту и подвергли его самому тщательному осмотру. К общей радости, не было найдено ни одной царапины. Тогда оба противника, рыдая, упали в объятия друг другу. Это было зрелище и умилительное, и назидательное. Мы с секундантом также обнялись.

Врачи, журналисты, ораторы, полицейские, публика – все обнимались, плакали, ликовали, все сияло радостью. И я понял

в тот момент, что быть героем французской дуэли – выше всего в мире.

Когда первые торжественные минуты прошли и волнение несколько стихло, обратили вниманиe и на меня и произвели медицинский осмотр моей особы. Повреждения оказались ужасными. Конец сломанного ребра уперся в легкое. Левая рука в двух местах была переломлена, а нос сплющился и походил на лепешку. Нельзя сказать, чтобы я выглядел красавцем. Ко мне подходили все те же журналисты, ораторы, репортеры и вся многочисленная публика и выражали мне свое беспредельное восхищение и участие, и говорили, что счастливы видеть это небывалое зрелище – человека, раненого на французской дуэли.

Я был торжественно возложен на катафалк и во главе всей пышной процессии доставлен в больницу. Вскоре я получил орден Почетного Легиона – честь, избежать которую достается очень немногим.

В заключение этой правдивой истории я скажу только одно: отныне я охотно стану сто раз против французского дуэлиста, но никогда уж более не решусь быть позади него.

К. В-ков.

M Twain «The Recent Great French Duel», 1879.

Перевод опубликован в «Сибирском вестнике». 1893. № 42 (15 февр.). С. 2–3.

М. Твен
Роман эскимосской девушки

I.

– Да! Я хочу вам рассказать, г. Твэн, кое-что из моей жизни такое, что доставит вам без сомнения настоящее удовольствие, – сказала она своим ласкающим голосом, остановив свои открытые, честные глаза на моем лице.

Говоря это, она рассеянно счищала костяным ножом китовый жир, который покрывал её щеки и лоснился на рукаве меховой одежды. В этот момент северное сияние осветило небо своими вспыхивающими лучами, заливая безграничную снежную пустыню и крутые ледяные утесы, переливавшиеся, как вершины причудливых замков, всеми роскошными цветами радуги. Вид был полон красоты и нестерпимого для глаз блеска.

Она стряхнула с себя обычную задумчивость и приготовилась рассказать мне свою скромную, маленькую историю, о которой я давно ее просил. Она постаралась поудобнее уместиться на ледяной глыбе, которая служила ей вместо софы, а я расположился слушать.

Это было чудное создание – само собой разумеется, с эскимосской точки зрения, другие же могут, пожалуй, увидеть в ней не более как обыкновенную толстенькую обезьянку. Ей было по всей вероятности лет двадцать, и в своем племени она считалась самой обворожительной девушкой. Но в эту минуту на открытом воздухе все изящество было скрыто меховыми одеждами. Я познакомился с ней в один из своих визитов в гостеприимный чум её отца и не видал ни одной девушки, которая могла бы сравняться с моей знакомкой. В ней положительно не было ничего несимпатичного. Она обладала мягким, открытым характером и если даже сознавала свою красоту, то это сознание нисколько не отражалось на её манерах.

В последнее время мы не расставались целую неделю, и я чем более узнавал ее, тем более начинал любить. Воспитана она была старательно, почти утонченно в исключительной обстановке для

полярных стран, так как отец её, человек весьма уважаемый в своем племени, по истине стоял на самой высокой ступени эскимосской культуры. Я делал с Лаской – так было её имя – длинные путешествия по снежным равнинам на санях, запряженных собаками, и сознаюсь, что никогда не встречал лучшего общества и более деликатного обращения. Мы устраивали с ней рыбные ловли в её, нельзя сказать, чтобы безопасном челноке, хотя, признаться, я с большим удовольствием бродил бы по берегу, покрытому льдом, и любовался тем, как она замечательно метко бьет добычу своим гарпуном. Много раз я оставался с ней в то время, когда она вместе с своей семьей вынимала жир из пойманных китов. Однажды даже я сопровождал ее на охоту на медведя, но я не дождался конца охоты, так как не люблю этих зверей.

Между тем она, наконец, начала свою историю и вот что мне рассказала.

– Наше племя бродило по снежным равнинам, подобно всем другим племенам. Но вот уже два года отец бросил бродячий род жизни и построил из льдин громадный дом, который пред вашими глазами. Посмотрите! Он целых семи футов в высоту и раза в три или четыре больше в длину. С тех пор мы всегда в нем живем! Отец очень доволен своим домом, и на это он имеет причины, потому что если и вы хорошенько посмотрите на него, то без сомнения убедитесь, что это самый великолепный дом во всем крас. Если вы не успели еще сделать этого, то поспешите – и вы даже снаружи найдете его роскошным помещением. Вот, например, в этом конце дома то, что вы называете гостиной, а вот высокая платформа столовой как для гостей, так и для семьи, и все это в таких размерах, каких вы еще конечно не видали. Не так ли?

– Да, ваша правда, Ласка, это громаднейший дом, какого я еще не видал. Мы не имеем ничего подобного даже в лучших домах Соединенных Штатов.

Мои слова заставили заблистать её глаза восторгом и гордостью. Я унизил себя и возвысил ее.

– Я была уверена, что наш дом вас удивит, – сказала она. – Кроме того, наш постельный прибор из шкур гораздо мягче, чем у

других. В нем есть меха разных сортов: тюленя, выдры, темно-бурой лисицы, медведя, куницы, соболя – всех их полное изобилие. Они разостланы даже по скамьям для спанья, постросенным из сплошных ледяных глыб и расположенным вдоль стен – вы их называете постелями. А содержатся ли в таком же порядке ваши столовые и постели?

– Нет, Ласка, они очень далеки от этого!

Мой ответ снова доставил ей удовольствие. Число шкур, которые её эстетик-отец хранил не ради их цены, а ради самого процесса хранения – вот все, что могла вмещать её головка. Я мог бы разъяснить ей, что эта масса драгоценных мехов действительно составляет, или, лучше сказать, составила бы в наших странах, огромное богатство, но она не поняла бы, конечно, меня! Я мог бы сказать ей, что одежды, которые носит она, и даже будничные одежды самой скромной эскимосской девушки, стоят 1200–1500 долларов, и что я не знал ни одной женщины в своей стране, которая, отправляясь на рыбную ловлю, надевала бы на себя, туалет в 1200 долларов. Но это было бы ей непонятно еще более, поэтому я не сказал ей ничего.

Она продолжала:

– А корыта для питья? Мы имеем два в гостиной и два в остальном доме. Это у нас редкость, когда имеют два корыта в гостиной. А в ваших гостиных также по два корыта?

– Видите ли, Ласка, мне стыдно, что я унижаю свою родину, и вы не должны допускать меня до этого, потому что я слишком откровенен. Но даю честное слово, что даже первый богач Нью-Йорка не имеет двух корыт для питья в своей гостиной.

В восторге она захлопала в ладоши и вскричала:

– Нет! Вы не можете, не имеете права утверждать этого!

– Правда! Я говорю серьезно, моя милая! Так даже у Вандерблита. А Вандерблит – богатейший человек в целом свете. Пусть я умру, если он имеет два корыта в своей гостиной. Даже гораздо более! Он не имеет и одного! Не сойти мне с места, если я сказал неправду!

Её прелестные глаза расширились от удивления и она тихо, даже с некоторой долей ужаса проговорила:

– Это странно! Невероятно! И положительно нельзя понять этого! Разве он так скуп?

– Нет! Этого сказать нельзя! Не расходы озабочивают его, но, знаете ли... Это было бы с его стороны в некотором роде тщеславием. Да! Именно так! Вот истинный мотив. Он, человек совершенно простой в образе жизни и нежелающий чем-либо бросаться в глаза.

– Пусть будет так! Смирение – вещь хорошая, – сказала Ласка, – если оно не заходит слишком далеко. Но что же в таком случае представляет его дом?

– Ну, конечно, он кажется немножко пустым, не обставленным...

– А я, признаться, так и думала! Подобного же я никогда ничего не слыхала. Ну, а дом этот красив?

– Да, довольно красив! Думают даже, что он очень красив.

Девушка молчала, вся погрузившись в свои мысли и отгрызая понемногу от кончика сальной свечки. Она, видимо, старалась уяснить себе что-то.

Но вот она быстро тряхнула головой и смело заявила свое мнение.

– Хорошо, – сказала она, – но мне кажется, что в этом виде смирения есть уже частица тщеславия, если посмотреть в корень вещей. Возможно, что человек, обладая средствами настолько, чтобы иметь два корыта для питья в своем салоне, не имеет их на самом деле по своей скромности. Но сто раз чаще бывает заметно в подобных случаях желание броситься этим в глаза всем и каждому. По-моему мнению, ваш Вандерблит ни более, ни менее, как только человек, который умеет показать себя с выгодной стороны.

Я пытался смягчить этот приговор, хорошо сознавая, что случая с двойным числом корыт для питья совершенно недостаточно для произнесения заключения, хотя бы действительно все было именно так, а не иначе. Но девицу, забравшую в голову свое *idée fixe*, невозможно было убедить. Она продолжала:

– А что же богатые люди имеют у вас приличные скамьи для спанья, примерно как у нас, из красивых и широких льдин?

– Да, у них есть приличные, даже довольно приличные скамьи, но они не из льдин...

– Я желала бы знать, отчего же они не приготавливаются из ледяных глыб?

Я объяснил ей все затруднения, какие это представляет, и дороговизну льда у нас.

– Боже мой! Неужели вы покупаете лед?

– Даже очень дорого, моя милая!

Она разразилась громким неудержимым хохотом.

– Ах, я ничего никогда не слыхала более комичного, – говорила она, продолжая хохотать. – Здесь его очень много и он не стоит ничего. Посмотрите, вы можете видеть сотни тысяч льдин и можете брать их сколько угодно. А я бы даже не дала за все это обыкновенной рыбьей косточки.

– Да, потому что вы не знаете цены этому, вы и все другие обитатели этих мест. А если бы вы имели все это в Нью-Йорке в середине лета, то вы могли бы приобрести в обмен за льдинку всех китов на целом базаре.

Она сомнительно посмотрела на меня и спросила:

– Вы говорите правду?

– Совершенную, я вам клянусь!

Она сначала задумалась, но потом, прищуриив от удовольствия глазки, проговорила:

– Ах! Как я желала бы пожить там!

Я желал дать ей простой пример ценности, чтобы она могла понять, но мое намерение было безуспешно. Я сумел в ней только поселить убеждение, что в Нью-Йорке в изобилии водятся киты и очень хорошего улова. Чтобы ослабить этот неожиданный результат я сказал:

– Но если вы будете жить там, вы бы не знали что вам делать с китовым мясом! Никто его там не употребляет!

– Почему?

– Так, не обращают там на него внимания.

– Отчего же?

– Многого я не знаю! Мне кажется, что это предрассудок. Должно быть, в один прекрасный день кто-нибудь, кому нечего было делать, придумал предрассудок против китового мяса. А в таких вещах, знаете, стоит только начать, и не знаешь, до чего можно дойти.

– Это верно, совершенно верно! – ответила девушка после минутного раздумья. – Это все равно, как наше предубеждение против мыла. Вы знаете, в начале, наше племя имело предубеждение против мыла?

Я в изумлении смотрел на нее, желая узнать, серьезно ли она говорит. Но, по-видимому, не могло быть в этом никакого сомнения. Замявшись немного, я потом с осторожностью сказал ей:

– Извините, Ласка! Вы говорите, у вас был предрассудок против мыла? – Был? – прибавил я, ударяя на последнем слове.

– Да, но только в начале. Никто не желал его есть.

– Ах, да! Я понимаю! Я не мог сразу уловить вашей мысли.

Она отвечала:

– Это не был даже и предрассудок. А так, что-то... Когда в первый раз иностранцы привезли сюда мыло, никто не хотел его брать; но лишь только оно вошло в моду, все положительно влюбилось в него и теперь все, кто имеет возможность, кушают его. А любите ли вы мыло?

– Да, очень! Я умер бы, если бы его не было, особенно в здешних краях. И вы также любите его?

– Ах! Я обожаю его! А вы любите сальные свечки?

– Я смотрю на них, как на свою существенную потребность! Вы их тоже любите?

– Ах! Не говорите! Сальные свечки! Мыло!

– А рыбы кишки!

– А ворвань!

– А жир кашалота!

– А китовое сало!

– А гнилое мясо! Кислая капуста! Пчелиный воск! Смола! Скипидар! Патока!

– Нет! Ах, нет! Не говорите этого, я умираю!

– И потом, сложив все это в кадку с ворваньё, пригласить соседей...

Но такая картина пиришествия была слишком сильна для её нервов. Она лишилась чувств, бедная девочка! Я принялся крепко тереть ей виски снегом, чтобы привести ее в чувство и, мало помалу, припадок прошел. Я сумел осторожно снова перейти на её историю.

– Итак, мы начали жить в этом красивом доме, – начала она. Но я не была счастлива и вот почему: меня никто не любил, а я без любви не могла себе представить истинного счастья. Я желала быть любимой только ради меня самой. Я должна быть его кумиром точно так же, как и он был бы лучшим из моих кумиров. Только взаимная страстная любовь может удовлетворить мою горячую натуру. У меня было много вздыхателей, даже очень много! Но все они имели один непростительный недостаток, так что я всегда рано или поздно кончала с ними. Среди них не было ни одного искреннего. Каждый из них желал не меня, а моего богатства.

– Вашего богатства?

– Да! Мой отец самый богатый человек среди нашего племени и даже, пожалуй, среди всех племен страны.

Я спросил ее с изумлением, не зная, из чего могло состоять это особенное богатство её отца. Очевидно – не из дома, потому что всякий может построить себе такой же дом, а равно и не из мехов, так как они не знали им цены. Ни лодки, ни собаки, ни крючки или иголки из рыбьих костей, ни другие подобные вещи – все это также не составляло богатства. Тогда, что же это такое могло делать этого человека столь богатым и привлекать в его дом такое множество жадных претендентов? В конце концов, я решил, что самое лучшее средство разузнать все это – спросить самое ее. Так я и сделал. Девушка, казалось, была бесконечно счастлива от моего вопроса. Я видел, что она говорила лишь только для того, чтобы заставить меня спросить ее об этом. Она была так занята ответом, что я заранее предвидел его. Она села ближе ко мне и доверчиво сказала.

– А угадайте, какое у него богатство? Нет, вам не угадать!

Я сделал вид, что глубоко занят этим, между тем как она рассматривала мое старательно-напряженное лицо с радостным ви-

дом. И наконец, когда я ответил, что собаки, я умолил Ласку положить конец моим мучениям и сказать мне, в чем же заключалось богатство этого полярного Вандерблита. Она приложила свои губы к самому моему уху и прошептала:

– Двадцать крючков! Не костяных, но иностранных, настоящих стальных крючков!

Она мелодраматически откинулась назад, наблюдая, какой эффект произведет её сообщение. Я употребил все усилия, чтобы не обмануть её ожидания. Я побледнел и вздохнул:

– Справедливое небо!

– Это верно! Также верно, как вот то, что я живу, господин Твэн!

– Ласка, вы меня обманываете! Вы не можете рассказать мне это...

Она страшно была этим обеспокоена и положительно тряслась.

– Господин Твэн, – вскричала она, – все то, что я вам сказала – правда, каждое слово, каждый звук!.. Поверьте мне, прошу вас, поверьте! Ах, скажите же, что вы мне верите, скажите!

– Я... Пусть будет так! Да, я попробую вам верить. Но это так неожиданно, так поразительно! Вы не должны были делать это так скоро. Это... Ах, что же это, я себе противоречу. Если бы только я мог поверить! Нет, хорошо! Я более не хочу этого, потому что вы так молоды и неопытны, вы, конечно, не могли предвидеть всего эффекта.

– Да, господин Твэн, мой милый г-н Твэн, я, конечно, должна была знать более?! Но как?

– Вы понимаете, Ласка, если бы вы сказали сначала пять или шесть, а потом шли бы постепенно...

– Да, я понимаю! Если бы я прибавляла по одному, потом по два и так далее. Ах! Зачем не пришло это мне в голову раньше?

– Ничего, мое дитя. Все будет хорошо! Я в эту минуту чувствую себя уже лучше, а вперед этого более не повторится. Но сразу бросить в лицо человеку целых двадцать крючков, человеку, который этого не ожидал, и который уже не настолько бодр!

– Ах! Это моя вина! Но вы меня извините! Скажите, что вы меня простите, я вас прошу.

После многочисленных просьб, очаровательных ласк и убеждений, я прости ей; развеселившись, она снова вернулась к своей истории. Я понял, что в фамильной сокровищнице хранилось еще что-то и что она старалась подготовить меня к этому посредством всевозможных уловок и обходов, боясь, как бы я опять не лишился чувств. Но я хотел узнать, в чем дело, и убеждал ее посвятить меня в эту тайну. Она испугалась, я настаивал. Я сказал, что на этот раз одену грудь свою броней и удар не причинит мне никакого вреда. Она видимо не доверяла мне, но искушение похвастаться своим сокровищем и насладиться моим восторгом и удивлением было слишком велико.

Она призналась, что носит это на себе. Потом осведомилась, достаточно ли я подготовлен и т.д. Наконец, она сняла с груди и показала мне маленький четырехугольный кусочек кованого железа, все время не переставая зорко и с любопытством наблюдать за мной. Я сделал вид, что не могу усидеть на месте, и откинулся к ней на плечо. Это было разыграно так удачно, что её доброе, маленькое сердечко забилося от радости и испуга. Когда я пришел в себя и успокоился, она стала допытываться, что я думаю об этой игрушке.

– Что я думаю о ней? Я думаю, что это самая изящная вещица, какую я когда-либо видел.

– В самом деле, вы так думаете? Как это мило с вашей стороны! Не правда ли это прелесть?

– Именно прелесть, я только что хотел это сказать. Я предпочел бы эту вещицу даже экватору.

– О! Я была совершенно уверена в том, что вы удивитесь, сказала она. Такая восхитительная вещь! Ведь другой подобной вещи нет ни у кого более, по крайней мере, в наших странах. К нам приходили любоваться ею с далеких берегов Полярного моря. А вы видали раньше что-нибудь подобное?

Я постарался уверить ее, что не видал ничего такого. Солгать, хотя и было благочестиво, но далеко не так легко: я видал тысячи подобных драгоценностей, так как эта драгоценность была не что

инос, как багажная этикетка с линии нью-йоркской центральной железной дороги.

– Боже мой! И вы носите эту драгоценность с собой и даже выходите с ней, без защиты, без собаки! – сказал я, состроив удивленную физиономию.

– Тише! Не так громко! – прошептала она. – Никто не знает, что я унесла ее с собой! Они думают, что эта прелестная вещичка лежит себе спокойно в отцовской шкатулке, на своем обычном месте.

– А где же эта шкатулка?

Вопрос был довольно таки смел. Она остановилась, с минуту, посмотрела на меня с небольшой долей сомнения, но я тотчас же прибавил:

– Ах, пожалуйста, не бойтесь меня. В нашей стране – хотя мне этого и не следовало бы говорить – шестьдесят миллионов жителей и среди них не найдется ни одного, кто побоялся бы доверить мне крючки, о которых мы говорим.

Она окончательно успокоилась и открыла место, где лежат крючки в отцовском доме. А через минуту уже снова принялась хвастаться величиной прозрачных льдин в окнах отцовского дома и на сей раз даже не спросила, видал ли я что-либо подобное. Я уже сам и вполне искренно сознался, что я никогда не видал таких окон. Это привело ее в такой восторг, что она положительно лишилась способности выразить охватившие её чувства. Сознаться в незнании для меня было так легко, а для неё приятно так, что я даже рискнул сказать ей:

– Ах, Ласка, вы счастливая девушка. Великолепный дом, драгоценные вещи, богатая сокровищница, блестящие ледники, бесконечная даль, свобода, положение, глаза всех с восторгом останавливаются на вас, все готовы повергнуть к вашим ногам свое уважение и любовь. Вы молоды, богаты, красивы, любимы, пред вами преклоняются, вам завидуют, вы не знаете нужды, ни одно из ваших желаний не останется неудовлетворенным, да у вас и нет невозможных желаний. Ведь это бесконечное, безмерное счастье! Я видал тысячи молодых девушек, но не видал ни одной, кроме вас, о которой можно было, не задумываясь, сказать это! Да! И вы всего достойны, Ласка! Я чувствую это всем сердцем!

Она просияла при моих словах от восторга и радости. Бесконечное число раз она благодарила меня за мои слова, и сё голос и глаза ясно говорили, до какой степени она была взволнована. Тем не менее, она возразила:

– Да, но не всегда сияет солнышко, бывают ведь и сумерки! Богатство – тяжелое бремя! Иногда я спрашиваю себя, не лучше ли уже быть бедной, или, во всяком случае, менее богатой! Я положительно несу наказание, когда вижу своих соседей, какими глазами они провожают меня, когда я прохожу мимо, и как они завистливо перешептываются потом между собой: «Вот! Вот, дочь богача!» И тотчас же, обыкновенно, печально прибавляют: «Она утопает в крючках, а у нас нет ничего». Это меня убивает. Когда я была еще ребенком и отец мой был беден, мы спали, если это нам нравилось, при открытых дверях, а теперь нам стал необходим ночной сторож. Тогда отец мой был любезен и вежлив со всеми, а теперь он суров и надменен и не любит чьей-либо фамильярности. Когда-то семья была единственным предметом его заботы, а ныне он целый день пересчитывает только свои крючки. Даже более! Теперь все льстят ему и раболепствуют пред ним ради его богатства. Бывало, никто не слушал его острот, которые всегда тяжелы, натянуты и плоски и не имеют ровно ничего, что давало бы им даже право на звание острооты, не имеют даже простого добродушия, теперь же все заливаются – хохочут над теми же самыми жалкими потугами к острословию, потому что если отец замечает, что кто-нибудь не смеется, он сильно обижается и всегда найдет случай показать это тому человеку. Прежде, бывало, с ним никто не советовался, потому что советы его все какие-то неудачные, а теперь, хотя он ничуть не сделался умнее, все спрашивают его мнения и восхищаются его мудростью. Сам же он никогда не пропустит случая, чтобы его похвалили, потому что совершенно лишен деликатности и такта. Он понизил общий уровень всего нашего племени. Когда-то это был народ сильный и искренний, а теперь больше всего у нас мерзких подхалюз, способных только на раболепство. Ох! От всей души я иногда ненавижу богатство. Раньше мы были людьми простыми, довольствовавшимися обыкновенными крючками из рыбьих костей, которыми

пользовались и наши предки, а теперь нас засла приобретательность, и мы жертвуем своей честью и прямотушием, чтобы только владеть противными заграничными железными крючками. Однако надо стряхнуть с себя эту печаль. Как я вам уже говорила, заветной мечтой моей было – быть любимой не из-за денег. И вот, наконец, по-видимому, пришло время исполниться моей мечте. В один прекрасный день сюда пришел чужестранец, назвавший себя Калулой. Я сказала ему свое имя, а он признался, что меня любит. Сердце мое забилось сильно, сильно от радости – я полюбила его с первого взгляда. Мы объяснились. Он сжал меня в своих объятиях, уверяя, что он никогда не мог себе даже представить такого счастья, какое он испытывал. Мы далеко ушли по снежным равнинам, без конца болтая между собой и строя планы. Ах, каким прекрасным представлялось нам будущее! Когда мы почувствовали усталость, то уселись и поели – у него было с собой мыло и свечи, а у меня немного китового жира. Мы были голодны, и пища никогда нам не казалась более вкусной! Он принадлежал к племени, чумы которого были далеко от нас на севере. Я поняла, что он ничего не знает о моем отце! Я была ужасно рада этому. Хотя он и слышал рассказы о каком-то миллионере, но не знал его имени. Итак, вы, конечно, понимаете, он не знал, что я богатая наследница. Я не сказала ему также ничего. Наконец то меня полюбили не из-за денег – и это меня вполне удовлетворило. Я была так счастлива! Ах! Более счастлива, чем вы можете вообразить!

Тем временем подошел час ужина, и я проводила его домой. Увидав наш дом, он остановился, пораженный изумлением, и вскричал:

– Какое великолепие! Это дом вашего отца?

Мне было неприятно услышать эти слова и видеть тот огонек удивления, который блеснул в его глазах. Но это чувство быстро рассеялось – я так его любила. Он показался мне таким красивым и благородным. Вся моя семья, дяди, тетки, двоюродные братья – все были довольны им. Собрались некоторые из наших знакомых, плотно закупили весь дом, зажгли лампы и, когда все согрелись и развеселились, весело отпраздновали нашу помолвку.

Все шло хорошо, но к концу праздника тщеславие отца моего не выдержало. Он не мог воздержаться от покушения похвастаться своим богатством и показать Калуле, с кем он имеет дело. Я, предчувствуя, что он намеревается потешить себя удивлением бедного юноши, хотела, было, помешать отцу, но это могло бы быть небезопасно, поэтому я, не сказав ничего, печально уселась на своем месте.

Отец на глазах всех подошел к тайнику, взял из него крючки и высыпал их на мою голову. Они в беспорядке скатились на пол и даже к ногам моего жениха.

Понятно, что от такого зрелища у бедного молодого человека захватило дух. Он окаменел от удивления, перепугался и никак не мог понять того, что один человек владеет таким невероятным богатством. Наконец, он уставил глаза свои на отца и вскричал:

– А! Так это вы тот знаменитый миллионер.

Отец и все присутствующие громко расхохотались. Но когда отец принялся небрежно собирать свое богатство, словно бы это были вещи, не имеющие ценности, и положил их на место, удивлению Калулы не было, по-видимому, конца:

– Возможно ли, сказал он, собирать подобные вещи без счета?

Отец залился надменным хохотом, подобным лошадиному ржанию.

– Да, – сказал он, – никто не подумает, что вы были богачом. Такие обыкновенные вещи, как крючок или два, играют в ваших глазах такую громадную роль!

Калула, совершенно сконфуженный, покачал головой и ответил:

– Совершенно верно, господин, я никогда не обладал ни одной ценной вещью. Я не видал даже такого богатого крючками человека, который бы не находил нужным считать их. Самый богатый человек, которого я знал до сих пор, имел только три крючка!

Отец был доволен так, как никогда – он положительно рычал от удовольствия и совершенно не думал разуверять присутствующих в том, что он не имеет обычая пересчитывать и строго наблюдать за своими крючками. Вы, конечно, поняли, что это было только тщеславие. Не считает! Как бы не так! Да он пересчитывает их каждый день.

Я встретила со своим женихом на заре. Три часа спустя после того, как я привела его к нам, наступили сумерки. Дни становились короткими. Время подходило к шестимесячной зимней ночи. Торжество затянулось довольно долго. Наконец, гости наши разошлись по домам. Мы разместились вдоль стен, на скамьях для спанья, и скоро все, кроме меня, погрузилось в глубокий сон. Я была слишком счастлива, слишком возбуждена для того, чтобы спать. Много прошло времени – я оставалась неподвижной, как вдруг передо мной промелькнула какая-то тень и исчезла в другом конце дома.

Я не могла различить, мужчина это или женщина. Та же тень или другая, похожая на нее, тотчас же пробежала передо мной в противоположную сторону. Я принялась раздумывать, что бы это могло быть, но мои размышления не привели ни к чему. Размышляя, я заснула.

Не знаю, долго ли я спала, но я быстро проснулась, услышав страшный крик отца:

– Клянусь Великим Богом снегов, не хватает одного крючка! Какой-то голос подсказал, что это несет мне несчастье, и кровь застыла в моих жилах. Мое предчувствие быстро перешло в действительность. Я слышала, отец кричал:

– Вставайте все, обыщите чужестранца! тотчас же отовсюду послышался взрыв криков и сквернословия, неясные тени бродили в темноте. Я бросилась на помощь любимому человеку, но что я могла сделать более того, как стоять и ломать себе руки? Вот нас уже разделяет живая стена, ему связали руки и ноги. Мне не дают подойти к нему до тех пор, пока он не был связан окончательно. Я кинулась к моему бедному, оскорбленному и излила горе на его груди. Отец и вся наша семья издевались надо мной и осыпали его ругательствами и обидными прозвищами. Он переносил все с замечательным достоинством, так что я полюбила его еще более, чем когда-либо. Я радовалась и гордилась тем, что я страдаю с ним и из-за него. Наконец, я услышала, мой отец приказывал разыскать стариков, чтобы покончить жизнь моего бедного Калулы.

– Как? – вскричала я. – Даже не поискавши предварительно погибшего крючка?

– Искать погибший крючок? – слышался со всех сторон на-смешливый вопрос. Отец, также глумясь, прибавил:

– Держитесь все подальше и будьте серьезны. Она будет искать погибший крючок. Ах! Она найдет его без всякого сомнения!

При этих словах все еще более расхохотались. Я не смутилась. У меня не было ни боязни, ни сомнения.

– Смейтесь, смейтесь, – сказала я. – Ваш черед! Но придет и наш! Подождите и увидите!

Я взяла лампу, полагая, что сейчас же найду этот несчастный крючок и принялась за поиски с такой уверенностью, что все вдруг стали серьезны, у всех вдруг зародилась мысль, что, может быть, они, действительно, слишком поторопились. Но, увы! Только одно горькое сознание было результатом моих поисков!

Сначала повсюду царствовало глубокое молчание. Но я чувствовала, что мое сердце слабест. Насмешки скоро возобновились, с каждой минутой все более и более возрастая, и когда я возвратилась, они перешли в ругательства и злые издевательства.

Никто никогда не будет знать, сколько я выстрадала в эту минуту. Одна любовь была мне опорой и крепостью. Я воротилась на свое старое место рядом с Калулой, обвила руками его шею и прошептала ему на ухо:

– Ты невиновен, мой милый, я знаю! Но скажи ты мне это сам, чтобы уверить меня и я тогда могу перенести все бедствия, которые нам угрожают!

– Да, верно, – ответил он мне, – я не виновен. Я говорю это на краю моей могилы. Успокойся бедное, разбитое сердце! Успокойся, дыхание ноздрей моих, жизнь моей жизни!

– Тогда, пусть же идут старики! Сказать что-либо, – провозгласил председатель суда. – Если есть, то пусть он скажет теперь же, чтобы потом не нарушать тишины.

Отец поднялся.

– В эту ночь, – сказал он, – тень проскользнула на моих глазах к тайнику и возвратилась назад. Я уверен теперь, что это был чужестранец.

Я думала, что упаду в обморок. Мне казалось, что эта тайна принадлежит только мне, а из моего сердца ее не вырвала бы даже рука великого Бога льдов. Председатель суда строго обратился к моему бедному Калуле:

– Говорите!

Сначала Калула замялся, а потом спокойно ответил:

– Да это был я! Воспоминание об этих чудных крючках мешало мне спать. Я подошел к ним, поцеловал, погладил их, чтобы успокоить свою душу и насладиться этим безобидным удовольствием. Потом я снова положил их на место. Возможно, что один крючок я уронил, но воровать? Калула никогда не воровал!

Ах! Подобное признание в этот момент было роковым! Поднялся ужасный крик. Я поняла, что он сам добивался осуждения, чтобы скорей кончить все это. На лице стариков можно было прочесть следующие слова:

– Это исповедь, но исповедь только на половину, лживая и изворотливая.

И когда я говорила это, за чумом послышался хруст снега, и в дверь проскользнуло несколько согнутых фигур – это были старики.

Отец формально обвинил связанного и подробно рассказал происшествие этой ночи. Он говорил, что на дворе всю ночь ходил сторож, а в доме никого не было кроме семьи и этого чужестранца.

– Зачем семье воровать то, что составляет её собственность? – и он остановился. Старики молчали несколько томительно долгих минут. Наконец, каждый из них по очереди сказал другому:

– Это дело чужестранца! Печальны были для меня эти слова! Отец успокоился. О, я несчастная! Несчастливая! В этот момент я еще могла доказать невинность моего милого, но я не знала чем!

Вот председатель судей спросил: – Нет ли кого здесь желающего защитить обвиняемого?

Я поднялась и сказала:

– Зачем ему было красть один или несколько крючков, когда он сегодня или завтра наследовал бы все?

Я осталась стоя ожидать. Долго царило глубокое молчание. В воздухе стоял туман от дыхания. Наконец все старики один за другим неоднократно покачали головой и проговорили:

– В словах девочки есть известная доля правды. Ах, какое утешение мне принесли эти слова. Правда, утешение было очень непрочное, но за то так отраднее! Я села.

– Нет ли еще кого-либо желающего?

Я села, вздыхая, ждать. Наконец, я услышала торжественные слова, которые, я была уверена ранее, должны были сегодня прозвучать. Но, однако, каждое из них, как кинжал, терзали мое сердце.

По приговору суда он будет подвергнут казни водой.

О! Да падут все проклятия на голову того, кто занес к нам эту казнь водой! Обычай этот не наш – он заимствован у какого-то таинственного народа, живущего неизвестно где. Прежде, наши предки в подобных случаях пользовались советами авгуров и другими, неизвестными теперь способами, и, несомненно, не раз жизнь многих осужденных была этим сохранена. Казнь же водой не принадлежит к числу этих простых способов суда. Она приобретение людей более умных, чем мы бедные, невежественные дикари. В этой казни водой нет ни сомнений, ни вопросов – она прямо показывает невинных – невинными, потому что они тонут на воде. Виновные оказываются с полным вероятием виновными, так как они не тонут на воде. Сердце мое сильно билось в груди – я говорила себе:

– Он не виновен, он исчезнет под волнами и я никогда не увижу его.

После приговора я его уже не оставляла ни на минуту. Все это дорогое время я проплакала на его груди, и он ласкал меня со страстной любовью. Ах! Как я была несчастна и счастлива в одно и то же время! Наконец, меня оторвали от его груди. Рыдая, я шла со всеми и видела, как его бросили в море. Я закрыла лицо руками. Страдание! О! Как мне хорошо известен с тех пор весь глубокий смысл этого слова!

Минуту спустя в толпе раздался взрыв злобной радости. Я открыла лицо и посмотрела. О! Ужас! Он плавает! Сердце мое сразу превратилось в камень, оледенело.

Я сказала себе:

– Он был виновен, он мне лгал. Я с презрением отвернулась и ушла домой.

Его тотчас же отвезли далеко в море и оставили на льдине, которая плыла к югу в открытый океан. После чего все наши домашние воротились, и отец сказал мне:

– Твой вор пред смертью просил тебе передать свое приветствие. «Скажите, – говорит, – ей, что я невинен, и каждый час, каждый день, каждую минуту – пока я буду умирать голодной смертью, сердце мое будет жить любовью к ней, я буду думать о ней, благословлять тот день, когда впервые судьба свела нас!» Не правда ли нежен? Даже немножко поэт!

– Это подлос существо, – отвечала я. – Пусть никто более не напоминает мне о нем!

И что если вдруг он был все-таки невинен! Прошло девять месяцев, девять печальных и безотрадных месяцев северной зимней ночи! Наконец, наступил день ежегодного жертвоприношения, когда все наши молодые моют себе лицо и чешут волосы. При первом прикосновении гребнем к моей голове роковой крючок выпал из своего необычного тайника, в котором он оставался так долго. Я упала без чувств на руки отца, которого также мучило раскаяние. Отец мне сказал с глубоким вздохом:

– Мы виновны в убийстве, и я более никогда не улыбнусь! И он сдержал свое слово. Я же каждый месяц с того дня расчесывала свои волосы. Но, увы, прошлого не воротить.

Так кончилась история бедной девушки. Мы можем вывести из неё такое нравоучение для себя, что если 500 миллионов долларов в Нью-Йорке и 22 крючка на берегах Северного моря дают одинаковое положение человеку, то без сомнения будет дураком всякий, кто, не пользуясь жизненными благами, останется в Нью-Йорке, когда он может купить на пятак крючков и эмигрировать в благословенные северные страны – к эскимосам.

А. Михайлович

M. Twain «Esquimaux Maiden's Romance», 1893.

Перевод опубликован в «Прибавлении» к «Сибирскому вестнику». 1895. №. № 77, 78, 80, 81.

М. Твен
Журналистика из Теннесси

Доктор уверил меня, что южный климат был бы очень полезен моему здоровью, и вот я отправился в Теннесси, где получил место помощника редактора при газете «Утренняя слава и воинский клик Каунти-Джонсон». Явившись принимать должность, я застал главного редактора развалившимся на трехногом стуле, при чем ноги его покоились на столе. В комнате стоял еще один сосновый стол и плачевного вида стул; как тот, так и другой заваленные газетами, вырезками и рукописями. Находился также и деревянный ящик с песком, сплошь усеянный сигарными и папиросными окурками.

На редакторе были надеты белые полотняные брюки, черный сюртук и маленькие, тщательно вычищенные сапоги. Он носил плоеные рубашки со старомодным стоячим воротником, пестрый шейный платок и перстень с печатью. Он курил сигару и в погоне за каким-то словом водил рукою по голове, чем привел в большой беспорядок свою прическу. Вид у него был страшно нахмуренный, и я заключил, что он занят составлением особенно заковыристой передовицы. Он мне велел взять местные листки, просмотреть их и написать статью о духе прессы в Теннесси, в которой нужно упомянуть обо всем, что представляет какой-нибудь интерес.

Я написал следующее. Журналистика в Теннесси.

– Редакторы «Полунедельного землетрясения» впали, очевидно, в ошибку относительно железной дороги на Балигак. Железнодорожная компания вовсе не намерена оставить в стороне Бузардвилль; напротив, она считает это место за один из важнейших пунктов на линии, а потому и не может не желать воспользоваться им. Господа сотрудники «Землетрясения» конечно с удовольствием сделают надлежащую поправку.

– Г. Джон Блоссом, деятельный редактор издаваемой в Гиггинсвиле газеты «Громовая стрела и боевой крик свободы» прибыл вчера в наш город. Он остановился в Ван-Бурен Гауз.

– Мы замечаем, что наш собрат из Мьюд Спрингскаго «Утреннего воя» ошибся, предположив, что выбор Ван Вертера факт еще

не состоявшийся; но прежде чем до него дойдет настоящее напоминание, он, наверное, сам исправит свою ошибку. Без сомнения его ввели в заблуждение неточные сведения о выборах.

– С удовольствием отмечаем следующий факт: город Блатерсвилль заключил контракт с несколькими нью-йоркскими джентльменами, которые обязуются устроить мостовую из Никольсоновского пластыря на едва проходимых городских улицах. «Ежедневное ура» сильно ратует за это предприятие и, кажется, не сомневается в его окончательном успехе!

Я вручил рукопись редактору для принятия, изменения или уничтожения. Он взглянул на нее, и чело его омрачилось. Глаза его забегали по страницам, и лицо приняло зловещее выражение. Очевидно, что-то было не так. Вдруг он вскочил и закричал: «Гром и молния! Неужели вы думаете, что я буду говорить подобным тоном об этих скотах. Разве мои подписчики в состоянии перевернуть подобную кашу? Дайте-ка мне перо!»

Никогда не видал я, чтобы чье-нибудь перо так злобно царапало и черкало или так беспощадно перепаживало глаголы и имена прилагательные, написанные другим человеком. Когда редактор был в самом разгаре работы, кто-то выстрелил в него через открытое окно.

– А, – сказал он, – это, верно, бездельник Смит; я поджидал его еще вчера. С этими словами он выхватил из-за пояса матросский револьвер и выстрелил. Смит упал раненный в бедро. Вследствие этого, Смит, который как раз в это время стрелял в другой, промахнулся и попал в человека, совершенно стороннего. Он попал в меня. Отстрелил мне всего лишь один палец.

Главный редактор снова занялся своими поправками и вычеркиваньем.

Едва успел он окончить эту работу, как через печную трубу влетела бомба и разорвала на тысячу кусков; впрочем, дальнейшего ущерб не нанесла, и только заслонка выбила мне два зуба.

– Печь в конец разрушена, – заметил главный редактор.

Я сказал, что и я того же мнения.

– Ну да это не важно. При такой теплой погоде печь все равно не нужна. Я знаю, кто это сделал. Я до него уже доберусь. Вот вам рецепт, по которому вы должны писать.

Я взял рукопись. Она до такой степени была испещрена помарками и вставками, что даже её родная мать, если бы таковая имела, не узнала бы ее. Я прочел следующее:

– Журналистика в Теннесси. – Закоренелые лгуны «Полунедельного землетрясения», очевидно, опять стараются навязать благородному и рыцарскому народу подлую и скотскую ложь относительно славнейшей идеи девятнадцатого столетия – железной дороги в Балигак. Мысль, будто Бuzардвиль останется в стороне от дороги, могла родиться только в их собственных отвратительных мозгах, или вернее в том месте, которое *они* считают за мозги. Они сделали бы лучше, если бы проглотили сами эту ложь, потому что тогда они спасли бы свои тела – эти настоящие трупы гадов – от столь заслуженной порки.

– Осел по имени Блоссом из «Громовой стрелы и боевого крика свободы» опять здесь. Его заперли в смиренный дом – Ван Бурен.

– Мы замечаем, что одуревший головорез из Мьюд-Спрингскаго «Утреннего воя» со свойственной ему склонностью ко лжи распространяет слух, будто Ван-Вертер не выбран. Божественная миссия печати состоит в распространении истины, в искоренении заблуждений, в воспитании, поднятии и облагораживании общественных нравов и морали; она должна сделать человечество мягче, добродетельнее, сердечнее и, во всяком случае, лучше, святее и счастливее; этот же коварный подлец постоянно низводит свою высокую должность до распространения лжи, клеветы, хулы и пошлости.

– Для Блаттерсвиля нужен Никольсовский камень, но ему гораздо нужнее тюрьма и богадельня: что за глупая идея устраивать мостовую в паршивом местечке, все достопримечательности которого составляют две винокурни, кузница и горчичный пластырь – газета «Ежедневное ура»! Издатель «Ура», пресмыкающееся насекомое Букрен, со свойственной ему глупостью кричит по этому поводу, как осел, и воображает, что говорит что-нибудь путное.

В это время в окно с треском влетел кирпич, разбил раму и нанес порядочный удар мне в спину.

– Это должно быть полковник, – сказал редактор. – Я поджидаю его уже два дня. Он сейчас будет здесь.

Редактор был прав. Через минуточку в дверях появился полковник с драгунским револьвером в руке. Он обратился:

– Сэр, я, кажется, имею честь видеть трусишку, который издает эту грязную простыню?

– Вы имеете эту честь. Садитесь, сэр, только обходитесь осторожнее со стулом – у него не хватает одной ноги. Я думаю, что имею честь говорить с гнилым лгунишкой, полковником Блатерскэйт-Текумзе?

– Да, сэр. Мне нужно свести с вами маленький счет. Если у вас есть время, то займемся этим сейчас же.

– Мне нужно написать статью об утешительном прогрессе морального и интеллектуального развития в Америке, но это не к спеху. Начинайте.

В тоже мгновение выстрелили оба из пистолета.

Редактор потерял при этом один палец, а пуля полковника застряла в мясистой части моего бедра. У полковника было слегка задето плечо. Выстрелили снова. Оба промахнулись на этот раз друг в друга, но я получил свою долю: рану в руку. При стрельбе в третий раз оба джентльмена слегка поранили друг друга, у меня же оказалась раздробленной кисть.

Тогда я сказал, что пойду немножко прогуляться, так как их беседа носит чисто частный характер и чувство деликатности не позволяет мне больше принимать в ней участие. Но оба джентльмена упростили меня остаться, уверяя, что я несколько им мешаю.

После этого они заговорили о выборах и урожае, а я занялся перевязыванием ран. Но скоро снова открылся огонь с еще большим оживлением, и каждый выстрел попадал, но я должен здесь заметить, что из шести пуль пять сидели в моем теле. Шестым выстрелом был смертельно ранен полковник, редактор же с тонким юмором заметил, что должен откланяться, так как у него есть

еще в городе дела. Затем он справился об адресе могильщика и удалился.

Редактор обратился ко мне и сказал:

– Я ожидаю ко обеду общество и должен пойти все подготовить к приему. Вы меня очень обяжете, если просмотрите корректуру и примите за меня посетителей.

Я содрогнулся при мысли принимать подобных посетителей, но был так ошеломлен канонадой, все еще раздававшейся у меня в ушах, что ничего не ответил на это.

Он продолжал:

– Джен придет сюда в 3 часа, отдуйте его плетью. Джильмен зайдет быть может несколько пораньше, выбросьте его в окно. Ферножн придет в 4, убейте его. На сегодня, я думаю это все. Если у вас останется свободное время, напишите ядовитую статейку про полицию, заставьте полицмейстера проглотить несколько горьких пилюль. Плетни лежат под столом, оружие в ящике стола, патроны в углу, халат и бинт в конторке. Если с вами приключится что-нибудь особенное, спуститесь вниз к Ланцету, хирургу. Он у нас помещает объявления, и мы с ним сладим счета посредством взаимных услуг.

Он ушел. Меня пробирали дрожь. В течение трех часов я пережил столько ужасных опасностей, что весь мой душевный мир и веселость навсегда покинули меня.

Пришел Джильспен и выбросил меня в окно. Джонс был пунктуален и когда я хотел отдуть его плетью, он принял на себя этот труд. При стычке с каким-то субъектом, имя которого не находилось в списке, я потерял кожу со своей головы. После посещения другого незнакомца по имени Томпсон я имел вид какого-то забракованного товара, какой-то руины в лоскутьях. В конце концов, я был загнан в угол и осажден целою толпою политиканов, издателей, мошенников и всяких негодяев, которые неистовствовали, ругались, сыпали проклятья и потрясала надо мною оружием, так что даже комната озарилась светом от блестящих стальных клинков. Я был уже готов отказаться ль своего места при газете, как вдруг вошел мой патрон, а с ним целый рой прекрасных и востор-

женных друзей. Затем последовала какая-то схватка и резня, которую не в состоянии описать никакое перо, даже стальное. Люди расстреливались, прокалывались, разрубались на куски, выбрасывались в окно. Пронесся какой-то мрачный вихрь, сквозь который можно было различить только какой-то нелепый военный танец, и... все успокоилось. Через пять минут наступила тишина, и лишь кровавый редактор да я озирали кровь и разрушение, царившие вокруг нас.

Он сказал:

– Я думаю, вам понравится ваше место, когда вы попривыкните к таким вещам.

Я ответил:

– Я должен перед вами извиниться. Я думаю, что, быть может, мне удалось бы научиться писать, как вы желаете, да, я уверен, что достиг бы этого, попрактиковавшись достаточно и изучив язык. Но, говоря откровенно, этот энергичный способ выражения имеет свои неудобства и может иногда являться помехой делу. Вы сами это видите. Энергичный способ писания без сомнения поднимает дух общества, но мне не нравится, что он привлекает на пишущего такое внимание. Я не могу писать с надлежащим спокойствием и комфортом, если меня так часто прерывают, как сегодня, например. Местом при газете я доволен, но мне не нравится, что мне одному представляют принимать посетителей. Признаюсь, занятия здесь новы для меня и интересны, но они не равномерно распределены. Один джентльмен стреляет через окно в вас и калечит *меня*. Кто-то, чтобы доставить вам удовольствие бросает в трубу бомбу, печная же заслонка летит мне в загривок. Врывается ваш друг, чтобы обменяться с вами комплиментами и так продырявливает меня своими пулями, что кожа скоро, кажется, будет не в состоянии сдерживать мое тело. Вы уходите обедать, а в это время является Джонс со своими кнутами, Томпсон срывает с меня все платье, какой то незнакомец с бесцеремонностью старого приятеля снимает скальп с моей головы. Наконец, врываются в полном вооружении негодяи со всей страны и своими томагавками до смерти наугивают все, что от меня осталось. Я во всю свою

жизнь не переживал такого тревожного времени, как сегодня. Вы мне нравитесь, мне нравится также ваша тихая, спокойная манера объясняться с посетителями, но я вижу, что никогда не усвою ее. Сердце южанина чересчур легко возбуждается, а гостеприимство его чересчур расточительно. Написанные мною сегодня заметки, в холодную форму которых ваша мастерская рука влила всю пыль журналистики Теннесси, опять расшевелият все это осиное гнездо. Завтра опять явится вся ватага редакторов; явится она, наверно, голодной, будет требовать что-нибудь закусить. Я вынужден распрощаться с вами и отказаться от чести присутствовать на подобных торжествах. Приехал я на юг здоровья ради, по этой же причине уезжаю обратно. Журналистика в Теннесси слишком живое дело – оно не по мне.

M. Twain «Journalism in Tennessee», 1871.

Перевод опубликован в «Сибирском вестнике». 1896. № 200 (13 сент.). С. 2–3.

М. Твен
Счастье

Это было на одном банкете в Лондоне, данном в честь одной из величайших английских военных знаменитостей. По некоторым соображениям – читатель скоро сам о них догадается – я скрою истинное имя героя, которым здесь все так восторгаются. Я удовлетворюсь лишь тем, что буду звать его генерал-лейтенантом лордом Артуром Скоресби. Я знаю, читателю было бы очень интересно узнать истинное имя героя – сколько прелести и обаяния таится в великих именах! – но я, тем не менее, не могу его назвать: я дал слово не упоминать его имени и должен его сдержать.

Банкет приближался уже к концу, но я еще не дотронулся ни до одного из блюд или бокалов, которых здесь было бесконечное множество. Взрыв энтузиазма, с которым все присутствовавшие здесь чествовали героя дня, меня совершенно оглушил. Речи и речи, восклицания и поздравления сыпались без конца. Ораторы перебивали друг друга и чуть не дрались между собою, так как каждому хотелось пораньше, поскорее высказать волнующие его чувства. Вспоминали мельчайшие детали из его военной деятельности и в каждой из них видели творчество гения. Его называли величайшим человеком века и гордостью нации. Каждый считал своим долгом восхвалить заслуги героя перед отечеством и засвидетельствовать перед ним свое глубокое к нему уважение. Шум стоял невообразимый, в этом хаосе было трудно разобраться не только постороннему лицу, но и мне, присутствовавшему здесь с самого начала торжества. Все лица были разгорячены и опьянены, все глаза были устремлены в одну точку и все голоса слились в один неудержимо мчащийся поток, каждая капля которого отражала какой-нибудь блестящий момент из жизни этого необыкновенного человека. А он сидел в противоположном от меня конце стола, такой молчаливый и скромный, как будто не понимал, о ком здесь говорят. Его лицо выражало не то недоумение, не то испуг, и только каждый раз он как-то неловко кланялся то тому, то другому оратору, превозносившему его до небес.

Около меня с левой стороны сидел мой старый знакомый пастор. Этот пастор был когда-то профессором военной академии в Вульвиге, а затем добрую половину своей деятельности он провел на полях сражений и в лагерях. Теперь он был церковным пастырем в одной из аристократических церквей в Лондоне и присутствовал на банкете, как один из лучших знакомых лорда Артура Скоресби. Только он один во все время торжества сохранял удивительное спокойствие, не заражаясь нисколько настроением своих многочисленных соседей. Мне даже казалось, что лицо его выражало какую-то грусть и тоску, и я никак не мог понять причины его такого мрачного состояния духа.

В тот самый момент, когда все были особенно увлечены героем, этот пастор наклонился ко мне и, указывая жестом на виновника торжества, глухо проговорил мне на ухо: «Между нами говоря, вся его слава и блеск – дело удивительного, необычайного счастья, результат невероятного случая!»

Сознаюсь, что я должен был собрать всю свою силу воли и присутствие духа, чтобы не вскрикнуть при этом открытии. Если бы тот, о ком шла речь, был сам Наполеон, Сократ или Соломон, я не был бы менее поражен. Будь на месте пастора другой, я не придал бы его словам ни малейшего значения и был бы уверен, что здесь говорит зависть и мелкое эгоистическое чувство, но здесь дело обстояло иначе. Это сказал пастор, человек безукоризненной честности и безусловной правдивости. Я был в недоумении и несколько раз обращался к нему за разъяснениями этих странных слов, но он ограничился ответом: «Когда-нибудь в другой раз!»

Несколько дней спустя, я встретил преподобного. Вот, что он мне рассказал.

Сорок с лишним лет тому назад я был профессором военной академии в Вульвиге. В конце одного учебного года, не помню, которого именно, я находился в экзаменационной комиссии, перед которою молодой Скоресби должен был представиться перед окончанием академии. Это была предварительная экзаменационная комиссия. Я великолепно помню, как весь класс блестяще отвечал, в то время как Скоресби – увы! – ничего решительно не

знал. Больно было смотреть, как этот добрый хороший парень стоял перед нами, как пень, и говорил ужасные глупости. Он даже, видимо, не понимал, о чем его спрашивают. Я очень его сожалел и думал, каким образом прийти ему на помощь?

Я думал: «После экзаменов все будут над ним насмехаться, все будут к нему придирааться. Принести ему какую-нибудь пользу, сделать его неудачи менее тяжелыми, будет с моей стороны актом простой любви к ближнему. Вреда ведь в этом нет никакого!»

И я принял в нем деятельное участие. Я позвал его к себе домой и тут только убедился, что из всей истории он только поверхностно был знаком с историей Цезаря. Это все, что он знал. Я заставил его работать, как каторжника. Он основательно изучил ответы на некоторые вопросы из истории Цезаря, те вопросы, которые впоследствии я же должен был ему на экзамене предложить.

– Можете мне, дорогой друг, – продолжал Преподобный, – верить: в день экзаменов Скоресби оказал самые блестящие успехи. Он победоносно высказал свои поверхностные знания, которыми я его напичкал и был отличен похвалой в то время, как другие, действительно знавшие курс, позорно провалились. Благодаря странному случаю, который не повторяется два раза в сто лет, ему не задали ни одного вопроса помимо тех, которыми я его начинил.

Это было изумительно. В течение экзаменов я не отходил от него, как любящая мать, которая видит, что сё сын каждую минуту может погибнуть в бою с более сильными. Но он сумел отделаться – какос-то сверхъестественное чудо его спасло.

Но это было не все. Предстояла еще математика, на которой он должен был бесповоротно провалиться. Я был уверен, что его положение безнадежно. Он ничего решительно не знал и к тому же был очень неспособен к ней. Я снова начал начинать его ответами на вопросы, которые, мне казалось, ему будут на экзаменах задавать профессора. Он усердно работал и отправился на экзамен.

И подумайте, поймите, наконец, что произошло! К моему необычайному смущению он выдержал экзамен первым!

Ему устроили овацию и выдали диплом с особою пометкою об отличном окончании экзамена.

В течение целой недели я не мог уснуть. Совесть упрекала меня день и ночь. Я действовал исключительно из любви к ближнему, чтобы облегчить падение этого несчастного молодого человека, но я никогда не мог предположить того, что произошло. Это была деревянная башка, которую я вывел на дорогу и которой, благодаря мне, предстояла самая блестящая будущность. И вся тяжелая ответственность за его деятельность лежала на мне. Я считал себя виноватым за те гнусности, которые он в будущем натворит.

Надеяться на то, что он не получит ответственного поста, было трудно: его диплом открывал ему для этого самую широкую военную карьеру. Таким образом, я утешал себя только тем, что в первом же важном деле он выкажет свою глупость, которая и положит предел его дальнейшему движению вверх. Вы понимаете, почему я не упускал его из виду: я был слишком заинтересован в его судьбе.

Вскоре после этого началась крымская кампания.

«Мы будем иметь войну, – сказал я себе, – и Скоресби получит, вероятно, важное назначение. Как было бы хорошо, если бы этот осел исчез раньше, чем выкажет свои способности!»

И как вы думаете? Скоресби получил чин капитана в одном из походных полков! Этого было уж слишком много! Многие из верных служаек стареют и седеют прежде, чем добраться до этого чина, а он? – Это он сделал!? Кто мог когда-нибудь надеяться, что на плечи такого молодого и ненадежного человека нашьют такие эполеты?! Я помирился бы с тем, чтобы Скоресби назначить корнетом, но сразу попасть в капитаны – подумайте-ка?! Мосму горю не было пределов, я ужасался при мысли об его будущих распоряжениях.

Нужно было что-нибудь предпринять. И вот что я считал себя обязанным сделать, я, такой страстный любитель покоя и свободы, которыми я пользовался в академии.

Я сказал себе: «Я ответственен перед моей родиной за этого Скоресби. Если бы не я, он не был бы капитаном, а его место занял бы более способный человек. Я обязан идти с этим Скоресби, чтобы помогать ему своими советами, поскольку это будет в моих силах».

И я распродал все, чем владел, и купил себе на вырученную сумму место корнета в том полку, где он был капитаном. Мы отправились на войну.

А затем произошли ужасные события. Ошибки на ошибках. Скоресби делал только одни глупости и ошибки, но никто их не замечал. Никто не знал самой сути его действий. Все верили ему на слово и удивлялись его уму и изобретательности. Его гнусную ложь принимали за вдохновение гения. Достаточно было ему ступить шаг, чтобы все, совершенно здоровые и умные люди, кричали об его заслугах. Я был вне себя. Я не знал, что мне делать. Хорошо, что его глупости пока сходили, но ведь всему бывает предел! Он может натворить таких вещей, за которые дорого придется расплачиваться! Я приходил в отчаяние, я кричал, я бесился, на меня часто находило такое состояние, когда хочется от горя разбить себе голову о первый встречный камень! И что меня более всего ужасало, что бросало меня в холод и пот, это то, что с каждой его ошибкой, с каждой его глупостью его репутация только возрастала!

Я сказал себе: «Он поднимается так высоко, что в один прекрасный день, как метеор слетит на землю и разобьется вдребезги!»

Но этот день не приходил. Он быстро поднимался отчина к чину через трупы своих высших начальников, пока в одной горячей битве под N, не погиб его полковник.

Можете себе, дорогой друг, представить мое состояние, когда я узнал, что именно Артур Скоресби назначен вместо павшего!

«Теперь, – сказал я себе, – все кончено! Через каких-нибудь 10 минут нас изрубят в котлеты, а наша кровь послужит отличным удобрением для русской земли! Мы можем помолиться в последний раз!»

В это время по всему фронту шел горячий бой. Такого упорного, такого ожесточенного сражения еще не было с самого начала войны. Поле сражения превратилось в озеро крови, в котором плавали мертвые и умирающие. Русские дрались, как львы, и ничто, казалось, не способно было сломить их храбрость. Союзные войска медленно, шаг за шагом, отступали. Употребляли последние

усилия, напрягались до изнеможения, но все казалось тщетным. Наш полк занимал одну из самых главных позиций. Он прикрывал отступление нашего фронта и чуть ли не решал участь сражения. Было достаточно одной ничтожной ошибки, и союзники потерпели бы полное поражение. Разгром всей армии был бы неминуем. Момент был решительный.

Что же, вы думаете, в эту критическую минуту предпринимает наш безумный полковник?

Он отдает приказ полку оставить эту капитальную позицию и отправляться обстреливать соседнюю гору, на которой не было ни малейшего признака существования врага.

«В добрый час! – сказал я себе. – Теперь, наконец, все конечно!»

И мы отправились, и мы дошли до вершины горы прежде, чем это безумное движение было замечено и задержано. На горе было тихо и спокойно, и никто и не думал нам противодействовать.

Но – Боже, Боже! – что же представилось нашим глазам?

С другой стороны горы была расположена огромная русская резервная армия. Она была так превосходно скрыта, что о ней нельзя было и подозревать. Наступил последний момент. Не было никакого сомнения, что мы по глупости нашего начальника попали в ловушку и что через одну минуту мы все до одного будем уничтожены.

Да, друг мой, именно это должно было произойти в девяноста девяти случаях из ста!

Но – нет! Русские не догадались – да никто в мире и не мог бы догадаться! – что нас всего один полк. Было бы безумием подумать, что в такую критическую минуту, в таком опасном месте появилась такая ничтожная горсть людей. Это было бы прямо дерзостью! Нет никакого сомнения: это целая английская армия открыла их убежище и напала на них врасплох с целью либо взять их всех в плен, либо истребить их раньше, чем они успеют выстроиться!

И началась суматоха! Они моментально повернули и побежали через поле в беспорядочном замешательстве под нашим преследо-

ванисм, оставив в нашем распоряжении гору и массу оружия и боевых припасов. Поражение было отчаянное! Они сами прорвали так крепко державшийся собственный центр, сбили его с позиции и, минуто спустя, – их бегство сделалось грандиозным! Мы никогда не могли и помышлять о таком страшном ударе. Полное, почти уже обеспеченное поражение союзных войск, превратилось в одно мгновение в блестящую, неслыханную победу!

Маршал Канробер не верил своим глазам. Ему казалось, что все это – сон. Но это был факт, и ему оставалось только радоваться. И он безумно радовался и ликовал, как радовались и ликовали все союзные войска. Он тотчас же позвал Артура Скоресби к себе, приказал армиям выстроиться, как к параду, и в присутствии всех союзных войск обнял его, расцеловал и украсил его грудь новым орденом.

Вы меня, быть может, спросите каким образом он совершил эту счастливую глупость?

Очень просто: он принял свой правый фланг за левый. Это было все. Он получил приказ медленно отступать и драться, защищая правый фланг, к которому и должен был приблизиться. А он, наоборот, отодвинулся налево прямо к горе. И этот глупый и ошибочный шаг создал ему славу военного гения, которая покатила по обоим полушариям и будет существовать до той поры, пока останется хоть одна книга по истории. Вы видите, как случайно блеснула его слава почти сорок лет тому назад и теперь она достигла своего зенита, с которого уже никогда не сойдет.

А он остался таким, каким был. Это – всегда добрый, хороший, любезный человек, но он не способен понять, что нужно войти в дом, когда на улице дождь. И так день за днем, год за годом его преследовало самое невероятное, самое феноменальное счастье, поднимавшее его все выше и выше. В течение тридцати лет он блеснул во всех наших войнах, как первоклассный военный гений.

Эта ошибка в Крыму была одна из самых тяжелых его военных ошибок, и у него не было ни одной ошибки, которая не принесла бы ему славы, баронства, лордства или каких-нибудь других почестей.

Посмотрите на его грудь: она сияет всеми национальными и иностранными звездами и орденами. Да, милостивый государь, каждое из этих отличий – свидетельство какой-нибудь новой его глупости, а все они вместе доказывают только одно: лучшей долей в этом лучшем из миров – родиться счастливым!

P.S. Все, что я рассказал – не вымышленная для удовольствия история. Я узнал ее от одного пастора, который сорок лет тому назад был профессором военной академии в Вульвиге. Этот пастор – честнейший из людей, и он уверял меня, что все это – истина.

Е. Галка

M. Twain «Luck», 1886.

Перевод опубликован в «Сибирской жизни». 1905. № 215 (27 окт.). С. 2–3.

М. Твен
Молния

– Конечно, конечно, – произнес говоривший уже с четверть часа мистер Мак Вильямс, пока поезд мчался вперед с необычайной быстротой, – Конечно, из всех недугов, которыми способен страдать человек, страх перед молнией – один из наиболее ужасных. Им страдают по большей части женщины, но нельзя сказать, чтобы он вовсе не встречался у мужчин. Болезнь эта особенно характерна: она до такой степени поражает свою жертву, до какой ее не способен довести ни один из других видов страха. Так, например, каждый знает, что женщина способна гордо и смело смотреть самому черту в глаза, но при блеске молнии она теряет всякое равновесие. Она переходит в состояние детства и возбуждает к себе одну только жалость.

– Я уже говорил вам, мистер Твен, что в эту ночь я внезапно проснулся, услышав зовущий меня душу раздирающий голос, места отправления которого я никак не мог определить.

Этот пронизывающий голос, безумно кричал:

– Мортимер! Мортимер!

И лишь только я спросонок сделался способным рассуждать, я принялся в густой тьме искать и звать свою жену:

– Эванжелина! Эванжелина! Где вы? В чем дело?

Она ответила:

– Я в шкапу из-под обуви. Вы спокойно спите во время такой ужасной грозы, вы покраснели бы хотя от стыда!

– Но как же я могу покраснеть во время сна? Я этого никак не пойму. Эванжелина, вам должно быть известно, что во время сна человек не может краснеть от стыда.

– Конечно, вы этого никогда не испытывали, и не мне уж конечно предлагать вам делать такого рода испытания!

На несколько мгновений воцарилась тишина, вслед за которой я услышал глухие задавленные стоны.

– Мортимер! Мортимер!

– В чем дело, дорогая?

– Я хотела бы знать, хватает ли еще у вас смелости оставаться в постели?

– Конечно...

– Вы немедленно должны оставить ее! Я думала, что вы гораздо более дорожите своей жизнью. Вставайте, Мортимер! Слышите? Вы обязаны это сделать, если не для себя лично, то ради меня и наших крошек!

– Но, милая...

– Замолчите, ради Бога! Вы так же хорошо, как и я, знаете, что нет более опасного места во время грозы, чем кровать. Об этом пишут во всех книгах, и вы сотни раз уже читали про это! Но, не смотря на это, вы все-таки спите в такую ужасную пору и обрекаете свою жизнь Бог знает чему. Почему? С единственной целью мучить меня, перечить мне и самому наслаждаться моими страданиями.

– Эвангелина! Что вы? Как вы можете меня так укорять? И раньше всего – я в эту минуту вовсе не сплю, кля...

Я не успел еще окончить этой фразы, как комната на мгновение ярко осветилась блеснувшей молнией, а вслед за нею раздался оглушительный раскат грома и душераздирающий крик госпожи Мак Вильямс.

– А?.. Что, вы довольны результатами? И у вас хватает дерзости в такую минуту клясться?! О, Боже!

– Но я ведь еще не клялся. И, наконец, ведь не моя же клятва, во всяком случае, разразилась этим громом. Гром гремит независимо от меня, вы прекрасно знаете, что когда атмосфера насыщена электричеством...

– Да, да! Теперь самая подходящая минута для таких рассуждений. Я решительно не понимаю, как вы, зная, что нигде вблизи нас нет ни малейшего признака громоотвода, и что ваша жена и несчастные дети находятся всецело в руках Провидения, позволяете себе такие легкомысленные выходки! Но, Боже, что это вы делаете? Вы зажигаете спичку? В такую пору? Что с вами? Вы рехнулись?

– Черт знает, что такое! Ну, какая от неё, от спички, беда? В комнате темно, как в печной трубе.

– Потушите ее, Мортимер! Слышите? Немедленно тушите ее, если только вы не решили пожертвовать всеми нами. Вы знаете, что ничего так не притягивает молнию, как свет.

Гром снова загремел.

Ффрртт! Кккряаккбумм, бумм, буммм!

– Слышите? Видите, что вы делаете?

– Нет, я ничего решительно не вижу. Спичка может притянуть молнию, но вы никогда не убедите меня в том, что она может явиться её причиной. Во всяком случае, моя спичка ничего не притянула: молния блеснула в это именно мгновение, когда я потеряю о коробку. Я в этом глубоко убежден и готов заложить миллион против одного гроша.

– Вы хотя бы постыдились! Вы видите, что мы переживаем теперь трагически-торжественную минуту – перед нами сама смерть, а вы позволяете себе болтать такие... И если вы не сожалеете...

– Я? Кого? Что?

– Вы молились вчера вечером?

– У меня, признаться, было такое намерение, но в самую минуту начала молитвы мне вдруг влетела в голову мысль, сколько составляет 12X13, а потом...

– Ффритть! Бумм! Бумм! Бумм! Кыррааккк!

– О, все погибло! Нет более спасения! Боже мой, что делать? Мортимер, как это вы позволили себе пренебречь молитвою накануне такой страшной минуты, как теперь!

– Но, милая Эванжелина, ведь вчера вечером была прелестная погода, а на небе не было ни одного облачка! Как же я мог за несколько часов угадать то, что происходит теперь?! И, наконец, ведь такого ужаса не было уже четыре года – с самого землетрясения!

– Что вы говорите? А желтая лихорадка, которую мы пережили три года назад?

– Желтая лихорадка! Какое вы имеете право вечно упрекать меня ею, как будто я был причиной этой несчастной болезни! Пусть разразится еще одно землетрясение, но я готов быть тысячу раз повешенным, чем принять на свою голову ответственность за все то, что совершается в этом проклятом ми...

– Ффзтт! Биммг! Бумм! Бум! Бооммм!

– Ах! Видишь! Я уверена, что молния на этот раз упала в двух шагах от нас. Мортимер, мы не увидим уже рассвета дня, а если бы вы сохранили еще способность немного чувствовать, я сказала бы вам, что ваша жестокая суровость. О, Мортимер! – что еще? Чего вам?

– Ваш голос звучит, как будто... Не находитесь ли вы теперь у камина?!

– Да, я в данную минуту совершаю именно это преступление.

– Уходите немедленно оттуда! Скорее! Вы как будто умышленно стараетесь погубить себя. Вы отлично знаете, что нет лучших проводников электричества, как эти сообщающиеся с внешним воздухом каминные. Где вы теперь?

– У окна.

– Великий Бог! Он у окна! Вы окончательно потеряли рассудок! Уходите немедленно от окна! Весь свет, даже грудные дети знают, что нет ничего опаснее, как стоять у окна во время грозы. Да, нет никакого сомнения в том, что мы до утра не доживем! Все погибло!

– Морр... Мортимер!

– Ну?

– Я слышу какой-то страшный шум.

– Это я...

– Что вы там делаете?

– Я разыскиваю свои туфли и случайно двинул стулом.

– Вот!.. Вы нашли время, когда передвигать мебель. Вы как будто не знаете, что приводите этим в колебание частицы воздуха и что это во время грозы опаснее всего! О, как вы жестоки! Вам недостаточно того, что собственные силы природы обрекли нашу жизнь на верную гибель, вы всеми силами стараетесь еще лично содействовать ей в этом направлении. Ради Бога, не пойте теперь! Петь в такую пору! Что с вами?

– А что вам до моего пения?

– Я, кажется, уже тысячу раз говорила вам, что звуковые волны колеблют воздух. Что это? Вы открываете дверь?!

– Да, я совершаю именно это ужасное дело.

– Ужасное, вы говорите, дело? Вы совершаете этим просто убийство! Достаточно самых элементарных сведений, что бы знать, что самое лучшее средство притянуть молнию – это устроить сквозняк. Вы еще не закрыли дверь? Вы не обращаете никакого внимания на мои слова! Заприте немедленно дверь! На замок! Чтобы ветер не мог ее раскрыть! Ну! Скорее, иначе мы все погибем! Боже, какой ужас быть во время грозы в одной комнате с таким лунатиком! Что вы там еще делаете?!

– Я хочу открыть фонтан. В этой комнате можно задохнуться, а вы велите запереть дверь и окно. Здесь такая жара. Я хотел освесить комнату.

– Вы, очевидно, лишились последней капли мозгов. Вы не знаете, что молния девяносто девять раз из ста падает именно в воду. Закройте фонтан! О! Потеряна всякая надежда на спасение. Что это?

– Ничего.

– Но я слышу шум.

– Это... это картина... Я случайно уронил ее.

– Уронил картину! Это значит, что вы находитесь теперь у стены! Я никогда не думала, что вы способны на такое безумие. Неужели вы не знаете, что стена – самый лучший проводник электричества?! Возможно ли, чтобы человек совершил столь преступную неосторожность?! Разве только для того, чтобы погубить всю свою семью! Мортимер, заказали ли вы, как я вас просила, пуховую перину?

– Ах, нет! Клянусь, дорогая, что я позабыл о ней.

– Позабыл! А это может нам дорого стоить! Пуховая перина – лучший изолятор! Ее можно было бы положить посередине комнаты, усесться на ней и совершенно предохранить себя таким образом от опасности! Но вы позабыли! Идите сюда! Идите скорее сюда!

Я поспешил повиноваться. Я забрался в шкаф, но он оказался слишком тесным для нас двоих, и через несколько мгновений я силой вырвался оттуда. Жена больше не звала меня туда.

– Мортимер, произнесла она через минуту, но мы все-таки должны применить какие-нибудь меры для нашего спасения. На

камине немецкая книга, в которой можно найти несколько указаний на этот счет. Дайте мне эту книгу и свечу, но не зажигайте её, я зажгу её здесь.

Я ощупью достал немецкую книгу, разбив предварительно несколько безделушек, подал её со свечей жене, которая принялась её изучать.

Через несколько минут она снова начала:

– Мортимер, что вы опять делаете?

– Ничего. Это – кошка.

– Кошка?! Только этого не хватает! Боже! Заприте её немедленно в комод или куда хотите, слышите? Схватите и заприте поскорее, кошки притягивают электричество. Слышите?

И она разразилась истерическими рыданиями. Мне ничего не оставалось делать, как пуститься в погоню за кошкой. И я с остервенением принялся за это дело, не обращая внимания на тьму, на столы, стулья и прочие бесчисленные препятствия, многие из которых были остроконечны и довольно увесисты. Через пять минут, однако, кошка была уже в комод и рвала на мелкие кусочки мое бельё, за которое я лишь недавно заплатил 400 долларов.

Тогда из шкапа раздались такие слова: «Наиболее безопасное место во время грозы это стоять по середине комнаты на стуле, ножки которого должны быть установлены на непроводниках. Установливайте стулья, Мортимер!»

Бумм! Бруумм! Бррууммм! Ффззиттррр!

– Вы устанавливаете стулья, Мортимер?

Мне удалось найти четыре, стеклянных подграфинника и установить на них стул. Я обратился к жене за новыми инструкциями.

– Во время грозы, – начала она, – опасно держать при себе металлические вещи – кольца, ключи, часы.

– Мг, мне это кажется сомнительным, мне вообще кажется сомнительным все то, что говорится в немецких книгах.

– Вы, кажется, правы на этот раз. Ведь кольца, ключи и часы приготавливаются из тех же металлов, что и громоотводы. Можете оставить их при себе. Ах, да! Оденьте вашу медную пожарную каску – она тоже из металла и предохранит вас от молнии.

И я должен был повиноваться, хотя моя пожарная каска была необычайно тяжела. Мне показалось, что я уже окончательно обезопасил себя. Но какое заблуждение!

– Мортимер, – снова начала жена, – ваша верхняя часть тела теперь уже изолирована, нужно подумать о туловище. Вам бы следовало одеть саблю. Ради Бога, оденьте ее!.. Умоляю вас, оденьте!

Я повиновался и поверх полного туалета одел португую.

– Мортимер, а ноги?

Я, молча и еле сдерживая гнев, одел шпоры.

– Мортимер, слушайте, что я вам буду читать: «Производить во время грозы шум очень опасно, так как вибрации воздуха и особенно те, которые производятся колокольным звоном, определяют некоторое направление его течения, по которому часто устремляется молния». Не думаете ли вы, что автор хочет этим сказать, что во время грозы не мешает звонить в колокола?

– Мне кажется, что это всецело зависит от высоты колокольни, но замечательно то, что автор в тексте не упоминает слова Lutzug, следовательно...

– Ну, так не будемте терять напрасно времени! Принесите сюда из передней наш большой обеденный колокол. Скорее же! Ах, дорогой, мне становится так хорошо и легко, когда я вспоминаю, что мы уже почти спасены. Наконец-то!

Наш дачный домик находится в наиболее высокой местности среди окружающих нас холмов, а ближайшая ферма удалена от нас по крайней мере за версту. Благодаря этому обстоятельству я мог, ни кого не стесняя, шуметь и делать у себя в доме, что мне угодно. И я с тяжелым колоколом в руках с пожарной каской на голове, с саблей на боку и шпорами на ногах, взобрался на изолированный стул.

Прошло не более семи или восьми минут, как я от злобы с каким то диким усердием звонил в этот колокол, чтобы отвлечь в сторону молнию, как вдруг ставни одного из окон внезапно раскрылись снаружи, и уличный фонарь сразу осветил всю комнату.

– Эй! Послушайте! Что здесь творится?! – услышал я резкий оклик.

И в окно протиснулось множество голов любопытных, с удивлением и насмешками рассматривавших мою необычайную позу и военные доспехи на ночном костюме.

Я в эту минуту охотно согласился бы провалиться сквозь землю, чем сделаться таким глупым посмешищем толпы. И, окончательно растерявшийся, я положил колокол на пол и залепетал: Ничего, ничего. Это из-за грозы. Я хотел отогнать молнию и гром.

– Молния?! Гром?! Гроза?! О чем это вы, мистер Вильямс, толкуете?! Взгляните: теперь дивная ночь и звезды так ярко теперь блещут, как...

Я взглянул на улицу. Прекрасная ночь и чистый прозрачный воздух меня так ошеломили, что я в течение нескольких минут не мог произнести ни слова.

– Ничего не понимаю! Я только что собственными глазами видел блеск молнии и ясно слышал громовые раскаты...

Мое заявление вызвало среди присутствующих такие взрывы смеха, что некоторые из них покатались на землю, а двоих охватили ужасные судороги.

– Странно, – произнес один из оставшихся у окна, что вы не догадались взглянуть на улицу, на верхушку вон того холма. Вы увидели бы там пушку, из которой стреляли в честь избрания нового президента республики. Граждане встретили эту радостную весть пушечными салютами.

– Да, мистер Твэн, – произнес Мак Вильямс, – Как я уже вам раньше говорил, мер предосторожности во время грозы такое изобилие, они так блестящи и совершенны, что я решительно не понимаю, почему и теперь еще бывают смертные случаи с людьми, которых поразила молния.

Поезд в эту минуту остановился, и Мак Вильямс, захватив свой маленький чемоданчик, поспешил оставить вагон.

Е.Г.

M. Twain «Mrs. Mc Williams and The Lightning», 1880.

Перевод опубликован в «Сибирской жизни». 1907. № 8 (9 янв.). С. 2–3.

ПЕРСОНАЛИИ

Бахметьев В.М. Владимир Матвеевич Бахметьев (1885–1963) – писатель, публицист, литературный критик. С 1914 по 1921 г. жил и работал в Томске, где сотрудничал в газете «Сибирская жизнь».

Бражников П.Н. Павел Николаевич Бражников (ум. 1914) – выпускник физико-математического факультета Харьковского университета, в 1900 г. перевелся в Томск, где активно публиковался в литературно-критических отделах местных периодических изданий. Автор многочисленных критических очерков, посвященных известным русским и западноевропейским писателям.

Воложанин В.Е. Валентин Евгеньевич Воложанин (ок. 1890 – ок. 1970) – известный сибирский социал-демократ, организатор первого марксистского рабочего кружка в Томске. С 1911 г. редактор газеты «Утро Сибири», автор ряда литературно-критических публикаций.

Волховский Ф.В. Феликс Вадимович Волховский (1846–1914) – русский поэт, публицист, революционер-народник, журналист. С августа 1881 по март 1889 г. жил в Томске, активно работал в местной печати, был сотрудником «Сибирской газеты» (псевдоним Иван Брут и другие), писал фельетоны, очерки, театральные рецензии, сказки. Всего в «Сибирской газете» напечатано свыше 50 статей, посвященных театру.

Вяткин Г.А. Георгий Андреевич Вяткин (1885–1937), сибирский и российский писатель и переводчик с немецкого, итальянского и английского. Сотрудничал в томских газетах «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», для которых писал критические статьи, театральные рецензии и переводы. Расстрелян в 1937 г.

Долгоруков В.А. Всеволод Алексеевич Долгоруков (1850–1912). Уроженец Петербурга, сосланный в Томск по скандальному уголовному делу «червонных валетов». В Томске активный обще-

ственный деятель, присяжный поверенный, член городской думы, член Императорского музыкального общества, поэт, писатель, театральный критик и историк театра, один из первых профессиональных журналистов и издателей Сибири. В томских газетах писал под псевдонимами Всеволод Сибирский, В. Д-ков и др.

Григорьев Е.Г. – томский журналист, постоянный автор рубрики «Политическое обозрение», публицист, литературный критик «Сибирской жизни». В томских газетах опубликовал свои переводы из О. Уайльда и М. Твена.

Иосиф Иванов – томский литературный критик, библиограф, театральный обозреватель и переводчик (Э. По).

Качоровская А.С. Анна Семеновна Качоровская – томский литературный критик, автор многочисленных литературно-критических публикаций «Сибирской жизни» о современной русской и зарубежной литературе.

Ордынский А.К. Аполлон Ксаверьевич Ордынский (ок. 1830 – 1915), публицист, этнограф, один из старейших работников сибирской печати. Под псевдонимом Х. Ныдро опубликовал переводы трех рассказов Р. Киплинга.

Соколов Н.И. – Николай Иосифович Соколов, в разное время помещал рассказы и театральные рецензии за полной подписью и под псевдонимом «Невидимка» в томских газетах.

Научное издание

Горенинцева Валентина Николаевна

**АНГЛИЙСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА НА СТРАНИЦАХ ТОМСКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКИ:
КРИТИКА, ПЕРЕВОДЫ, ТЕАТР**

**Антология библиографических
материалов и переводов**

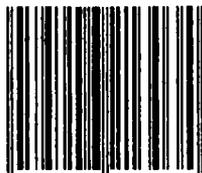
Отв. ред. О.Б. Кафанова

Издание подготовлено
в авторской редакции
Корректор А.Н. Гранкина
Оригинал-макет В.К. Савицкого
Дизайн обложки А.В. Бабенко

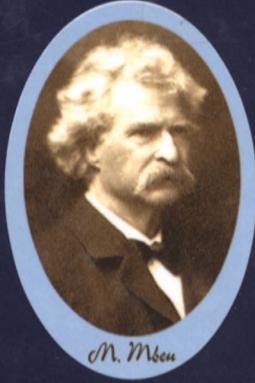
Подписано к печати 10.03.2010 г. Формат 64х80^{1/16}.
Ризография. Бумага писчая. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 9,3. Тираж 250 экз. Заказ № 5 .

Отпечатано на оборудовании
ООО «Издательство «ТМЛ-Пресс»
634050, г. Томск, ул. Советская, 33, оф. 01
Тел. (8+3822)-59-25-75

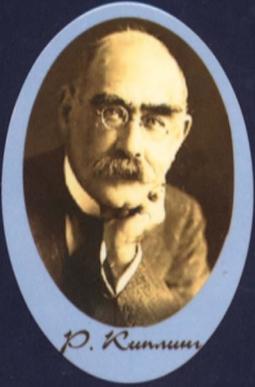
ISBN 5-94621-303-2

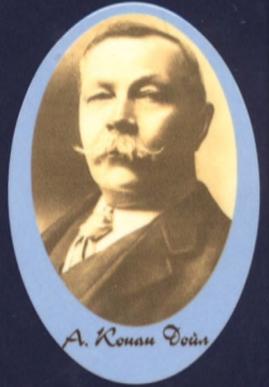
9 785946 213035

M. Mben

P. Kunnun

A. Rouan Doan

